

**КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Кафедра русского языка и методики преподавания

Т.Ю.ЩУКЛИНА

РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Курс лекций

Казань – 2015

Утверждено на заседании кафедры русского языка и методики преподавания (Протокол № 10 от 7 апреля 2015 г.)

Щуклина Т. Ю.

Русское языкознание : курс лекций / Т. Ю. Щуклина; Каз. федер. ун-т. – Казань, 2015. – 183 с.

Предлагаемый курс лекций посвящен вопросам русского языкознания. Он знакомит с основными направлениями и школами в области русской лингвистики начиная с древнейших времен и кончая современным этапом ее развития, с деятельностью и взглядами выдающихся языковедов, с характеристикой основных принципов, методики исследования и наиболее важных конкретных результатов отечественных лингвистов прошлого и настоящего.

Рассматриваются основные темы курса, отражающие поэтапное развитие отечественного языкознания. Каждая из них включает глоссарий, перечень вопросов для изучения и рекомендуемые информационные ресурсы.

Автор-составитель: Щуклина Татьяна Ювенальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания.

© Щуклина Т.Ю.

© Казанский федеральный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Тема 1. Истоки русской грамматической мысли.....	5
Глоссарий по теме 1.....	23
Вопросы для изучения.....	26
Рекомендуемые информационные ресурсы.....	27
Тема 2. Ломоносов М.В. и грамматическая традиция второй половины 18 в.	29
Глоссарий по теме 2.....	52
Вопросы для изучения.....	54
Рекомендуемые информационные ресурсы.....	54
Тема 3. Зарождение сравнительно-исторического языкознания в России (первая половина 19 в.).....	56
Вклад Востокова А.Х. в развитие компаративистики.....	56
Роль Срезневского И.И. в истории русского языкознания.....	61
Лингвистическое наследие Буслаева Ф.И.....	67
Глоссарий по теме 3.....	70
Вопросы для изучения.....	72
Рекомендуемые информационные ресурсы.....	73
Тема 4. Русское языкознание в конце 19 в.	75
Харьковская лингвистическая школа.....	80
Московская лингвистическая школа.....	85
Казанская лингвистическая школа.....	94
Глоссарий по теме 4.....	119
Вопросы для изучения.....	121
Рекомендуемые информационные ресурсы.....	125
Тема 5. Отечественное языкознание первой половины 20 в.....	127
«Новое учение о языке» Марра Н.Я.	131

Вопросы языка в трудах Мещанинова И.И.	137
Лингвистические взгляды Виноградова В.В.	138
Глоссарий по теме 5.....	146
Вопросы для изучения.....	149
Рекомендуемые информационные ресурсы.....	150
Тема 6. Русское языкознание кон.20-нач.21 вв.....	152
Антропоцентризм как ведущий принцип в современном языкознании.....	152
Основные направления современной лингвистики.....	160
Глоссарий по теме 6.....	176
Вопросы для изучения.....	179
Рекомендуемые информационные ресурсы.....	181

ИСТОКИ РУССКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В Руси языкознание формировалось в условиях старославянско-древнерусской диглоссии. Первыми его шагами были опыты глоссирования, которое и в других странах выступало как универсальная предпосылка лексической семантики. Глоссы в рукописных книгах 11-13 вв. представляли собой или переводы отдельных, остававшихся непонятными слов, или толкования иноязычных терминов и описания понятий, или комментарии и этимологические справки по поводу упоминаемых в тексте антропонимов и топонимов, или новые слова взамен уже устаревших, или разъяснения смысловых и стилистических расхождений в лексике двух контактирующих родственных языков. В процессе глоссирования шел активный поиск древнерусской лексической нормы.

На следующем этапе появились списки перечней глосс, глоссарии в виде перечней собственных имен (ономастиконы), перечней символов и их толкований (приточники) или же перечней славяно-русских лексических соотношений (с 13 в.). Появляются и тематически организованные словари-разговорники (15-16 вв.). Разговорник-справочник "Речь тонкословия греческаго" был одним из таких непревзойденных памятников жанра разговорников.

В 14-15 вв. складываются русский и украинско-белорусский (в двух вариантах - южном и северном) литературные языки рядом с продолжавшим функционировать старославянским языком. В 15-16 вв. глоссировка текстов становится еще более активной. В этот период происходит становление самостоятельного словарного дела трех отдельных народов.

В теории перевода в 9-15 вв. друг друга последовательно сменяют три концепции: а) "открытая", культурно-историческая теория (9 в.),

настаивающая на переводе "силы и разума" речи, опирающаяся на первоучителя славянства Кирилла; б) вольный перевод (12-13 вв.); в) буквальный перевод, т.е. перевод "от слова до слова", осуществлявшийся выходцами из Болгарии и Сербии Киприаном, Григорием Цамблаком, Пахомием Сербом (14-15 вв.).

Активно ведется и переводческая деятельность. Попом Вениамином (1493) были переведены несколько библейских книг. В 1499 г. появляется Геннадиевская Библия. Свое название она получила от инициатора ее создания новгородского архиепископа Геннадия, окружение которого вело борьбу с московскими и новгородскими еретиками. Это был первый в славянских странах перевод всех книг Ветхого и Нового завета. В середине 16 в. появляется сборник книг Ветхого завета. Новый этап в развитии теории перевода как деятельности по критике текста и отработке русских литературных -- прежде всего грамматических -- норм был связан с именем Максима Грека (16 в.).

Создаются многочисленные восточнославянские списки переводов грамматики Иоанна Дамаскина, книги Константина Философа "О писменехъ", "Жития" Кирилла и Мефодия, сочинений черноризца Храбра и Георгия Хировоска. Их содержание активно усваивается и перерабатывается. Воздействие идей болгарских Тырновской и Ресавской школ расценивается сегодня как "второе южнославянское влияние".

В 16 в. (со становлением национальной государственности) появляются переводные грамматики и словари, которые фиксируют нормы церковнославянского языка, все больше отличающегося от народно-разговорного языка. На базе грамматики "О осмихъ частехъ слова" в 14-16 вв. формируются самостоятельные грамматические идеи как составляющая общего процесса идеологического, политического и культурного развития в эпоху становления и расцвета Московского государства.

В эту эпоху по-прежнему сохраняется линия на центральное положение слова в грамматике (сосредоточенной на конкретных фактах), в диалектике (опирающейся на дихотомический принцип классификации, т.е. на бинарные оппозиции, и подводящей к компонентному анализу) и в богословии (оперирующем тернарным принципом классификации).

Дихотомический принцип классификации реализуется в сочинениях новгородско-псковских еретиков, бывших под влиянием псковских стригольников, западноевропейских реформаторов и южнославянских богомилов ("Лаодикийское послание" дьяка Федора Курицына, 15 в.). Появляются грамматические таблицы, в которых даются некоторые грамматические, графические, лексические и фонетические сведения. Активно проповедаются идеи демократизации литературного языка и устранения церковнославянского языка.

Еретиками в 1483 г. осуществляется перевод "Логики" Маймонида, призывающей к свободному развитию науки. Осуществляется перевод латинских грамматик, начиная с руководства Доната. Попутно заимствуется иная грамматическая терминология. Строится система вывода (порождения) частей речи как неравноценных звеньев предложения, утверждается главенство глагола в предложении и т.п. (ряд серьезных новаций содержится в трудах Дмитрия Герасимова). Но заимствование идей иной, романско-католической культуры ("латынщины") вызывает отрицательную реакцию церковных деятелей.

Итогом является расправа над еретиками после 1503 г. Уничтожаются многие их (прогрессивные по тому времени) произведения. Восстанавливается ориентация на нормы церковнославянского текста (вплоть до раскола 1663), что приводит к задержке формирования национального литературного языка и разработки системы строгого лингвистического знания.

И если труды Максима Грека (около 1475-1566 гг.) в области лексикологии и лексикографии, теории перевода и экзегетики были весьма значительными, то его грамматические сочинения серьезно им уступали по своему уровню. В них автор проповедовал возврат от звука к букве, от живой речи к искусственной.

Завершение синтеза греческой и латинской традиций произошло в более позднее время. В то время как Лаврентий Зизаний ориентировался на греческую традицию, Мелетий Смотрицкий опирался в основном на латинскую традицию (но с оглядкой на греческую), используя метод бинарного разбиения, достаточно смело вводя новую терминологию и давая более строгие грамматические определения морфологических категорий.

Большую роль сыграло изобретение книгопечатания. Первые печатные русские грамматики противостояли всей предшествующей грамматической литературе. Книгопечатание способствовало последовательной систематизации грамматических знаний. Оно обусловило появление череды новаторских книг, среди которых были первая русская азбука Ивана Федорова (1574), славянская грамматика вместе с текстом Острожской библии (1856), перевод грамматики греческого языка, написанной с учетом западной традиции (1588-1591), грамматика современного "русско-славянского" языка Лаврентия Зизания (1596) и в особенности славянская грамматика Мелетия Смотрицкого (1619), впитавшая в себя все грамматические достижения предшественников, определившая в дальнейшем развитие грамматических знаний в России и сохранявшая авторитет до появления грамматики М.В. Ломоносова.

Труды М. Смотрицкого свойственна синхроническая и нормализаторская направленность. В качестве образца он берет греческую грамматику Ласкариса. Приводятся многочисленные иллюстрации из новых церковнославянских изданий, приводятся варианты народно-разговорные формы. Теоретическому осмыслению подвергаются проблемы глубокой

противоположности мертвого старославянского и живых восточнославянских языков и перераспределения между ними социальных функций. Смотрицкий намечает подступы к построению целостной системы восточнославянского литературного языка. Он преодолевает синкретизм предшествующих представлений о языке, в которых не проводилась граница между точками зрения лексической, грамматической, стилистической и экзегетической. В грамматике М. Смотрицкого получает завершение средневековое развитие восточнославянской лингвистической мысли. Его труд был вершиной достижений русской лингвистической мысли в тех условиях, когда из-за противодействия церковных и светских властей, а также сопротивления старообрядцев не могло состояться "русское Предвозрождение".

На развитие грамматического знания в этот период влиял ряд факторов, к числу которых относятся: знакомство с книгой мастера, магистра Александра (примыкающей в рукописях к грамматике Доната) о правилах сочетания слов в предложении; появление других переводных сочинений, особенно о принципах бинарной классификации предложений; ознакомление с новейшими западноевропейскими работами по диалектике, логике, риторике, поэтике и богословию с изложением новых принципов классификации; переосмысление знаний о языке в ходе составления разных азбуковников как своеобразных конспектов для последующих грамматических сочинений.

Первоначально русские лингвистические термины были очень расплывчаты. Лишь постепенно формируется своя терминологическая система. При этом используются словообразовательные ресурсы родного языка и строго отбираются возникшие при переводах разных текстов дублеты. Утверждается стремление к ясности терминов к более строгим определениям. К началу 18 в. складываются все условия для создания

синтетического труда по русской грамматике и предпосылки для развития общелингвистических идей.

Первые грамматики славянского языка

Долгое время основой книжной учености и словесности были старославянский язык, поэтому книжники в первую очередь создавали грамматики церковно-славянского языка для обучения в церковных учебных заведениях (монастырских или братских школах и гимназиях). Первой печатной грамматикой славянского языка можно считать вышедшую в 1591 году во Львове «Граматику доброглаголиваго эллино-словенскаго языка». В 1594 году в Вильне была издана «Грамматика словенска» Лаврентия Зизания. Она множество раз перепечатывалась: в 1621 в Вильне, а в 1649 году и в Москве.

В 1619 году близ Вильни была напечатана знаменитая грамматика Мелентия Старицкого, которая на многие годы являлась главным учебником церковно-славянского языка. По этому учебнику, в частности, учился Ломоносов.

Первой грамматикой именно русского языка является вышедшая в 1696 году в Оксфорде *Grammatica Russica* Генриха Лудольфа на латинском языке. По сути эта была первая попытка создания научного описания русского разговорного языка. В грамматике впервые содержалось указание на различия между старославянским и русским языками, перечислялись особенности русского произношения, приводились образцы склонения существительных, прилагательных и местоимений, достаточно подробно объяснялись особенности глагола и приводилась глагольная парадигма. В составе грамматики был краткий русско-латинско-немецкий разговорник, содержащий повседневные фразы, и маленький словарик. Орфография во многом отражала разговорную речь. Однако эта книга по структуре повторяла грамматики старославянского языка.

Первую попытку систематизировать знания о русском языке и составить русскую грамматику для русских предпринял русский учёный-полемат Василий Аодуров (1709-1780). В своём трактате, написанном им предположительно в 1739-1740 годах, он описывал прежде всего правила орфографии и пунктуации и употребление тех или иных букв, однако в ней содержались некоторые замечания по поводу произношения, склонения, спряжения, синтаксиса. Трактат являлся расширенным вариантом его заметки о русском языке, изданной в 1731 году. Трактат Аодурова был переведен на шведский язык Михаилом Грёнингом и издан в 1750 году. Однако работа Аодурова так и осталось незавершённой и неизданной, и была практически забыта, а перевод Грёнинга был малоизвестен. Более чем через 200 лет научное издание найденной рукописи было предпринято Борисом Успенским.

Однако первой печатной русской грамматикой на русском языке была «Российская грамматика» Михаила Ломоносова (1711-1765), опубликованная в 1755 году. В ней впервые со всей полнотой описывался русский язык того времени, впервые фактически устанавливалась норма литературного языка. Она была разделена на несколько тематических глав: о человеческом слове вообще, о чтении и правописании, об имени, о глаголе, о служебных частях речи, о сочинении частей слова (то есть синтаксисе). Она была по достоинству оценена соотечественниками и множество раз переиздавалась. Грамматика Ломоносова оставалась важнейшим справочником русского языка на протяжении XVIII века. В 1764 году работа Ломоносова была переведена на немецкий язык и вышла под названием нем. *Rußische Grammatick verfaßet von Herrn Michael Lomonosow*.

В 1771 Антоном Барсовым (1730-1791) была составлена книга «Краткие правила российской грамматики». Из всех работ того времени она являлась наиболее полным описанием русского языка и вместе с тем

уникальным произведением русской лингвистической мысли. Однако она, так же как и грамматика Адодурова, осталась в рукописи и была опубликована лишь в 1981 году.

Кроме того, в XVIII веке было создано несколько примечательных произведений, посвященных русскому языку. Например, в 1769 году Кургановым была издана «Российская универсальная грамматика» или «Письмовник». Она помимо общедоступных объяснений русской грамматики имела приложения с разными учебными и назидательными текстами, баснями и т. п. Несмотря на свою неполноту, эта книга выдержала 18 переизданий и была популярным учебным пособием по русскому языку тех времён.

М.Г.Смотрицкий

М.Г.Смотрицкий - сын литвинского писателя-полемиста Герасима Смотрицкого, первого ректора Острожской школы, знатока церковнославянского языка, участника редактирования и издания «Острожской Библии» Ивана Федоровым.

Начальное образование Мелетий получил в Острожской школе от отца и грека Кирилла Лукариса (в будущем также ректора Острожской школы, а позже Константинопольского патриарха), где получил возможность в совершенстве освоить церковнославянский и греческий языки. После смерти отца Смотрицкого князь Константин Острожский отправил способного юношу для дальнейшего обучения в иезуитскую Виленскую академию (это случилось, по разным источникам, в 1594 или в 1601 году; первый вариант считается более достоверным); затем Смотрицкий много путешествовал за границей, слушал лекции в различных университетах, особенно в протестантских Лейпцигском, Виттенбергском и Нюрнбергском университетах. Вероятно, за границей он получил учёную степень доктора медицины. Вернувшись, поселился у князя Б. Соломерецкого под Минском. Смотрицкий часто ездил в Минск, боролся

против унии, вследствие чего многие униаты вернулись к православию и в Минске было основано православное братство. Около 1608 года переехал в Вильну, состоял в Виленском братстве, анонимно издал трактат «Αντίγραφη» («Ответ»); вероятно, преподавал в братской школе. Активно участвовал в национально-религиозной борьбе. Под псевдонимом *Теофил Ортолог* в 1610 году напечатал свой знаменитейший труд «Θρηνος» («Плач»), как и большинство других полемических произведений Смотрицкого — по-польски. В этом сочинении автор бичует епископов, перешедших в унию, призывает их одуматься, но также критикует нерадивость и злоупотребления православного духовенства; в полемике с католиками Смотрицкий выступает как энциклопедически образованный человек своего времени, цитирует либо упоминает более 140 авторов — не только отцов церкви, но и многих античных и возрожденческих ученых и писателей. Этим трудом Смотрицкий приобрел огромную популярность среди православных; как он сам писал, некоторые современники считали эту книгу равной трудам Иоанна Златоуста и за неё готовы были кровь пролить и душу отдать.

Критика как католической, так и православной иерархии, показ религиозных и национальных гонений православного народа Речи Посполитой, а главное — призыв к активной защите своих прав весьма обеспокоили польские королевские власти. Сигизмунд III в 1610 году запретил продавать и покупать книги Виленского братства под угрозой штрафа в 5000 золотых; местным властям король повелел конфисковать братскую типографию, забрать и сжечь книги, а наборщиков и корректоров арестовать, что и было исполнено. Редактор и корректор Леонтий Карпович попал в узилище; Смотрицкому удалось избежать ареста.

Про жизнь и деятельность Смотрицкого после королевских репрессий сохранилось очень мало сведений. Вероятно, он вернулся в Малороссию; может быть, некоторое время жил в Остроге и преподавал в тамошней

школе. Смотрицкого считают одним из первых ректоров Киевской братской школы, организованной в 1615-1616 гг., где он преподавал церковнославянский язык и латынь. Затем он вернулся в Вильну, где жил в Свято-Духовом монастыре. Под давлением или даже по категорическому требованию Виленского братства, которое не могло оставаться равнодушным к контактам Смотрицкого с униатами, принял монашество под именем Мелетия. В 1616 году вышел в свет его перевод на малорусское наречие «Евангелия учительного... отца нашего Каллиста».

В 1618-1619 годах вышел главный филологический труд «Граммáтики Славѣнскія прáвилное Сѹнтагма» (Евьѣ, ныне Вевис под Вильнюсом) — основа церковнославянской грамматической науки на следующие два века, выдержавшая множество переизданий, переработок и переводов.

«Грамматика» Смотрицкого — выдающийся памятник славянской грамматической мысли. Она состоит из следующих частей: орфография, этимология, синтаксис, просодия. Написанный по образцу греческих грамматик, труд Смотрицкого отражает специфические явления церковнославянского языка. Ему принадлежит установление системы падежей, свойственных славянским языкам (в этом Смотрицкий опередил западных грамматистов, подгонявших падежи живых языков под нормы латинского языка), установление двух спряжений глаголов, определение (ещё не совсем точное) вида глаголов и др.; отмечены лишние буквы славянской письменности, в которых она не нуждается. «Грамматика» Смотрицкого имеет и раздел о стихосложении, где вместо силлабического стиха предлагается пользоваться метрическим, как якобы более свойственным славянской речи (в действительности — воспроизводящим авторитетный античный образец; эксперимент Мелетия с искусственной метризацией церковнославянского языка не имел последствий). Его «Грамматика» насыщена множеством примеров, облегчающих усвоение грамматических правил. Она неоднократно

переиздавалась (Вильно, 1629; Кременец, 1638, 1648; Москва, 1648, 1721, с приближением к живому русскому языку и дополнительными статьями о пользе изучения грамматики) и оказала большое влияние на развитие русской филологии и преподавание грамматики в школах. В азбучниках XVII в. из неё сделаны обширные выписки. «Грамматика» Смотрицкого учитывалась авторами ряда последующих славянских грамматик, изданных за границей — Генриха Вильгельма Лудольфа (Оксфорд, 1696), Ильи Копиевича (Амстердам, 1706), Павла Ненадовича (Рымник, 1755), Стефана Вуяновского (Вена, 1793) и Авраама Мразовича (Вена, 1794).

Смотрицкий подчеркивал необходимость сознательного усвоения учебного материала — «умом разумеи слова». Им было выдвинуто 5 ступеней обучения: «зри, внимай, разумеи, рассмотри, памятуй».

Некоторые исследователи упоминают о якобы составленном Смотрицким примерно тогда же словаре, но этим сведениям подтверждения не найдено. Столь же сомнительны сведения о греческой грамматике Смотрицкого (якобы 1615 года издания в Кёльне). Однако подтверждено его участие в написании «Букваря языка славенска», напечатанного в 1618 году в том же Евье.

В 1620-1621 годах на Украине и в Белоруссии пребывал патриарх Иерусалимский Феофан: почти все тамошние православные епископы перешли в униатство, и надо было восстанавливать православную церковную иерархию. Феофан разослал грамоты, в которых советовал избрать кандидатов и прислать к нему в Киев. Виленским кандидатом был первоначально архимандрит Святодуховского монастыря Леонтий Карпович, но из-за его болезни отправляться в Киев было поручено Смотрицкому. Именно его патриарх Феофан и поставил архиепископом Полоцким, епископом Витебским и Мстиславским. Однако никакой реальной церковной власти Смотрицкий не получил: все названные

кафедры с 1618 года занимал поддерживаемый правительством Речи Посполитой униат Иосафат Кунцевич.

В конце 1620 года, после смерти Леонтия Карповича, Смотрицкий был избран архимандритом Святодуховского монастыря. В этот период он развернул активную деятельность по защите православия и новых епископов: выступал с проповедями в виленских храмах, на площадях, в ратуше, рассылал своих послов с письмами и книгами по городам, местечкам, хуторам и магнатским замкам...

Как и следовало ожидать, покровитель унии король Сигизмунд III не утвердил новых православных епископов и митрополита. Правительство Речи Посполитой осудило действия патриарха Феофана, объявило его турецким шпионом, а новопоставленных епископов повелело схватить и привлечь к судебной ответственности. Против Смотрицкого Сигизмунд издал в 1621 году три грамоты, объявив того самозванцем, врагом государства, оскорбителем величества и подстрекателем, которого следует арестовать. В Вильне был организован погром православных.

Смотрицкий в ответ издал ряд антиуниатских трудов, в которых защищал восстановление православной иерархии, опровергал католическо-униатские обвинения, рассказывал о произволе королевских властей, о преследованиях православных русинов, отстаивавших свои права и обычаи: «Suplicacia» (прошение, умоление) «Verificatia niewinności...» («Оправдание невинности...», Вильна, 1621), «Obrona Verificatiey...» («Защита „Оправдания“...», Вильна, 1621), «Elenchus pism uszczypliwych...» («Разоблачение ядовитых писаний...», Вильна, 1622) и др. В 1623 году Смотрицкий вместе с митрополитом Борецким ездил на сейм в Варшаву, где они безуспешно пытались добиться утверждения новых православных епископов.

Осенью 1623 года восставшее население Витебска убило униатского архиепископа Иосафата Кунцевича. С благословения папы Урбана

VIII королевские власти жестоко расправились с восставшими, Смотрицкого же обвинили в том, что он был их духовным сообщником. Вероятно, это было одной из причин, побудивших Смотрицкого покинуть на время пределы Речи Посполитой.

В начале 1624 года Смотрицкий отправился в Киев, а затем на Ближний Восток. Он побывал в Константинополе, посетил Египет и Палестину; в 1626 году через Константинополь вернулся в Киев.

Главной открыто декларируемой целью путешествия Смотрицкого было получение от патриарха грамоты, ограничивающей автономию ставропигийных братств, и такую грамоту он действительно привёз. Позже в письме князю Хрептовичу Смотрицкий утверждал, что намеревался предложить патриарху план введения унии, но так и не отважился это сделать.

В Киеве Смотрицкого встретили настороженно, даже враждебно. Архимандрит Киево-Печерского монастыря Захария Копыстенский не принял его и настаивал, чтобы так поступили и прочие монастыри. Причиной стали привезённые Смотрицким грамоты и слухи о его наклонности к унии. Только благодаря стараниям И. Борецкого (также обвиняемого в приверженности унии) Смотрицкого принял Межигорский монастырь. Чтобы развеять подозрения православных, Борецкий и Смотрицкий весной 1626 года «перед многим духовенством, паны шляхтою, войтом, бурмистрами, райцами, брацтвом церковным и всем посполством ясне пред всеми невинности и верности свое певные знаки оказали...», как писал позже печерский архимандрит Петр Могила в особой грамоте.

Осенью 1627 года по инициативе Смотрицкого в Киеве был созван собор, на котором он обещал подготовить к изданию свой катехизис, но просил сперва позволить ему опубликовать свои размышления об отличиях

между православной и католической церквями. В феврале 1628 года на соборе в г. Городке на Волыни Смотрицкий уже утверждал, что Западная и Восточная церкви в основных положениях не расходятся, так что возможно их примирение. Для обсуждения его предложений было решено созвать новый собор, к которому Смотрицкий должен был подготовить изложение своих взглядов. Но вместо того он написал «Апологию», в которой обвинял православных в разных ересьях и призывал присоединяться к католицизму. Книга была издана без санкции митрополита, печатал её униат К. Сакович.

Поведение Смотрицкого и его книга вызвали народное негодование. На новый собор в августе 1628 года приехали пять епископов; было много низшего духовенства, мирян, казаков. Смотрицкого не допускали на заседания, пока он не отречется от «Апологии». Сперва он пытался возражать, но собравшийся у Михайловского монастыря народ грозил ему расправой, которая стала бы неизбежной, если бы его униатство открылось. В страхе Смотрицкий публично отрёкся от книги, подписав акт, проклиная её, и поправ её листы ногами перед лицом собравшихся.

Для успокоения народа собор выпустил окружную грамоту, дабы Смотрицкого и иных иерархов более не подозревали в униатстве. Но Смотрицкий, вернувшись в Дерманский монастырь, написал и издал направленную против собора книгу «Protestatia», где открыто выступил против православия, объяснил свое отречение от унии шантажом и просил короля созвать новый собор для примирения церквей. Собор был созван в 1629 году во Львове, но православные отказались в нём участвовать.

«Острожский летописец» содержит такую запись: «1629. Мелетий Смотрицкий, архиепископ Полоцкий, будучи православный для архимандритства Дерманского монастыря, отступив восточныя церкви и стався хульником на церковь восточную святую. Потом тую свою ересь и писмо проклинав и палил и топтав у монастыре Печерском при службе божей и при соборе. Потом паки солгав духосвятому, и бысть хульник на

святую церковь и на патриархи, а хвалця папежский, кламца на святых божиих. И умре в таком зломудрии своем».

Оказавшись в кругу людей, с которыми всю жизнь боролся, покинутый старыми друзьями, больной Смотрицкий, оставаясь в Дермане, больше ничего не написал и не опубликовал.

Скончался и был похоронен 17 (27) декабря 1633 года в Дерманском монастыре.

Л.И.Зизаний

Л.И.Зизаний (иначе *Лаврентий Тустановский*; настоящая фамилия — Куколь) — православный протоиерей, известный западнорусский учёный, писатель, педагог, переводчик.

Первоначально был преподавателем во Львовской братской школе, откуда в 1592 перешёл в Брест, затем в Вильну (ныне Вильнюс), где в 1596 издал азбуку и церковнославянскую грамматику. Грамматика Зизания — один из первых памятников восточнославянской филологии. Написана с сознательной ориентацией на греческие и латинские образцы. Целью её было доказать равную значимость церковнославянского языка с греческим; описательных или нормативных целей, Зизаний не преследовал (его предписания иногда достаточно сильно отклоняются от реальной языковой практики того времени).

Зизаний был воспитателем у князя Александра Константиновича Острожского в Ярославле Галицком. Приехав в 1626 в Москву, он представил патриарху Филарету рукопись своего катехизиса с просьбой её исправить.

Патриарх поручил исправление богоявленскому игумену Илье и справщику Григорию Онисимову, причём по поводу некоторых спорных мест у Лаврентия Зизания было с ними собеседование, окончившееся отказом его от всех тех мнений, которые были заподозрены московскими цензорами. Прение о катехизисе напечатано Тихонравовым в «Летописи

русской литературы и древностей» (кн. IV, отд. II, и отдельно Общ. Люб. Др. Письм., СПб. 1878 № XVII). Нельзя утверждать, что катехизис Зизания попал в обращение, хотя и был напечатан в 1627 году. Патриарх Филарет не решился выпустить его в свет, ибо эта книга была не выражением веры православной церкви того времени, а лишь «сочинением одного литовского протопопа, исправленным двумя московскими грамотеями» (митрополит Макарий, «История русской церкви», т. 11, стр. 50-59).

В 1628 году Зизаний присутствовал на Киевском церковном соборе, осудившем Мелетия Смотрицкого за отступничество от православия. После этого Зизаний, вероятно, вернулся в Корец. О дальнейшей его судьбе данных не имеется.

М.Грек

Максим Грек (греч. Μάξιμος ο Γραικός; в миру — Михайл Тривόλις, греч. Μιχαήλ Τριβόλης. 1470, Арта, Греция — 21 января 1556, Троицкий монастырь, Сергиев Посад) — русский религиозный публицист, писатель и переводчик. Этнический грек. Канонизирован Русской церковью в лике преподобных, память совершается 21 января (3 февраля) и 21 июня (4 июля) (обретение мощей в 1996 г.) по юлианскому календарю.

Родившийся в 1470 году в греческом селении Арта, Михаил Триволис происходил из аристократической семьи. Состоятельные родители дали ему прекрасное образование. Закончив школу на острове Корфу, он в 20-летнем возрасте уже баллотировался в совет этой самоуправляемой территории, но потерпел неудачу.

После поражения Максим Грек уехал в Италию, главным образом, для изучения языка и философии древних греков. Жил и занимался в Падуе, Милане, особенно много во Флоренции (где была драгоценная библиотека Медичи). В Венеции он тесно общался с видными гуманистами — Альдом Мануцием (у которого учился «книжному делу», скорее всего,

источниковедению и редактированию) и Константином Ласкарисом, который (с 1503 г.) стал его преподавателем греческого. Максим Грек испытал сильнейшее впечатление от проповедей доминиканского монаха и настоятеля монастыря Сан-Марко во Флоренции Джироламо Савонаролы. После его казни уехал (предположительно в 1505) на Афон, где принял постриг в Ватопедском монастыре. В 1515 году Великий князь Василий III попросил игумена монастыря послать ему монаха Савву для перевода духовных книг. Однако последний был настолько стар, что монахи решили послать вместо него энергичного Максима Грека. Максим не говорил по-русски, но, поскольку монахи ручались за него, отправился в Москву и был встречен там с большой честью.

Первой большой работой Максима Грека в России был перевод Псалтири вместе с русскими переводчиками и писцами Дмитрием Герасимовым и Власом Игнатовым, который был одобрен русским духовенством и великим князем. Василий III отклонил его просьбу вернуться домой, Максим продолжал переводить и позже создал княжескую библиотеку и исправил книги для богослужения.

Наблюдая «дефекты» и социальную несправедливость русской жизни, которая была в прямой оппозиции его христианским идеалам, Максим Грек начал критиковать власти, привлекая различных людей с подобными представлениями, как Ивана Берсень-Беклемишева, Вассиана Патрикеева, Фёдора Жаренého и других. Относительно вопроса монашеских состояний, которые уже разделили все русское духовенство на два антагонистических лагеря, Максим Грек стал на сторону Нила Сорского и его старцев (нестяжателей). Это сделало его одним из худших врагов иосифлян, которые поддерживали право монастырей иметь землю. Максим Грек и его последователи, осуждая недостатки внутренней и внешней политики России, критиковали образ жизни части русского

духовенства («стяжателей»), систему поддержки местных властей, «дойку» крестьян.

Отношения Максима Грека с Вассианом Патрикеевым, Иваном Берсень-Беклемишевым и турецким послом Скиндером, враждебность митрополита Даниила к нему и отрицательное отношение Грека к намерению Василия разводиться со своей женой решили его судьбу.

Собор 1525 года обвинил Максима Грека в ереси, в сношениях с турецким правительством; он был отлучён от причастия и заточен в Иосифо-Волоцкий монастырь. Условия заточения были очень суровы.

В 1531 году он был вторично вызван на Собор: ему были предъявлены новые обвинения, в частности в «порче» богослужебных книг. Максима сослали в Тверской Отроч монастырь под надзор Тверского епископа Акакия, который весьма уважал его и предоставил возможность читать и писать; но только в 1541 году ему было разрешено причащаться Святых Тайн.

В 1551 или 1547 году, после неоднократных обращений Восточных Патриархов и митрополита Макария, Максима Грека перевели на покой в Троице-Сергиев монастырь. Святитель Макарий внёс часть его поучений в Великие Четьи-Минеи (всего перу преподобного принадлежит до 365 текстов).

Максим Грек скончался в Троицком монастыре в день памяти своего небесного покровителя преподобного Максима Исповедника. Был погребён в Троицком монастыре, у северо-западной стены храма во имя сошествия Святого Духа на апостолов (Свято-Духовского).

Прославлен в лике преподобных на Поместном соборе 1988 года. 24 июня 1996 года, после молебна преподобному Максиму, были начаты археологические изыскания у северо-западной стены Свято-Духовского храма. 3 июля 1996 года мощи преподобного были обретены и во

временной раке помещены в Свято-Духовской церкви Лавры, где находятся и в настоящее время.

Максим Грек оставил после себя многочисленные сочинения разнообразного характера: богословские, апологетические, духовно-нравственные; кроме того от Максима сохранились послания и письма к частным лицам. Уже, начиная с XVI века, его труды распространяются в многочисленных рукописных списках, например, в Библиотеке Троицко-Сергиевской лавры имеются такие рукописи: № 200, № 201

В XVII веке, в период Церковной реформы, вокруг двух из них разгорелись споры между реформаторами и старообрядцами. Дело в том, что в них Максим Грек изложил учение о двоеперстном перстосложении и о сугубой аллилуйи. В целях очернения древних чинов реформаторы объявили в XVII веке эти два сочинения без всяких оснований подложными, поскольку считали старые обряды еретическими. Историки Голубинский и Каптерев опровергли ошибочную точку зрения о подложности этих двух сочинений. В дореволюционных печатных изданиях по цензурным соображениям эти два сочинения Максима не включали.

Сочинения Максима до 1917 года издавали дважды. В трёх томах, издание 1859-1862 гг. текст рукописей, набранный послереформенными литеррами.

Глоссарий по теме 1

Азбуковник - список непонятных иностранных слов с их кратким объяснением (обычно глосс к текстам). Азбуковники составлялись в XVII веке на Украине и в России. Примерный синоним —глоссарий. Образцом служили западноевропейские тезаурусы.

Антропоним - единичное имя собственное или совокупность имён собственных, идентифицирующих человека. В более широком смысле это имя любой персоны: вымышленной или реальной.

Богомилы- сторонники антиклерикального движения в X—XV веков, которое появилось на Балканах (Болгария) и оказало влияние на французских катаров. Основателем движения был болгарский поп Богомил. Самые ранние сведения о богомилах находятся в книге «Беседа против богомилов» болгарского писателя Козьмы Пресвитера (X век).

Глоссирование - это способ оформления текста, предполагающий наличие кратких пояснений к нему, которые помещаются в строчке между оригинальным текстом (или его транслитерацией) и переводом. Глоссы используются для того, чтобы читателю было ясно, как именно соотносится текст и его перевод с точки зрения грамматики и семантики.

Диглоссия - особый вариант билингвизма, при котором на определённой территории или в обществе сосуществуют два языка или две формы одного языка, применяемые их носителями в различных функциональных сферах. Для диглоссии характерна ситуация несбалансированного двуязычия, когда один из языков или вариантов выступает в качестве «высокого», а другой — «низкого».

Дихотомический принцип классификации- раздвоенность, последовательное деление на две части, не связанные между собой. Способ логического деления класса на подклассы, который состоит в том, что делимое понятие полностью делится на два взаимоисключающих понятия.

Дублеты - в языкознании под дублетами понимают лексические единицы и группы единиц, одинаковых или близких по значению, связанных с одной и той же производящей основой этимологически, но в процессе эволюционного развития языка дифференцированных семантически и/или стилистически.

Еретик - тот, кто отступает от господствующих или общепринятых взглядов, правил, положений

Иезуитская Виленская академия - была преобразована в 1579 г. из иезуитской коллегии, возникшей в Вильне в 1570 г. Даровавший последней права академии и исходатайствовавший у Папы Григория XIII ее утверждение польский король Стефан Баторий сравнял ее в правах с Краковской академией и назначил первым ее ректором знаменитого Петра Скаргу.

Катехизис - официальный вероисповедный документ какой-либо конфессии, огласительное наставление, книга, содержащая основные положения вероучения, часто изложенные в виде вопросов и ответов.

Метризация - Процедура выделения расстояния между точками рассматриваемой шкалы; с помощью М. осуществляется переход от нечисловой информации, полученной по номинальным ранговым шкалам.

Двоеперстное перстосложение - особое сложение перстов, которое употребляется только архиереем или священником для благословения

Ономастикон - совокупность имён собственных на определенной очерченной территории, у отдельного народа, по историческим различным периодам или в отдельном литературном произведении.

Полимат - тот, чьи интеллектуальные способности, интересы и деятельность не ограничены одной областью знаний и единственной областью их применения, но и добывающий ощутимых практических результатов по всем направлениям.

Просодия - учение об ударении (в первую очередь музыкальном), занимающееся слогами с точки зрения их ударности и протяженности.

Протоиерей - титул, даваемый лицу белого духовенства как награда в Православной церкви.

Русистика - комплекс наук о русском языке, русской культуре, русской литературе, русском народе, русской истории. В разговорном употреблении термин «русистика» используется как сокращённое наименование для лингвистической русистики.

Русские грамматики, или грамматики русского языка — научные произведения, описывающие грамматический строй русского языка.

Синкретизм - постоянное объединение в одной форме нескольких значений или компонентов значения, разделённых между разными формами.

Синхроническое изучение языка - рассмотрение состояния языка как установившейся системы в определенный момент времени.

Стригольники - религиозное движение XIV века, возникшее в Пскове и затем распространившееся на Новгород; одно из самых известных, наряду сжидовствующими, религиозных движений в средневековой Руси. Рассматривается православными церковными историками как раскол в Русской церкви. Стригольники отвергали церковную иерархию, выражали недовольство практикой «поставления пастырей на мзде» (то есть продаже церковных должностей).

Топоним - имя собственное, обозначающее название (идентификатор) географического объекта.

Экзегетики - раздел богословия, в котором истолковываются библейские тексты; учение об истолковании текстов, преимущественно древних, первоначальный смысл которых затемнён вследствие их давности или недостаточной сохранности источников.

Вопросы для изучения

1. Каковы первые шаги формирования русской грамматики?
2. Сущность процесса глоссирования.
3. Формирование новых литературных языков.
4. Концепции в теории перевода.
5. История появления Геннадиевской Библии.
6. Списки переводов грамматики Иоанна Дамаскина.
7. Труды Максима Грека.

8. Особенности трудов М.Смотрицкого.

9. Факторы, повлиявшие на развитие русского грамматического знания.

10. Предпосылки для развития общелингвистических идей.

11. Первая печатная грамматика славянского языка.

12. Главный учебник церковно-славянского языка.

13. *Grammatica Russica* Генриха Лудольфа.

14. Первые попытки систематизировать знания о русском языке В.Адогуровым.

15. Первая печатная русская грамматика на русском языке.

16. «Краткие правила российской грамматики».

18. Выдающийся памятник славянской грамматической мысли.

19. Основные труды Л.И.Зизания.

20. Чем знаменательна грамматика Л.И.Зизания?

21. С какой целью Максим Грек отправился в Москву?

22. Какой труд был первой большой работой Максима Грека в России?

23. Наследие М.Грека.

Рекомендуемые информационные ресурсы

Амирова Т.А. История языкознания. - М.: Академия, 2003. - 672 с.

Алпатов В.М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2005. - 368 с.

Березин Ф.М. История русского языкознания. М.: Высшая школа, 1979. - 223 с.

Березин Ф. М. Хрестоматия по истории русского языкознания. М.: Высшая школа, 1977. - 440 с

Венцкович Р. М., Шайкевич А. Я. История языкознания. Вып. 1 – 6. М., 1974.

Введение в языкознание: Курс лекций / В.П. Даниленко. - М.: Флинта: Наука, 2010. - 288 с. // <http://znanium.com/bookread.php?book=319807>

Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.

Даниленко В.П. История русского языкознания.- М: Флинта; Наука, 2009. - 320с.

Колесов В.В. История русского языкознания. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2003. - 472с.

Лоя Я. В. История лингвистических учений. М., 1968.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание. Изд. 2-е. — М., 1987, с. 125—185, 210—213;

Сусов И.П. История языкознания. М.: АСТ, 2006.- 295 с.(3 экз).

Теория языка. Вводный курс: Учебное пособие / А. А. Горбачевский. - М.: Флинта: Наука, 2011. - 280 с. // <http://znanium.com/bookread.php?book=447873>

Общее языкознание и история языкознания: Курс лекций / В.П. Даниленко. - М.: Флинта: Наука, 2009. - 272 с. // <http://znanium.com/bookread.php?book=320759>

Хроленко, А. Т. Теория языка [Электронный ресурс]: учеб. пособие / А. Т. Хроленко, В. Д. Бондалетов; под ред. В. Д. Бондалетова. - 3-е изд., стер. - М.: Флинта, 2012. - 512 с. // <http://znanium.com/bookread.php?book=490449>

Шулежкова С.В. История лингвистических учений. М.:Флинта:Наука, 2006.-404 с

<http://booksshare.net/index.php?id1=4&category=linguistics&author=kuznecov-ps&book=1958>

<https://ru.wikipedia.org/wiki/Грамматика#>

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Sysov_Jazukoznzn/_06.ph

р

ЛОМОНОСОВ М.М. И ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

XVIII век занимает в истории особое место. Именно в эту эпоху происходит окончательный поворот от феодальных порядков к новому общественному строю - капитализму. Закладываются основы современной науки. Формируется и распространяется идеология Просвещения. Выдвигаются основополагающие принципы цивилизованного развития человечества. Это время глобальных мыслителей, таких как Ньютон, Руссо, Вольтер.

Необычайно усилился интерес к прошлому, сложилась историческая наука, появились историческое законоведение, историческое искусствоведение и другие новые дисциплины. Все это сказалось на изучении языка. Если раньше он рассматривался как нечто по сути своей неизменное, то теперь возобладали представления о языке как о живом, постоянно меняющемся явлении.

Однако лингвистике каких-либо выдающихся теоретических работ XVIII век в отличие от предыдущего и последующего веков не дал. В основном шло накопление фактов и рабочих приемов описания в рамках старых идей, а некоторые ученые (больше философы, чем собственно лингвисты) высказывали принципиально новые теоретические положения, постепенно менявшие общие представления о языке.

Среди стран, где в XVIII в. активно велась деятельность по нормализации языка, следует назвать и Россию. Если до того в Восточной Европе объектом изучения служил лишь церковнославянский язык, то начиная с петровского времени стал, поначалу стихийно, а затем все более осознанно, развиваться процесс формирования норм русского литературного языка, что требовало и его описания. В 30-е гг. XVIII в. Василий Евдокимович Адогуров (1709-1780) пишет первую в России

грамматику русского языка. В этой книге рассыпями даются очень современные для того времени тезисы, например, о гражданском слогаделении, противопоставленном слогаделению церковных книг, об ударении, которое автор связывает с продолжительностью звучания, а также о значении разных видов ударения и т.д.

Петровская эпоха в истории нашего народа характеризуется существенными реформами и преобразованиями, затронувшими и государственность, и производство, и военное, и морское дело, и быт господствующих классов тогдашнего русского общества. Эти преобразования совершили переворот в сознании и в привычках русских дворян и промышленников, и естественно искать их отражения в развитии русского литературного языка. Обычно отмечают следующие основные направления в развитии литературного языка первой четверти XVIII в. Это, прежде всего своего рода универсализация лексического и фразеологического состава языка, далее это отеснение на второй план церковнославянской речевой стихии и все более широкое внедрение народной речи, это создание новой терминологии при бурном проникновении заимствований из живых европейских языков. Новый русский литературный язык, формировавшийся в те годы, был призван обслуживать непрерывно возрастающие потребности государства, развивающиеся науки и техники, культуры и искусства. Так, новое административное устройство, преобразование Московского государства в Российскую империю, вызвало к жизни наименования множества новых чинов и званий, вошедших в “табель о рангах”, речевые черты чиновнической субординации: формулы обращения нижестоящих чинов к высшим. В связи с перестройкой государственного управления, с развитием промышленности и торговли значительно усложняется и обогащается язык деловой переписки. Он все дальше отходит от старомосковских норм и традиций и заметно сближается с живой разговорной речью средних слоев

населения. Петровская эпоха значительно обогащает роль в обществе светской письменности по сравнению с письменностью церковной. Возникают и совершенно новые ее типы, например, периодическая печать. Непосредственным предшественником наших газет являлись рукописные “Куранты”, издававшиеся при Посольском приказе в Москве со второй половины XVII в. Однако такое информирование населения о текущих событиях было весьма несовершенным и не распространялось среди широких масс. Петр I, заинтересованный в том, чтобы возможно более широкие слои общества разбирались в вопросах внешней и внутренней политики государства (а это было в годы тяжелой и изнурительной для России Северной войны со Швецией), способствовал основанию первой русской печатной газеты. Она называлась “Ведомости о военных и иных делахъ” и начала выходить со 2 января 1703 г.; сначала ее печатали церковнославянской кирилловской азбукой, а затем, после реформы графики, гражданским шрифтом. Газета вначале выходила в Москве, причем нерегулярно, по мере накопления корреспонденции. С 1711 г. “Ведомости” стали издаваться в новой столице — Санкт-Петербурге. Возникновение регулярной периодической печати повлекло за собой развитие многих новых жанров литературного языка: корреспонденции, заметок, статей, на основе которых впоследствии, в конце XVIII — начале XIX в., возникает публицистический стиль литературного языка.

В ряду общественных реформ, проводившихся при участии Петра I, непосредственное отношение к истории русского литературного языка имела реформа графики, введение так называемой гражданской азбуки, т. е. той формы русского алфавита, которую мы продолжаем использовать до сих пор.

“Веком Екатерины”, “золотым веком” назвало русское дворянство годы правления императрицы Екатерины II, падавшие на последнюю треть XVIII в. (1762—1796). Это время — высший пункт развития и расцвета

экономики и культуры русского дворянства, его политического господства. Одновременно это и начало кризиса дворянского строя в России, сотрясаемой крестьянскими восстаниями (под руководством Пугачева в 1773—1775 гг.). Чувствовались и отголоски французской буржуазной революции в конце 1780-х и в 1790-х годах. К указанному времени относятся и высшие подъемы дворянской оппозиционности крепостничеству и самодержавию: прогрессивная журналистика Н. И. Новикова (1769—1774), журналистская деятельность молодого И. А. Крылова (1790—1791), выход в свет книги А. Н. Радищева “Путешествие из Петербурга в Москву” (1790). Общественные условия функционирования литературного языка заметно изменяются по сравнению с началом и первой половиной века. Расширяется сеть периодических изданий, развивается книгопечатание, в частности издание многочисленных переводов (деятельность Н. И. Новикова и др.). Правительство заинтересовано в регулировании литературного процесса, литературного языка. Начинают издаваться журналы, отражающие господствующую идеологию. В них принимает непосредственное участие сама Екатерина II.

С целью содействия развитию литературы и литературного языка, а также с целью направления развития в нужную правительству сторону создается специальное высшее научное учреждение — Академия Российская (в подражание Французской Академии в Париже). Учрежденная в 1783 г. Академия стала основным научным центром изучения русского языка и словесности. Первым президентом ее была Е. Р. Дашкова (1783—1796), неперменным секретарем — акад. И. И. Лепехин (1783—1802), известный натуралист и знаток русской народной речи. К XVIII в. относится самый значительный период в деятельности этого научного учреждения. В его составе работали выдающиеся писатели Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин, И. Ф. Богданович, В. В. Капнист; ученые С. Я. Румовский, А. П. Протасов, С. М. Котельников и др. Согласно уставу,

задачей Академии являлось “вычищение и обогащение русского языка, общее установление употребления слов оного, свойственное ему витийство и стихотворение”. Главным научным предприятием этого учреждения был выпуск “Словаря Академии Российской” в 6 томах (1-е издание — 1789—1794 гг.). В словаре было собрано 43000 слов, он имел громадное значение в развитии русского литературного языка. Второе издание “Словаря...”, дополненное и расширенное до 51 000 слов, вышло в свет уже в начале XIX в. (1806—1822 гг.). Тогда же увидела свет и подготовленная Академией “Российская грамматика”, составленная П. И. и Д. М. Соколовыми, развившими научные взгляды М. В. Ломоносова. Это тоже способствовало развитию и нормализации русского литературного языка.

Изменение в общественном функционировании литературного языка рассматриваемой эпохи имело одним из последствий то, что церковнославянская речевая культура, господствовавшая в русском дворянском обществе еще в середине XVIII в., при Ломоносове и Сумарокове, постепенно утрачивает свое ведущее положение и сменяется западноевропейским, главным образом французским воздействием на речь дворянства, а через него и на язык всего общества. Французский язык — язык великих просветителей: Вольтера, Дидро, Руссо — в то время являлся наиболее лексически богатым и стилистически развитым языком Европы.

Французское влияние на речь русского дворянства со второй половины XVIII в. становится преобладающим и занимает значительное место в процессе европеизации русского литературного языка. Французские слова, выражения и синтаксические модели, проникающие в русский язык начиная с XVIII в. обычно называют галлицизмами. Они разнообразны по своему характеру, поэтому целесообразно подразделить их на несколько групп:

1. Галлицизмы лексические — французские слова без перевода. Таких слов особенно много появляется в речи русского дворянства середины XVIII в.

2. Галлицизмы-кальки, т. е. буквальные морфологические переснимки слов, типа влияние, извращение, промышленность, влюбленность, развитие.

3. Галлицизмы семантические — усвоение русскими словами новых, значений, свойственных аналогичным словам французского языка. Наиболее яркий пример этого рода мы находим в истории глагола трогать, приобретшего около середины XVIII в. новое значение приводить в жалость (со всеми производными: трогательный, трогательно и т. п.).

4. Фразеологические галлицизмы — усвоение русским языком французских по происхождению фразеологических сращений и единств с сохранением и прямого и переносного их значения. Несмотря на то, что фразеологию справедливо считают непереводимой буквально, ряд подобных переводов, притом иногда ошибочных, может быть отмечен в истории русской фразеологии. Например, выражение не в своей тарелке. Французскому слову *assiete* присущи два значения — бытовое (тарелка) и абстрактное (положение). Французский фразеологизм исходил из второго значения (не в своем положении). При переводе же взяли бытовое (первое) значение, и получилась бессмыслица, вошедшая, однако, в широкое употребление. Ср. у Грибоедова: “Любезнейший, ты не в своей тарелке”.

5. Галлицизмы синтаксические, т. е. синтаксические модели, свойственные французскому языку и не распространенные в русском. Наиболее показательным нам кажется использование независимых от подлежащего обособленных оборотов, деепричастного и причастного, которые соответствуют французским аналогичного состава и происхождения. Ср. французскую пословицу *l'appetit vient en mangeant* — аппетит приходит во время еды (буквально: аппетит приходит, кушая). В свое время Ломоносов категорически осуждал независимое от подлежащего

употребление деепричастных оборотов как несвойственное русскому языку. Воздействие французского синтаксиса на русский литературный язык в XVIII в. проявлялось еще в усвоении им различных предложно-падежных типов управления, ранее ему не свойственных. Например, употребление зависимого слова с глаголом влиять, а также с образованным от него существительным влияние. Согласно старым нормам словоупотребления здесь требовался бы винительный падеж с предлогом в: вливать вино в бочку, вливает в сердце ей любовь (Державин). Но писатели под воздействием французского типа управления все чаще используют конструкции с предлогом на: иметь влияние на разумы.

Наибольшая заслуга в деле упорядочения литературного языка своей эпохи, приведения его в стройную систему, бесспорно, принадлежит гениальному ученому и поэту, выходцу из среды простого русского народа, *М. В. Ломоносову*. Причиной того, что этот исторический подвиг был выполнен именно Ломоносовым, была его необыкновенная природная одаренность, соединенная с титаническим трудолюбием и проявившаяся в своеобразной универсальности его таланта и как ученого и как писателя.

В 1825 г. А.С.Пушкин следующими словами охарактеризовал разносторонность деятельности Ломоносова: “Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия,... учреждает фабрику, сам сооружает машины, дарит художества мозаическими произведениями и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка”.

В другой статье А. С. Пушкин, называя Ломоносова “самобытным сподвижником просвещения”, также подчеркивает универсальный характер

его гения: “Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был нашим первым университетом” С этой верной, проникновенной характеристикой невозможно не согласиться.

По праву М.В.Ломоносов (1711-1765) считается основоположником собственно русской лингвистической традиции, создавшим ряд филологических трудов, среди которых выделяются "Российская грамматика" (1755), первая печатная (типографски изданная) русская научная грамматика на родном языке, и "Предисловие о пользе книг церковных в Российском языке" (1758). Отмечая прикладное значение своего труда ("тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики... в грамматике все таковые науки нужду имеют"), Ломоносов в своих теоретических принципах стремился сочетать оба подхода - основанный на "обычае" и основанный на "разуме", отмечая: "И хотя она от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению" (и оговаривая при этом, что изучать сам язык необходимо, "употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове"). Особое внимание исследователей привлекали мысли Ломоносова, связанные с историческим развитием языков и родственными отношениями между ними. Отмечая, что "видимые телесные на земле вещи и весь мир не в таком состоянии были с начала от создания, как ныне находим, но великие происходили в нем перемены", ученый отмечает: "Так-то не вдруг переменяются языки! Так-то непостоянно!" Сам язык является продуктом исторического развития: "Как все вещи от начала в малом количестве начинаются и потом при совокуплении возрастают, так и слово человеческое, по мере известных человеку понятий, вначале тесно было ограничено и одними простыми речами довольствовалось, но с приращением понятий само помалу умножилось, что произошло

производением и сложением" (хотя сам язык и признается даром "всевышнего строителя мира").

С другой стороны, Ломоносов уделял много внимания родственным связям славянских языков как друг с другом, так и с балтийскими языками. Сохранились и черновые наброски письма "О сходстве и переменах языков", относящегося к 1755 г., где автор, сопоставляя первые десять имен числительных в русском, греческом, латинском и немецком, выделяет соответствующие группы "родственных" языков. Отдельные высказывания Ломоносова могут быть интерпретированы и как концепция образования родственных языков в результате распада некогда единого языка-источника - положение, являющееся основным исходным пунктом сравнительно-исторического языкознания: "Польский и российский язык коль давно разделились! Подумай же, когда курляндский! Подумай же, латинский, греческий, немецкий, российский! О, глубокая древность!"

В области филологии теоретические труды Ломоносова — "Риторика", "Российская грамматика" — были неразрывно связаны с его литературной деятельностью. Речения, иллюстрирующие то или иное изучаемое им грамматическое явление русского языка, Ломоносов извлекал обычно из своих стихотворных произведений или тут же сочинял стихи специально, так что в его грамматических трудах помещено как бы второе собрание его поэтических сочинений. "Стихотворство — моя утеха; физика — мои упражнения" — вот один из примеров, приведенных в "Российской грамматике".

Природный речевой слух, активное, с детства усвоенное владение родной севернорусской диалектной речью, дополненное основательным изучением церковнославянского и древнерусского литературного языка, языков классической древности — латинского и греческого, живых европейских языков — немецкого и французского, — способствовали тому, что именно Ломоносову оказалось под силу и упорядочить стилистическую

систему литературного языка в целом, и разработать научный функциональный стиль русского литературного языка, и преобразовать научно-техническую терминологию.

Ломоносов был первым в России ученым, выступавшим с общедоступными лекциями по точным наукам перед широкой аудиторией на русском языке, а не на латинском, как это было принято в европейской научной и университетской практике того времени. Однако средств, необходимых для выражения научных понятий, в русском литературном языке тогда еще почти не было. И Ломоносову прежде всего необходимо было выработать терминологическую систему для различных отраслей научного знания. Историки точных наук неоднократно отмечали выдающуюся роль Ломоносова в указанном отношении. Так, известный ученый-химик проф. Б. Н. Меншуткин писал: "...Значительна роль Ломоносова в создании русского научного языка. Этот язык у нас начинает появляться лишь при Петре I и представляет собой почти исключительно заимствования из иностранного: каждый специалист пользовался немецкими" голландскими, польскими и латинскими словами для обозначения технических вещей, словами, непонятными другим. Кто, например, может догадаться, что текен, обозначает чертеж, киянка — молоток, бер — запруда, дак — крыша, кордон — шнурок и т. п. Понемногу стали появляться и химические обозначения, опять-таки совершенно непонятные, как: лавра — кубовая краска, тир — жидкая смола, шпиаутер — цинк (это выражение до сих пор имеет хождение на заводах) и научные термины, как: перпендикул — маятник, радис — корень, триангул — треугольник, кентр — центр, аддиция — сложение".

Далее этот же ученый указывал, что всестороннее знание русского языка, обширные сведения в области точных наук, владение латинским, греческим и западноевропейскими языками, а главное — литературный талант и природный гений дали возможность Ломоносову заложить

правильные основания русской технической и научной терминологии.

Ломоносов при разработке терминологии держался следующих точно выраженных научных положений:

а) чужестранные слова научные и термины надо переводить на русский язык;

б) оставлять непереуведенными слова лишь в случае невозможности подыскать вполне равнозначное русское слово или когда иностранное слово получило всеобщее распространение;

в) в этом случае придавать иностранному слову форму, наиболее сродную русскому языку”.

По этим правилам и составлялись М. В. Ломоносовым научные термины, громадное большинство которых и до сих пор продолжает обслуживать точное знание.

При введении новых терминов М. В. Ломоносов, прежде всего, использовал исконное богатство общенародного словарного фонда русского языка, придавая словам и их сочетаниям, до него употреблявшимся в обиходном бытовом значении, новые, точные, терминологические значения. Таковы, например, термины воздушный насос, законы движения, зажигательное стекло, земная ось, огнедышащая гора, преломление лучей, равновесие тел, удельный вес, магнитная стрелка, гашеная и негашеная известь, опыт, движение, наблюдение, явление, частица, кислота и т. п.

Ломоносов в разработанной им терминологической системе оставил и ряд терминов из числа ранее заимствованных русским языком иностранных слов, однако подчинил их русскому языку в отношении произношения и грамматической формы. Например: горизонтальный, вертикальный, пропорция, минус, плюс, диаметр, радиус, квадрат, формула, сферический, атмосфера, барометр, горизонт, эклиптика, микроскоп, метеорология, оптика, периферия, сулема, эфир, селитра, поташ.

Деятельность Ломоносова по упорядочению терминологии была

направлена в сторону ограничения количества иностранных заимствований, заполнивших собою литературный язык в начале XVIII в. Вместо излишних заимствований Ломоносов нередко вводил в круг наименований отвлеченных понятий и терминологии неологизмы, слова, созданные им самим, но образованные от основ, исконно употреблявшихся как в русском, так и в других славянских языках. Например, до Ломоносова не было в нашем языке слова окружность, но хорошо известно было слово круг, от которого оно образовано; были глаголы кружить, окружить. В результате созданный Ломоносовым термин вытеснил из русского словоупотребления варваризм «циркумференция», пришедший к нам из латинского через немецкий.

Избегая иноязычных заимствований, Ломоносов в то же время стремился сблизить язык русской науки с западноевропейскими научными терминологиями, с одной стороны, используя интернациональную лексику, а с другой — образуя новые слова по типу соответствующих иноязычных терминов. В предисловии к переводу “Вольфиянской экспериментальной физики” (СПб., 1748) Ломоносов писал: “Сверх сего принужден я был искать слова для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странными. Однако надеюсь, что они со временем через употребление знакомее будут”. Будущее показало, что Ломоносов оказался прав и что ему вполне принадлежит честь быть признанным основоположником русского научного функционального стиля.

Вслед за Ломоносовым развитию и обогащению русской терминологической лексики в различных отраслях точных и гуманитарных наук способствовали русские ученые, жившие в последующие десятилетия того же века, например, акад. И. И. Лепехин (1740—1802)— преимущественно в области ботаники и зоологии; акад. Н. Я. Озерецковский (1750—1827) — в области географии и этнографии.

Обогащение научной терминологии производилось этими учеными главным образом за счет соответствующих русских названий видов животных, растений и т. п., употребительных в местных народных говорах. Научный стиль русского литературного языка, основание которому было положено в трудах Ломоносова, продолжал совершенствоваться и развиваться.

Стилистическая система русского литературного языка в его целом для середины XVIII в. была также разработана Ломоносовым. Его перу принадлежит ряд филологических сочинений, в которых он постепенно и последовательно развивал свои взгляды на стилистику современного ему языка, на соотношение в нем различных составивших его исторически сложившихся компонентов. В 1736 г. после нескольких лет обучения в Московской Славяно-греко-латинской академии Ломоносов отправляется для продолжения своего образования в Германию. Он берет с собою только что вышедшую в свет книгу В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (СПб., 1735). Рукописные пометы на страницах этого дошедшего до нас экземпляра показывают, каковы были взгляды молодого Ломоносова на дальнейшие пути развития русского литературного языка. Так, он выступает уже тогда против многократно использованных в стихах Тредиаковского устарелых и обветшавших церковнославянизмов в морфологии и лексике, типа мя, тя, вем, бо и т. п., против иноязычных заимствований, против устарелого просторечия, как, например, утре вместо общерусского завтра. Записывая на полях книги: «Новым словам не надобно старых окончаниев давать, которые неупотребительны», — Ломоносов тем самым выдвигает прогрессивный для развития русского литературного языка общий морфологический принцип, которого будет придерживаться и в дальнейшей своей нормализаторской деятельности.

С еще большей ясностью национально-демократические тенденции

ломоносовской стилистической реформы выражены в его “Письме о правилах российского стихотворства” (1739г.).) Как известно, “Письмо...” было послано М. В. Ломоносовым из Германии в Академию наук в Петербург в качестве предисловия к приложенной “Оде на взятие Хотина”, в которой теоретические положения силлаботонического стихотворства были воплощены в талантливо выполненном образце. Вместе с “Письмом...” это был своеобразный творческий отчет Ломоносова о том, чего он достиг за годы обучения за границей. В “Письме...” Ломоносов углубляет и развивает свою мысль о том, что русский литературный язык должен развиваться “соответственно его национальному складу, но не в отрыве от общечеловеческой культуры”. Основные положения, высказанные в названном труде, следующие:

1. Того, что весьма несвойственно русскому языку, из других языков не вносить.

2. Необходимо углублять “собственное и природное”.

3. Следует “из других языков ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить”.

Взгляды на национальную основу русского литературного языка приблизительно в те же годы были сформулированы в виде совета начинающему писателю в произведении, озаглавленном “О качествах стихотворца рассуждение”. В этом произведении читаем: “Рассуди, что все народы в употреблении пера и изъявлении мыслей много между собой разнствуют. И для того бери свойство собственного своего языка. То, что любим в стиле латинском, французском или немецком, смеху достойно бывает в русском. Не вовсе себя порабощай однако ж употреблению, ежели в народе слово испорчено, но старайся оное исправить”.

Таким образом, Ломоносов отстаивает “рассудительное употребление” “чисто русского языка”, однако не отказывается от тех богатств речевого выражения, которые были накоплены за многие века в

церковнославянском языке. В новом литературном языке, “ясном и вразумительном”, по мнению Ломоносова, следует “убегать старых и неупотребительных славенских речений, которых народ не понимает, но при том не оставлять оных, которые хотя и в простых разговорах не употребительны, однако знаменование их народу известно”.

Наиболее отчетливо и полно идеи Ломоносова, составляющие сущность его стилистической теории, которую обычно называют “теорией трех стилей”, изложены и обоснованы в знаменитом “Рассуждении (предисловии) о пользе книг церковных в Российском языке” (1757 г.).

Объективная значимость “Рассуждения...” определяется тем, что в нем Ломоносов строго ограничивает роль церковнославянизмов в русском литературном языке, отводя им лишь точно определенные стилистические функции. Тем самым он открывает простор использованию в русском языке слов и форм, присущих народной речи.

Начиная свое “Рассуждение...” Ломоносов оценкой роли и значения церковнославянского языка для развития русского литературного языка в прошлом. И здесь он воздает должное несомненно положительному воздействию языка церковных книг на язык русского народа. Для Ломоносова церковнославянский язык выступает, прежде всего, как приемник и транслятор античной и христианско-византийской речевой культуры русскому литературному языку. Этот язык, по словам Ломоносова, источник “греческого изобилия”: “Оттуда умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно”. Церковнославянский язык обогатил язык русский множеством “речений и выражений разума” (т.е. отвлеченных понятий, философских и богословских терминов).

Однако, по мнению Ломоносова, положительное воздействие церковнославянского языка на русский не сводится только к лексическому

и фразеологическому обогащению последнего за счет первого. Церковнославянский язык рассматривается в “Рассуждении...” как своеобразный уравнительный маятник, регулирующий параллельное развитие всех говоров и наречий русского языка, предохраняя их от заметных расхождений между собою. Ломоносов писал: “Народ российский, по великому пространству обитающий, не взирая на дальние расстояния, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например, в Германии, баварский крестьянин мало понимает бранденбургского или швабского, хотя все того же немецкого народа”. Ломоносов объясняет однородность русского языка на всей территории его распространения и сравнительно слабое отражение в его диалектах феодальной раздробленности также положительным воздействием на язык русского народа церковнославянского языка. И в этом он прав.

Еще одно положительное воздействие языка славянских церковных книг на развитие русского литературного языка Ломоносов усматривал в том, что русский язык за семь веков своего исторического существования “не столько отменился, чтобы старого разуместь не можно было”, т. е. относительно устойчив к историческим изменениям. И в этом плане он противопоставляет историю русского литературного языка истории других языков европейских: “не так, как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым их предки за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время”. Действительно, использование книг на церковнославянском языке, медленно изменявшемся в течение веков, делает древнерусский язык не столь уж непонятным не только для современников Ломоносова, но и для русских людей в наши дни.

Однако столь положительно оценив значение и роль церковнославянского языка в развитии языка русского в прошлом, Ломоносов для своей современности рассматривает его как один из

тормозов, замедляющих дальнейший прогресс, и потому справедливо ратует за стилистическое упорядочение речевого использования восходящих к этому языку слов и выражений.

По Ломоносову, “высота” и “низость” литературного слога находятся в прямой зависимости от его связи с системой церковнославянского языка, элементы которого, сохранившие еще свою живую производительность, замыкаются в пределах “высокого слога”. Литературный язык, как писал Ломоносов, “через употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий”. К каждому из названных “трех штилей” Ломоносов прикрепляет строго определенные виды и роды литературы. “Высоким штилем” следует писать оды, героические поэмы, торжественные речи о “важных материях”. “Средний штиль” рекомендуется к употреблению во всех театральные сочинениях, “в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия”. “Однако, — продолжает Ломоносов, — может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля долгие должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описание дел достопамятных и учений благородных” (т. е. исторической и научной прозе). “Низкий штиль” предназначен для сочинений комедий, увеселительных эпиграмм, шуточных песен, фамильярных дружеских писем, изложению обыкновенных дел. Эти три стили разграничены между собою не только в лексическом, но и в грамматическом и фонетическом отношениях, однако в “Рассуждении...” Ломоносов рассматривает лишь лексические критерии трех штилей.

Ломоносов отмечает в этой работе пять стилистических пластов слов, возможных, с его точки зрения, в русском литературном языке. Первый пласт лексики — церковнославянизмы, “весьма обветшалые” и

“неупотребительные”, например, “обаваю, рясны, овогда, свене и сим подобные”. Эти речения “выключаются” из употребления в русском литературном языке. Второй пласт—церковнокнижные слова, “кои хотя обще употребляются мало, а особенно в разговорах; однако всем грамотным людям вразумительны, например: отверзаю, господень, насаждаю, взываю”. Третий пласт—слова, которые равно употребляются как у “древних славян”, так и “ныне у русских”, например: бог, слава, рука, ныне, почитаю. Мы назвали бы такие слова общеславянскими. К четвертому разряду “относятся слова, которых нет в церковных книгах”, например: говорю, ручей, который, пока, лишь. Это, с нашей точки зрения, слова разговорного русского языка. Наконец, пятый пласт образуют слова просторечные, диалектизмы и вульгаризмы, называемые Ломоносовым “презренными словами”, “которых ни в котором штиле употребить не пристойно, как только в подлых комедиях”.

Рассмотрев указанные лексические пласты, Ломоносов продолжает: “от рассудительного употребления к разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий.

Высокий штиль должен складываться, по мнению Ломоносова, из слов третьего и второго рода, т. е. из слов общих церковнославянскому и русскому языкам, и из слов церковнославянских, “понятных русским грамотным людям”.

Средний штиль должен состоять “из речений больше в российском языке употребительных, куда можно принять и некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великой осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако, остерегаться, чтобы не спуститься в подлость”. Ломоносов специально подчеркивал: “в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славянское положено будет подле российского простонародного”. Этот стиль, образуя

равнодействующую между высоким и низким, рассматривался Ломоносовым как магистральная линия развития русского литературного языка, преимущественно в прозе.

Низкий штиль образуется из речений русских, “которых нет в славенском диалекте”. Их Ломоносов рекомендует “смешивать со средними, а от славенских обще неупотребительных вовсе удаляться, по пристойности материи...” Он считал также, что “простонародные низкие слова могут иметь в них (в произведениях низкого штиля) место по рассмотрению”.¹⁸ Тем самым давалась возможность проникновению просторечной лексики в язык литературных произведений низкого стиля, чем пользовался нередко и сам Ломоносов, и другие писатели XVIII в., разрабатывавшие эти жанры литературы.

Грамматическим и фонетическим чертам, характерным для того или иного стиля литературного языка Ломоносов уделяет внимание в других трудах, в частности в “Российской грамматике”, систематически разграничивая употребление тех или иных категорий. Обращая внимание на вариантность многих грамматических категорий в русском языке его времени, Ломоносов неизменно соотносил эти видоизменения с употреблением их в высоком или низком штиле.

“Российская грамматика”, созданная Ломоносовым в 1755—1757 гг., несомненно, может быть признана наиболее совершенным из всех его филологических трудов. Основное ее значение для истории русского литературного языка заключается в том, что это первая действительно научная книга о русском языке; в собственном смысле слова. Все грамматические труды предшествовавшей поры — “Грамматика” Мелетия Смотрицкого и ее переиздания и переработки, выходившие в течение первой половины XVIII в., — представляли в качестве предмета изучения и описания язык церковнославянский. М. В. Ломоносов же с самого начала делает предметом научного описания именно общенародный русский язык,

современный

ему.

Второе не менее важное для истории русского литературного языка качество “Российской грамматики” определяется тем, что эта грамматика не только описательная, но и нормативно-стилистическая, точно отмечающая, какие именно категории и формы русской речи, какие черты произношения присущи высокому или низкому стилю.

Книга Ломоносова опирается на предшествующую традицию церковнославянских грамматик, на грамматики западноевропейских языков того времени, а главное, она охватывает живой речевой опыт самого автора, иллюстрировавшего каждое грамматическое явление примерами, созданными им самим.

Ломоносов оказал неоценимую услугу русской науке, заложив правильные основы для построения и развития научной и технической терминологии. Главное требование, которым он неуклонно руководствовался, было исходить из свойств и особенностей русского языка и прежде всего в нём самом искать необходимых средств для выражения новых понятий и терминов, создаваемых наукой. Ломоносов был убеждён, что русский язык так богат и гибок, что в нём всегда можно найти нужные и точные слова для обозначения любых понятий.

Ломоносов с тонким ощущением русского языка умело находил среди самых простых и обыденных слов такие, которые оказались вполне пригодными для выражения научных концепций. Такие слова, как опыт, движение, наблюдение, явление, частицы, легко и свободно вошли с помощью Ломоносова в научный язык. Ломоносов закрепил русские обозначения для множества предметов и понятий и ввёл их во всеобщее употребление: земная ось, преломление лучей, законы движения, равновесие тел, зажигательное стекло, магнитная стрелка, негашёная известь, кислота и т.д.

Одной из наиболее плодотворных и доставивших ему мировую известность была деятельность Ломоносова в области физики. У него много работ по физике, как оригинальных, так и переводных, он очень много сделал для формирования физической терминологии. Причём в этой области он активно использовал и свою, авторскую лексику, в языке физики есть немало слов, пущенных в обиход Ломоносовым.

Уже в переводе с латинского на русский “Экспериментальной физики” Х.Вольфа свыше ста новых терминов (сферический, теплотворная материя, зажигательное стекло). Этот перевод представлял значительную трудность, так как целый ряд научных понятий не имел ещё в русском языке соответствующего выражения.

Следует отметить, что Ломоносов старался заменить иноязычные термины наиболее точными русскими аналогами (лат. *tubus opticus* - рус. зрительная труба), вплоть до терминализации диалектных форм (луда-подводный камень). Но обязательный перевод специальных терминов на русский язык не был для Ломоносова самоцелью. Без перевода оставались слова и сочетания, к которым невозможно было подыскать равнозначное русское слово, а также термины, уже получившие к тому времени широкое распространение во многих языках мира. Кроме того, Ломоносов активно выступал против абсурдных алогичных терминов типа теплота студёная, свет тёмный.

При вводе нового термина важно было дать ему чёткое, семантически строгое объяснение, поэтому неизмеримо возрастала роль контекста. При этом Ломоносов использовал принцип постепенного терминологизирования, последовательно раскрывая в контексте значение слова, ещё не ставшего термином. Остановившись на каком-то слове или словосочетании, Ломоносов постоянно использовал его во всех научных трудах, стремясь к закреплённости, однозначности терминологических единиц (употребление слова тягость, выбранного им из вариантов тягость,

тяжесть, тяжёлость, тяжелина, встречающихся в работах его предшественников). В выборе вариантов выразилось и его стремление к словесной краткости: преобладают термины однословные, реже двухсловные.

Как известно, Ломоносов определил наиболее продуктивные для терминологии словообразовательные схемы:

1. Путём суффиксации (тягость);
2. Путём сочетания слов (зажигательное стекло, зрительная труба, преломлённый луч).

Ломоносов при разработке терминологии держался следующих точно выраженных научных положений:

- a) чужестранные слова научные и термины надо переводить на русский язык;
- b) оставлять непереведёнными слова лишь в случае невозможности подыскать вполне равнозначное русское слово или когда иностранное слово получило всеобщее распространение;
- c) в этом случае придавать иностранному слову форму, наиболее сродную русскому языку.

По этим правилам и составлялись М.В. Ломоносовым научные термины, громадное большинство которых и до сих пор продолжает обслуживать точное знание. Он постоянно доказывал, что нам нет никакой нужды пользоваться непонятными народу иностранными словами, когда для этого существуют или легко можно создать ни в чём им не уступающие русские. И, например, вместо “антлия пневматическая” будет вполне уместно название “воздушный насос”. Борясь за чистоту русского научного языка, Ломоносов либо прямо переводил иностранный термин на русский язык, либо просто восстанавливал в своих правах слова и обозначения, вытесненные из русского языка иностранцами. Так, он снова водворил в русский технический язык такие слова, как чертёж вместо привившегося

было «абрис», рудник вместо «бергверк», кровля вместо «дак», косяк вместо «пиляра», маятник вместо «перпенди кула» и т.д.

Создавая русскую научную терминологию, Ломоносов проявляет большую смелость, находчивость и неистощимую изобретательность. Некоторые предложенные им обозначения, хотя и не привились или были вытеснены другими, всё же свидетельствуют о напряжённости его поисков, большом творческом процессе. «Отличавший», «отончённый», «оредевший воздух» - ищет Ломоносов русское слово для того понятия, которое мы сейчас называем - «разрежённый воздух», «окружное течение крови» (циркуляция), «безвоздушное место» (вакуум), «густой свет» (интенсивный), «зыблющееся движение» (волновое), «коловратное движение» (вращательное), «завостроватая фигура» (конусообразная) и многое другое. В тех же случаях, когда иностранные слова прочно вошли в научный обиход или ввести их представлялось почему-либо необходимым, Ломоносов старался придать им наиболее простую и свойственную русскому языку форму.

Ещё меньше, разумеется, чем в научном языке, допускал Ломоносов злоупотребление иностранными словами в быту и литературе. Ломоносов первый наиболее глубоко оценил богатство, мощь, выразительность и красоту великого русского языка, и постоянно указывал на его всемирноисторическое значение.

Он был убеждён в безграничных возможностях русского языка выражать “тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в ...видимом строении мира и в человеческих обращениях”. Он отмечал, что родной язык впитал в себя особенности многих литератур – “великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италийского, сверх того, богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка”.

Во всем творчестве М. В. Ломоносова как ученого и поэта— в разработке им терминологии в качестве важнейшей предпосылки создания научного стиля, в его теоретических рассуждениях и поэтической практике — нашло живое отражение состояние русского литературного языка середины XVIII в. и подготовлены исходные позиции для дальнейшего совершенствования языковых норм и приближения их к разнообразным потребностям формирующейся русской нации.

Философское языкознание в первой половине XIX в. развивалось как противоборство логического и психологического направлений. Оба эти направления подчеркивали два аспекта изучения грамматики – формальный и семантический; однако понимание языковой формы, и особенно языковой семантики, было различно.

Глоссарий по теме 2

Высокий штиль (по М.В.Ломоносову) - пласт языка, состоящий из слов общих церковнославянскому и русскому языкам, и из слов церковнославянских, понятных русским грамотным людям.

Галлицизмы - французские слова, выражения и синтаксические модели, проникающие в русский язык начиная с XVIII в.

Галлицизмы лексические — французские слова без перевода; таких слов особенно много появляется в речи русского дворянства середины XVIII в.

Галлицизмы-кальки - буквальные морфологические переснимки слов.

Галлицизмы семантические — усвоение русскими словами новых, значений, свойственных аналогичным словам французского языка.

Галлицизмы французские — усвоение русским языком французских по происхождению фразеологических сращений и единств с сохранением и прямого и переносного их значения.

Галлицизмы синтаксические - синтаксические модели, свойственные французскому языку и не распространенные в русском.

Диалектизмы – характерные для территориальных диалектов языковые особенности, включаемые в литературную речь.

Заимствованные слова – это слова чужого языка, перенесенные из одного языка в другой в результате языковых контактов.

Интернациональные слова – слова, употребляющие во многих языках в результате их взаимодействия при возрастающей роли культурных и экономических связей между народами.

Иностранные слова – слова, сохраняющие следы своего иностранного происхождения в виде звуковых, орфографических, грамматических и семантических особенностей, которые чужды исконным словам.

Низкий штиль (по М.В.Ломоносову) – стиль языка, образуемый из русских, простонародных низких слов.

Родственные языки – языки, имеющие общие свойства, заключающиеся в том, что исконные минимальные значимые элементы этих языков находятся в строго определенных соответствиях, отражающих регулярный характер звуковых преобразований материального фонда, восходящего к общему источнику – праязыку.

Средний штиль (по М.В.Ломоносову) - пласт языка, состоящий и из употребительных русских слов, и некоторых славенских, которые употребляются в высоком штиле, однако с осторожностью, чтобы слог не казался высокопарным; можно употребить и низкие слова, однако также с осторожностью, чтобы не опуститься до подлост. Этот стиль, образуя равнодействующую между высоким и низким, рассматривался М.В.Ломоносовым как магистральная линия развития русского литературного языка, преимущественно в прозе.

Терминологизация - переход общеупотребительного слова в термин.

Вопросы для изучения

1. Почему М.В. Ломоносов по праву считают основоположником собственно русской лингвистической традиции?
2. Назовите наиболее значимые труды М.В. Ломоносова.
3. Вопросы истории языка в трудах М.В. Ломоносова.
4. Вопросы родства славянских языков в трудах М.В. Ломоносова.
5. Вопросы балто-славянских связей в трудах М.В. Ломоносова.
6. Концепция образования родственных языков в трудах М.В. Ломоносова.
7. Вклад М.В. Ломоносова в упорядочение стилистической системы литературного языка.
8. Теория трех стилей М.В. Ломоносова (стилистическая теория М.В. Ломоносова).
9. Ломоносов М.В. как основоположник русского научного функционального стиля.
10. Взгляды М.В. Ломоносова на иноязычные заимствования.
11. Мысли М.В. Ломоносова относительно способов образования русских слов.

Рекомендуемые информационные ресурсы

Амирова Т.А. История языкознания. - М.: Академия, 2003. - 672 с.

Алпатов В.М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2005. - 368 с.

Березин Ф.М. История русского языкознания. М.: Высшая школа, 1979. - 223 с.

Березин Ф. М. Хрестоматия по истории русского языкознания. М.: Высшая школа, 1977. - 440 с

Венцкович Р. М., Шайкевич А. Я. История языкознания. Вып. 1 – 6. М., 1974.

Введение в языкознание: Курс лекций / В.П. Даниленко. - М.: Флинта: Наука, 2010. - 288 с. // <http://znanium.com/bookread.php?book=319807>

Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.

Даниленко В.П. История русского языкознания.- М: Флинта; Наука, 2009. - 320с.

Колесов В.В. История русского языкознания. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2003. - 472с.

Лоя Я. В. История лингвистических учений. М., 1968.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание. Изд. 2-е. — М., 1987, с. 125—185, 210—213;

Сусов И.П. История языкознания. М.: АСТ, 2006.- 295 с.(3 экз).

Теория языка. Вводный курс: Учебное пособие / А. А. Горбачевский. - М.: Флинта: Наука, 2011. - 280 с. // <http://znanium.com/bookread.php?book=447873>

Общее языкознание и история языкознания: Курс лекций / В.П. Даниленко. - М.: Флинта: Наука, 2009. - 272 с. // <http://znanium.com/bookread.php?book=320759>

Хроленко, А. Т. Теория языка [Электронный ресурс]: учеб. пособие / А. Т. Хроленко, В. Д. Бондалетов; под ред. В. Д. Бондалетова. - 3-е изд., стер. - М.: Флинта, 2012. - 512 с. // <http://znanium.com/bookread.php?book=490449>

Шулежкова С.В. История лингвистических учений. М.:Флинта:Наука, 2006.-404 с.

<https://ru.wikipedia.org/wiki/Грамматика#>

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Sysov_Jazukoznzn/_06.ph

р

Тема 3

ЗАРОЖДЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В РОССИИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Вклад А.Х. Востокова в развитие компаративистики

В российском языкознании первой половины 19 в. был весьма ошутим акцент сравнительного аспекта по сравнению с историческим (генетическим), что объяснялось и неактуальностью для славянских языковедов проблемы языка-источника, и серьёзным интересом к идеям универсальной логической грамматики (И. С. Рижский, И. Орнатовский, И.Ф. Тимковский). В истории языка исследовались лишь отдельные ключевые моменты. Этим было обусловлено отсутствие в русской науке больших обобщающих трудов по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских и даже славянских языков, подобных трудам Ф.Боппа и Я. Гримма.

Русские исследователи уделяли большее внимание слову в целом, нежели морфемам в его составе. Лексикографические занятия служили базой для сравнительного подхода к языкам. Слово, как правило, рассматривалось не в отрыве от текста. Благодатной почвой для утверждения в науке о языке принципа историзма явилось русское славянофильство. Сильное воздействие на русских мыслителей оказали философия истории Гегеля и идеология романтизма. Следует отметить, что сторонники сравнительного подхода скорее ориентировались на форму, а сторонники исторического подхода - на значение.

Возникновение сравнительно-исторического языкознания в России связано с именем Александра Христовича Востокова (1781-1864). Он

известен как поэт-лирик, автор одного из первых научных исследований русского тонического стихосложения, исследователь русских песен и пословиц, собиратель материала для славянского этимологического материала, автор двух грамматик русского языка, грамматики и словаря церковнославянского языка, издатель ряда древних памятников.

А.Х.Востоков занимался только славянскими языками, и прежде всего старославянским языком, место которого надо было определить в кругу славянских языков. Сопоставляя корни и грамматические формы живых славянских языков с данными старославянского языка, Востоков сумел разгадать многие до него непонятные факты старославянских письменных памятников. В 1815 он обратился к занятиям языком памятников древнеславянской письменности. В 1820 им публикуется "Рассуждение о славянском языке", содержащее реконструкцию звуковых значений букв юс большой и юс малый и заложившее основы сравнительного славянского языкознания. В этом труде рассматриваются вопросы о периодизации истории славянских языков и их месте среди индоевропейских языков. Заслуга разгадки "тайны юсов", т.е. букв ж и а, которые он определил как обозначения носовых гласных, исходя из сопоставления, что в живом польском языке q обозначает носовой гласный звук [x], к - [e].

А.Х.Востоков первый указал на необходимость сопоставления данных, заключающихся в памятниках мертвых языков, с фактами живых языков и диалектов, что позднее стало обязательным условием работы языковедов в сравнительно-историческом плане. Это было новым словом в становлении и развитии сравнительно-исторического метода.

А.Х. Востокову принадлежит подготовка теоретической и материальной базы для последующих исследований в области исторического словообразования, лексикологии, этимологии и даже

морфонологии. Вклад А.Х. Востокова был сравнительным по методу и историческим по цели.

Крупнейшим вкладом Востокова в научную и учебную лингвистику начала XIX в. стали его труды "Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях" и "Русская грамматика по начертанию сокращенной грамматики, полнее изложенная", изданные в 1831 г. Работы стали продолжением "Российской грамматики" М.В. Ломоносова и имели огромное значение для дальнейшего развития русской морфологии и синтаксиса: А.Х. Востоков впервые выделил существительные *singularia pluralia* и *tantum*, а также существительные общего рода, высказал новые идеи о двусоставных предложениях и составном сказуемом; понятие просодического периода — простейшей синтаксической единицы, объединенной фразовым ударением. В его трудах русское ударение впервые стало объектом научного исследования. Также впервые здесь встречается многоточие, названное «знаком пресекательным». В качестве материала для изучения автор использовал живой разговорный язык. В 1843 г. ученый осуществил первое научное издание "Остромирова Евангелие", на основе которого позднее был составлен "Словарь церковнославянского языка" (1858-1861) и "Грамматика церковнославянского языка" (1863). Помимо этого, под редакцией Востокова увидели свет четырехтомный "Словарь церковнославянского и русского языка" (1847) и "Опыт областного великорусского словаря" (1852). Все эти работы положительно характеризуются тем качеством, что они стремятся покончить с голым теоретизированием, которое было столь характерно для предыдущих эпох, и в частности для XVIII в. В них привлечен для научного исследования огромный и разнообразный материал. Но главная их заслуга заключается в том, что по примеру других наук они вводят в языкознание сравнительный и исторический подход к

изучению языковых фактов, а вместе с тем вырабатывают новые конкретные методы научного исследования. Научная деятельность Востокова — поистине всеохватная — заложила основы изучения русского языка и других славянских языков в различных направлениях. Он стоял у истоков сравнительно-исторического анализа славянских языков в России, являясь своего рода «отцом славянской филологии». Им были определены критерии, по которым древнерусский язык отличался от церковнославянского и других древних славянских языков, установлены фонетические и морфологические особенности старославянского языка, открыто существование носовых гласных в этом языке и определена его древнеболгарская народная основа (в противоположность современным ему сербской и паннонской теориям). А.Х.Востоков охарактеризовал изводы и дал периодизацию старославянского языка, выделил восточнославянские языки в особую группу славянских языков, предположив, что «русский язык составляет средину между восточными и западными диалектами славянскими». В то же время ученый отмечал близость старославянского языка, созданного Кириллом и Мефодием, всем народам тогдашнего славянского мира вследствие того, что их языки в древности еще не столь сильно разошлись между собой, так что восточные и западные славяне тех времен легко могли понимать друг друга. Он был сторонником исторического изучения славянских языков, выделив здесь три периода: древний (IX-XIII века), средний (XIV-XV века) и новый (с XVI века). Внес Востоков свой вклад и в разработку концепции возникновения и развития древнерусского литературного языка, полагая, что язык церковных книг и язык древнерусской светской и деловой письменности («Русской Правды», «Слова о полку Игореве») — это разные, хотя и близкородственные языки.

А. Х. Востокова по праву можно считать основателем славянской палеографии: на основе анализа особенностей начертания и употребления

букв, надстрочных знаков, он успешно занимался датировкой рукописей, определяющим в палеографическом описании считая почерк писца и даже составил в таблицу почерков славянского письма разных веков, к сожалению, не сохранившуюся. Выступил Востоков как основоположник и в области археографии. Методика, примененная им при составлении «Описания русских и словенских рукописей Румянцевского музеума», рукописей библиотеки Академии наук и ряда частных собраний нашла свое дальнейшее развитие в ставшем классическим «Описании славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки», выполненном А. В. Горским и К. И. Невоструевым, а также в трудах других археографов. Сравнительно - историческое изучение языков, которое проводится в перечисленных работах на разном материале (у А. Х. Востокова на материале славянских языков, у Я. Гримма - германских языков) и с разной широтой охвата (наиболее широко у Ф. Боппа), было тесно связано с формированием идеи о генетических отношениях индоевропейских языков. Применение новых методов научного исследования сопровождалось также конкретными открытиями в области структуры и форм развития индоевропейских языков; некоторые из них (например, сформулированный Я. Гриммом закон германского передвижения согласных или предложенный А. Х. Востоковым способ определения звукового значения юсов и прослеживание судьбы в славянских языках древних сочетаний tj, dj и kt в позиции перед e, i) имеют общеметодическое значение и выходят тем самым за пределы изучения данных конкретных языков. Следует отметить, что не все указанные работы оказали одинаковое влияние на дальнейшее развитие науки о языке. Написанные на языках, недостаточно известных за пределами их стран, работы А. Х. Востокова не получили того научного резонанса, на который они были вправе рассчитывать, в то время как работы Ф. Боппа и Я. Гримма послужили

отправной точкой для дальнейшего развития сравнительно - исторического изучения индоевропейских языков.

Роль И.И.Срезневского в истории русского языкознания

Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) — славист, филолог, этнограф, палеограф. Сын И.И.Срезневского. Окончил философский факультет Харьковского университета, в 30-е годы был депутатом харьковского дворянского собрания, совестного суда, издавал сборники исторических песен и документов, связанных с бытом Запорожья («Запорожская старина»). Профессор кафедры политической экономии и статистики, в 1846 защитил докторскую диссертацию («Святылища и обряды языческого богослужения славян, по свидетельствам современным и преданиям»). Он стал первым в России доктором славяно-русской филологии, с 1847 преподавал в Петербургском университете и педагогическом институте. Именно И.И.Срезневского принято считать основателем отделения русского языка и словесности АН, а также основоположником школы петербургских славистов.

Область научных интересов И.И.Срезневского была достаточно обширной. Он уделял большое внимание истории русского языка, основы университетского преподавания которой заложил в цикле лекций «Мысли об истории русского языка». Так же с целью изучения народных говоров и славянского фольклора И.И.Срезневский путешествовал по Чехии, Хорватии. Его основные научные труды были посвящены методике преподавания языка и древнерусская литература. На протяжении всей научной деятельности И.И.Срезневский собирал «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам»

Выпускник Харьковского университета И.И.Срезневский первые годы своей научной деятельности посвятил изучению украинского народного творчества. Основная задача ученого состояла в том, чтобы в первую очередь изучить славянские языки по памятникам их письменности,

ознакомиться с народными традициями и обрядами этих народов, зафиксировать художественное творчество, быт, живую культуру простых людей. Затем И.И.Срезневский был командирован в Берлин, где под руководством Ф.Боппа занимался санскритом.

В 1847 г. И.И.Срезневский получает кафедру в Петербургском университете, а вскоре становится академиком. В Петербургском университете Срезневский воспитал целую плеяду талантливейших языковедов, педагогов и деятелей культуры: у него учились Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев. Именно в университете заинтересовался Н.Г.Чернышевский вопросами филологии, славянорусского языкознания. Хотя широкая общественная деятельность отвлекла его от занятий филологией, тем не менее, в дальнейшем Н.Г.Чернышевский не раз обращался к вопросам взаимоотношения языка и мышления, классификации языков, сравнительно-исторического языкознания, стилистики.

В 1849 г. на годовичном торжественном собрании Петербургского университета И.И.Срезневский выступил с речью, посвященной истории русского языка в сравнительно-историческом освещении. Эта речь была напечатана под названием "Мысли об истории русского языка" – главном труде его научной деятельности. Именно в этой работе Срезневский четко сформулировал задачи сравнительно-исторического изучения русского языка.

Помимо научно-учебной деятельности, в университете у И.И.Срезневского была и иная деятельность: до самой смерти он состоял деканом факультета, непременным членом правления университета; и 1861 г., в одну из тяжелых минут жизни университета, исправлял должность ректора; и 1862—1863 г. состоял членом комиссии по управлению делами университета.

Эта сторона деятельности, далекая от науки, связанная с обязанностью иметь дело с ненавистным Срезневскому чиновничеством, "приказными" (как он называл), "канцелярщиной", много отняла у него сил и здоровья и значительно способствовала развитию жестоких нервных страданий.

И.И.Срезневский всю свою жизнь посвятил изучению сравнительно-исторического аспекта изучения языка. Срезневский считал, все исследования по истории языка нераздельны с историей народа, их невозможно решить без сравнительно-исторического изучения языка. И.И.Срезневский ставит задачу восстановления на основе сравнения родственных славянских языков и диалектов древнейшего первобытного русского языка во всем его строе и составе, со всеми его формами и словами. Ученый считал, что выявление сходств и различий русского языка и других славянских и индоевропейских языков крайне необходимо для сравнительного изучения русского языка.

Прежде чем говорить о связи истории языка с историей народа, нужно, по мнению И.И.Срезневского, дать ответ на два вопроса:

1. Каким был язык народа в то время, когда народ, как часть племени, отделился сначала вместе со всем племенем своим от семьи племен, и потом, когда как отдельный народ отделился от других народов своего племени?

2. Как постепенно изменялся язык?

Ответ на эти вопросы можно дать только привлекая данные родственных языков, ибо язык племени можно объяснить исторически только с учетом языка семьи племен, из которого он произошел. Но до сравнения русского языка с другими родственными славянскими наречиями необходимо, как полагает И.И.Срезневский, изучить лексику и грамматику каждого древнего памятника языка, описать каждое наречие и каждый местный говор русского языка, научно описать в грамматическом,

лексическом и стилистическом отношениях современный русский литературный язык и язык отдельных писателей.

В записи Чернышевского до нас дошел курс лекций по истории русского языка, читанный И.И.Срезневским в 1849-1850 гг. В данном курсе содержится одно из важных положений сравнительно-исторической грамматики. Срезневский полагал, что для определения степени расхождения родственных языков, а также исторического изменения языка нужно сравнить между собой древние состояния нескольких языков, а затем сопоставить эти же языки на уровне их современного развития. Именно этому И.И.Срезневский и посвятил свои основные научные труды.

Широкие методологические требования И.И.Срезневского к были откровением для ученых того времени, "Мысли об истории русского языка" воспринимались как программа дальнейшего исторического изучения русского языка. И.И.Срезневский первым сказал о необходимости исторического изучения языка в связи с историей народа, им впервые был поднят вопрос о древности диалектов русского языка и времени их образования; он начал собирать материалы для составления истории русского языка, для изучения народных говоров и современного языка. Позднее эту программу успешно реализовали известные русские и советские языковеды Ф.И. Буслаев, А.А. Шахматов.

В работе "Мысли об истории русского языка" И.И.Срезневского ставится вопрос о внешних и внутренних обстоятельствах, которые, воздействуя на язык, изменяют его. По мнению И.И.Срезневского, внутренние обстоятельства — это действующие в языке противоречия, выяснение того, какие грамматические формы в языке обязательны, а без каких можно обойтись, какие явления языка являются случайными, а какие закономерны. Таким образом, в процессе развития в языке образуются различные слои, образованные в различные времена, старые и новые.

Ученый ясно выразился, что наша наука берет свои истоки из национальной самобытности и гражданственности, что это народная наука, которая призвана решать не отвлеченно-логические и философские, а конкретные лингвистические задачи - изучать дух, историю, культуру и этнографию родного народа посредством его коренного языка.

И если предшественники и даже современники И.И. Срезневского в то время еще занимались собиранием фактов отечественной словесности, были подчас увлечены романтизмом, то И.И. Срезневский во многом превзошел их в глубине, продуманности и цельности замысла. Он говорил о том, что история языка, нераздельная с историей народа, должна входить в народную науку как ее необходимая часть [Кондратов 1980]. Следовательно, ученый первым предлагал осуществить объемную задачу изучения родного языка в историческом аспекте, а это значило исследование не только грамматических норм, но и лексики, культуры, этнографии народной речи в целом.

В таком масштабе данный тезис прозвучал впервые. Еще несколько тезисов И.И. Срезневского из его «Мыслей» заслуживают внимания: в своей речи ученый изложил взгляд на соотношение и различия языка народного и языка книжного, указывал на необходимость всестороннего разбора старых памятников «отдельно в отношении лексикальном, грамматическом и историко-литературном» [Кондратов 1980: 80]. И.И.Срезневский дал четкую картину развития русского языка и его становления как самостоятельного феномена культуры. Вместе с тем ученый говорил, что «русский язык не может быть рассматриваем исторически отдельно от других соплеменных наречий и сродных языков...» [Кондратов 1980: 81].

Основное же достижение состояло в том, что, И.И.Срезневский ввел русский язык в сравнительно-историческое изучение славянских языков и заложил основы исторической грамматики русского языка.

Свои главные выводы И.И. Срезневский вынес из большого опыта изучения славянских языков и наречий и памятников русской старины. Можно сказать, что именно этим драгоценным источникам он посвятил всю жизнь, издавая и исследуя их историю, тексты, язык. Из наиболее значительных трудов отметим прежде всего «Древние памятники русского письма и языка (X-XIII вв.). Общее повременное обозрение».

Широко известны и другие научные достижения ученого: открытие «Саввиной книги», «Листков Ундольского», «Киевских глаголических отрывков», а также его исследования по палеографии и лексикографии, основу которых составили как раз выписки делового и бытового содержания.

В самом архиве И.И. Срезневского сохранились редкие образцы нетрадиционного, «карнавального» делового письма. Таково, например, «Дело о побеге беглого петуха от курицы» 1750-х годов. Нам известны и другие сочинения XVIII века, собранные ученым в подлинниках и копиях и не изданные до сих пор.

В начале 1850-х годов И.И.Срезневский усиленно начал заниматься подготовкой словаря древнецерковнославянского и древнерусского языков. С этих пор он поручает своим ученикам составление словарей к отдельным памятникам (словари Чернышевского, Пыпина, Корелкина, Лавровского к летописям Ипатьевской, Новгородской, Лаврентьевской, Псковской). Здесь талант И.И. Срезневского выразился с наибольшей силой, а его языковое чутье и многолетний труд по собиранию и изданию рукописей вылились в последовательное, научно обоснованное словарное пособие, где теория и история языка представлены в многообразии его форм.

Замечательно и то, что И.И. Срезневский, помимо собственно лингвистических целей (собрать и описать лексику древнейшего периода развития русского языка), представил труд более масштабного качества. Он создал своего рода словарь древнерусской книжности, зафиксировал

культурный код той эпохи, показал, какое исключительное значение в жизни наших предков имели духовные традиции, отразившиеся в текстах делового содержания.

Закончить этот труд, однако, не было дано Срезневскому: печатание его началось лишь через 10 лет после его смерти, под заглавием «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам».

Лингвистическое наследие Буслаева Ф.И.

Федор Иванович Буслаев родился в бедной семье уездного стряпчего. В пензенской гимназии основы грамматики Ф.И.Буслаеву преподавал В.Г.Белинский. В 1838 году окончил Московский университет и приступил к чтению лекций по русскому языку и словесности в этом университете. Он впервые в России начал преподавать сравнительную грамматику индоевропейских языков и историческую грамматику русского языка. В 40-60 гг. Ф.И.Буслаев пишет свои основные труды: «О преподавании отечественного языка» (1844), «О влиянии христианства на славянский язык» (1844), «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858), а также ряд рецензий на работы русских языковедов. С 1860 года стал профессором, а позднее академиком, и с этого времени занимается главным образом древнерусской литературой, фольклором, изучением миниатюр на старинных книгах.

В университете Ф.И.Буслаев впервые знакомится с исследованиями немецкого языковеда Я.Гримма, которые оказали большое влияние на молодого лингвиста, и с сочинениями В.фон Гумбольдта. В культурно-исторической теории Гримма Буслаев видел возможность проникнуть в далекое прошлое народа и найти в языке отражение его культуры, быта и верований. Именно на труды этих исследователей, на богатейший материал русского языка опиралась лингвистическая концепция Ф.И.Буслаева, она продолжала и развивала отечественные тенденции Ломоносова – Востокова

и в то же время европейские традиции Гумбольдта, Боппа и особенно Гримма.

Лингвистические взгляды Ф.И.Буслаева выражены в его работах «О преподавании отечественного языка» и «Опыт исторической грамматики русского языка». Ф.И.Буслаев понимал язык как непрерывный творческий процесс. Он считал, что в языке выражается вся жизнь народа.

Ученый утверждал системный характер языка. Понимая язык как совокупность грамматических форм самого разнообразного происхождения и состава, Ф.И.Буслаев представляет себе языковую систему как сочетание одновременных явлений. И с этой точки зрения история языка стоит в теснейшей связи с современным его состоянием, ибо восстанавливает и объясняет то, что теперь употребляется бессознательно. Теорию одновременного существования в языке старого и нового в дальнейшем поддержат А.А. Потебня и И.А. Бодуэн де Куртенэ.

В своей лингвистической концепции Ф.И.Буслаев исходил из единства теории и практики, причем соотношение филологических и лингвистических традиций было центральным вопросом в разработке логических (философских), нормативных (филологических) и исторических основ грамматики.

Филологический способ исследования направлен на изучение мертвых языков. Практическая филологическая грамматика, поскольку она ограничивалась речью только писателей образцовых, преимущественно ближайших к современности, была справочником и учила, как и грамматика иностранного языка, правилам, развивая память и навыки. Филологический способ изучения и преподавания языка, по мнению Ф.И.Буслаева, неудовлетворителен по педагогическим и научным соображениям.

Недостаточно помнить и знать правила и исключения, надо их «разуметь». Это «разумение» дает лингвистический способ изучения языка.

Современный язык представляет собой совокупность грамматических форм самого разнообразного происхождения и состава. Понять это можно только при условии, если части будут рассматриваться в связи с их целым в соответствии с законами исторического развития.

Принцип историзма (историческая грамматика), по мнению Ф.И.Буслаева, соединяет оба способа изучения языка (филологический и лингвистический) и устанавливает точные границы между логикой и грамматикой. В результате исторического развития создается логика языка, которая «точнее, строже и совершеннее логики отдельных лиц, сколько бы проницательны и глубокомысленны они ни были». Поэтому логика исторической грамматики отличается от логики общих (философских) грамматик.

Ф.И.Буслаев считал, что грамматика должна опираться на логические начала, поскольку в синтаксисе новейших языков «господствует отвлеченный смысл логических законов над этимологической формой и над первоначальным наглядным представлением, ею выраженным». Предложение стоит в центре грамматической системы Буслаева. Ученый считал, что синтаксис - основа всему построению языка, этимология же только приспособляет слова различными изменениями и формами к составлению предложения. Как слово есть часть предложения, так и этимология входит в синтаксис как его часть. Части речи - различные формы мысли.

Ф.И.Буслаев развил и уточнил положение логико-семантической школы логического направления в грамматике, создав учение о логико-формальной основе предложения, о сокращении и слиянии предложений, учение о второстепенных членах предложения и придаточных предложениях. Логико-семантические признаки признаются ведущими – и в этом основной принцип синтаксического анализа. Он отличается от современных только тем, что Ф.И.Буслаев считал оба рода признаков

свойственными объекту, тогда как многие современные исследователи объектной считают только форму, а логико-семантические признаки относят к методике анализа.

Таким образом, наиболее характерной особенностью логического направления в языкознании является рассмотрение философии языка как проблемы логической. Языковая семантика отождествляется с логическими категориями и операциями, а языковые формы – с логическими формами мышления. В грубом и прямолинейном виде это означает, что слово семантически есть понятие, предложение – суждение (пропозиция), а сложное предложение и контекст – умозаключение.

Такое понимание связи языка и мышления приводит к отрицанию языкового мышления, национальной и исторической специфики не только в языковой семантике, но и формах языка. На передний план выдвигается изучение универсальных свойств языка, описываемых при помощи дедуктивно-классификационной методики.

Основной единицей признается предложение, а категорией – часть речи; грамматические формы являются их знаками, вербальные значения есть знания научные. Задача грамматики состоит в том, что бы обнаружить соответствие языковых форм логическим категориям, которые исчисляемы.

Глоссарий по теме 3

Компендиум, компендий (лат. *compendium*) — литературная форма и литературный жанр. Основное назначение компендия — дать сокращённое изложение понятий, теорий, методик той или иной науки или учебной дисциплины.

Лексикография (др.-греч. *lexikon* — «словарь» и *grapho* — «пишу») — раздел языкознания, занимающийся вопросами составления словарей и их изучения; наука, изучающая семантическую структуру слова, особенности слов, их толкование.

Лексикология (от греч. *lexikos* - относящийся к слову и ...логия), раздел языкознания, изучающий словарный состав языка.

Морфонология — раздел языкознания, изучающий закономерности строения, фонемного состава и варьирования морфем того или иного языка, не выводимые полностью из особенностей его фонологии, а также совокупность явлений морфонологической природы, присущих данному языку. Во многих работах, написанных на английском языке (а иногда — и по-русски), морфонология называется *морфофонемикой*.

Палеография – вспомогательная историческая дисциплина, изучающая историю письма, закономерности развития его графических форм, а также памятники древней письменности в целях их прочтения, определения автора, времени и места создания.

Словообразование — образование новых слов (дериватов) от однокоренных слов и возникшее в результате этого формально-семантическое соотношение между дериватом и его производящим словом.

Сравнительно-историческое изучение языка – область лингвистики, посвящённая прежде всего родству языков, которое понимается историко-генетически (как факт происхождения от общего праязыка).

Сравнительно-историческое языкознание - область языкознания, имеющая целью реконструкцию синхронных состояний, не засвидетельствованных письменностью, и диахронических процессов в истории отдельных языков, истории групп родственных языков, включая установление происхождения языковых семей, языков и отдельных элементов их системы, в том числе установление генетического родства между языками, т. е. их общего происхождения из одного источника (генеалогическая классификация языков).

Этимология (др.-греч. «истинный, правильный, верный» «слово, учение, суждение») — раздел лингвистики (конкретнее сравнительно-исторического языкознания), изучающий происхождение слов.

Вопросы для изучения

1. Что такое компаративистика?
2. Что изучает сравнительно-историческое языкознание?
3. Когда начали развиваться нормы русского литературного языка?
4. Какие положения рассматривала грамматика В. Е. Аодурова?
5. Кто является основоположником собственно русской лингвистической традиции?
6. Первая печатная (типографски изданная) русская научная грамматика на родном языке?
7. Значение научной деятельности Г.В. Лейбница для России?
8. Преобладающий аспект в русском языкознании в XVIII в.- начале XIX в.?
9. Общая характеристика научных трудов русских исследователей в первой половине XIX века.
10. С именем какого ученого связано возникновение сравнительно-исторического языкознания в России?
11. Роль славянофильства в компаративистике.
12. Общая характеристика научной деятельности А.Х. Востокова.
13. Основные труды А.Х. Востокова в области компаративистики.
14. Основные вопросы, положения, рассматриваемы в труде А.Х. Востокова «Рассуждение о славянском языке».
15. Значимость научной деятельности А.Х. Востокова для сравнительно-исторического языкознания.
16. Область научных интересов И.И. Срезневского.

17. Основы сравнительно-исторического изучения языка в трудах И. И. Срезневского.
18. Методологические требования И.И.Срезневского к изучению языка.
19. Основные факторы развития языка по И.И. Срезневскому.
21. Основные этапы истории русского языка по И.И.Срезневскому.
22. Задачи сравнительно-исторического изучения русского языка по учению Срезневского.
23. Основные работы И.И.Срезневского.
24. Основоположителем какого направления в России был Ф.Буслаев?
25. Назовите основные труды Ф.Буслаева.
26. Сущность языка по Ф.Буслаеву.
27. Основа лингвистической концепции Ф.Буслаева.
28. Почему филологический способ изучения и преподавания языка, по мнению Буслаева, неудовлетворителен по педагогическим и научным соображениям?
29. Что является характерной особенностью логического направления в языкознании?
30. Какие два аспекта изучения грамматики были отражены в языкознании XIX века?

Рекомендуемые информационные ресурсы

- Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М., 1999.
- Березин Ф.М. История русского языкознания. М.: Высшая школа, 1979.- 223с
- Березин Ф. М. Очерки по истории языкознания в России (кон. XIX – нач. XX в.). М., 1968.- 310 с.
- Березин Ф.М. Русское языкознание кон 19-нач 20 в.-М.:Наука,1976.- 366 с.

Березин Ф. М. Хрестоматия по истории русского языкознания. М.: Высшая школа, 1977. - 440 с

Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. – М., 1978.

Даниленко В.П. История русского языкознания. - М: Флинта; Наука, 2009. - 320с.

История языкознания: XIX - 1-я половина XX в.: в 2-х ч. Часть 1 [Электронный ресурс]: хрестоматия / сост., авт. коммент. и заданий д-р филол. наук З. И. Резанова. - 2-е изд., стер. - М.: Флинта, 2012. - Ч. 1. - 264 с. [//http://znaniyum.com/bookread.php?book=455666](http://znaniyum.com/bookread.php?book=455666)

Колгушкина Н.В. Академик И.И.Срезневский в культурном пространстве России. - Рязань, 2011.

Колесов В.В. История русского языкознания. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2003. - 472с.

Кондратов Н.А. Измаил Иванович Срезневский (1812-1880) // Русская речь. 1980. № 2.

Кондрашова И. А. Лингвистические труды Ф. И. Буслаева // Семантическая структура слова и высказывания. М., 1993.

Редин Е. К. Ф. И. Буслаев. Обзор его трудов по истории и археологии искусства // Буслаев Ф. И. Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001

Смирнов С. В. Ф. И. Буслаев (1818-1897). М., 1978

Чурмаева Н. В. Ф. И. Буслаев. М., 1984

http://referatyk.com/biografii/11138doklad:_buslaev_fedor_ivanovich.html

<http://www.referat.ru/referat/logicheskoe-napravlenie-v-azykoznanii21772>

<http://www.gramota.ru>

<http://www.jazykoznanie.ru>

<http://www.znaniyum.com>

<http://www.philology.ru>

РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ КОНЦА XIX В.

Можно считать, что развитие науки о языке во второй половине 19 века шло под знаком психологизма, который разделялся большинством ученых. Говорить о каком-либо особом психологическом направлении в отечественной лингвистике вряд ли возможно, однако психологизм был свойствен многим лингвистическим школам, часто значительно различавшимся в других отношениях.

Неосознанный психологизм был присущ науке о языке с самого ее возникновения, поскольку она всегда в той или иной мере основывалась на интуиции носителей языка, тесно связанной с психолингвистическим механизмом человека. Однако собственно психологические концепции в языкознании складываются лишь в середине 19 в., приходя на смену, с одной стороны, теоретическим построениям, основанным на представлениях о «духе языка» и «духе народа», которые не могли быть строго определены и описаны, а с другой стороны – довольно примитивной форме естественнонаучного подхода, прямо уподоблявшей язык живому организму. Становление психологизма было связано с интенсивным развитием во второй половине 19 в. психологии, превратившейся в это время из чисто умозрительной науки в экспериментальную; некоторые видные психологи того времени, в частности В.Вундт, живо интересовались вопросами языка.

Одним из первых теоретиков психологизма в языкознании был Х.Штейнталь. Во многом основывавшийся на идеях В. фон Гумбольдта, он, однако, вместо «человеческой духовной силы» выдвигал на первый план коллективную психологию, понимая язык как «выражение осознанных

внутренних, психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков», а языкознание – как «психологию народов». Штейнталь, как и другие представители психологии того времени, спорил с уже архаичными для середины 19 в. идеями логицистов, восходившими к Грамматике Пор-Рояля, подчеркивая, что категории логики являются общими для всех людей, тогда как психология способна вскрывать особенности коллективного «духа народа», определяющего специфику языка. Штейнталь утверждал, что язык есть мышление, но в отличие от предметного мышления, основанного на представлениях, языковое мышление опирается на так называемую «внутреннюю форму языка» (понятие, введенное В. фон Гумбольдтом), определенным образом организующую человеческие представления и специфичную для каждого народа и языка. Анализ языка при этом рассматривался как способ получения данных о психологии того или иного народа и об особенностях его культуры. Эти идеи Штейнталь связывал с господствовавшими на протяжении большей части 19 в. (и не только в лингвистике) идеями стадильности: на ранних этапах развития языков их внутренняя форма совершенствовалась и усложнялась, достигнув наибольшего богатства в санскрите и древнегреческом, а в современных языках происходит ее регресс, отражаемый и в упрощении внешней, морфологической формы.

Взгляды Штейнталья получили развитие в современной ему русской науке – у А.А.Потебни, И.П.Минаева и др. И.П.Минаев выдвигал гипотезы о неслучайных связях между строем языка и культурой соответствующего народа, например, между структурой семитского корня и монотеизмом семитских религий (со множеством оговорок подобного рода идеи развиваются с конца 1970-х годов А.Вежбицкой). Более развернутую концепцию языка, основанную на установках психологизма, предложил А.А.Потебня, также споривший с концепциями логицистов. В его работах много места отводилось вопросу об ассоциативных связях между звучанием

и значением слова и др. Сохранял он и понимание языка как «психологии народа». Однако у Потебни уже заметен отказ от стадияльных схем, а также приспособление многих понятий гумбольдтовской традиции к анализу конкретного языкового материала. Например, глобальное понятие внутренней формы языка превратилось в более узкое и конкретное понятие внутренней формы слова, т.е. его ближайшего этимологического значения. Идеи Потебни были весьма влиятельными в отечественной науке.

Новый этап развития психологизма в языкознании связан с господствовавшим в лингвистике с 1880-х по 1910-е годы младограмматизмом. Наиболее четкое отражение он нашел в книге Г.Пауля «Принципы истории языка» (1880). Младограмматики полностью отказались от стадияльных идей и от «духа народа» в любом его понимании, перейдя в объяснении языковых фактов от коллективной к индивидуальной психологии; это отражало и эволюцию психологии того времени, обратившейся к экспериментальному исследованию индивидуальной психики. По мнению Пауля, «на свете столько же отдельных языков, сколько индивидов» (формула, терминологически зафиксированная в понятии идиолекта – индивидуальной разновидности языка, «диалекта индивида», а немецкий, латинский и др. языки – лишь абстракции лингвистической науки. Каждая языковая единица, каждое наблюдаемое языковое явление имеет свой психический коррелят, все в языке связывается между собой через ассоциации. Разными группами представлений образуется психический организм, находящийся у каждого индивида «в состоянии непрерывного изменения». Историческое развитие происходит лишь внутри психических организмов. Изменение языка – это лишь метафора; однако принятый в языковом коллективе узус нивелирует различия психических организмов и закрепляет изменения.

Психологизм был присущ и лингвистам конца 19 – начала 20 вв., спорившим с младограмматиками и искавшим новых путей.

Н.В.Крушевский закономерности развития языка связывал с влиянием психических ассоциаций по сходству и по смежности И.А.Бодуэн де Куртенэ в своих ранних работах рассматривал язык всецело как психическое явление (позже также и как социальное); фонему и морфему он понимал как психические сущности, устойчивые представления носителей языка. В «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра еще отчасти сохраняются элементы психологизма: он указывал, что «языковые знаки психичны по своей сущности; ассоциации, скрепленные коллективным согласием и в своей совокупности составляющие язык, суть реальности, локализующиеся в мозгу». Однако его знаковая теория языка и идея о том, что «в языке нет ничего, кроме различий», уже знаменовали отход от психологизма; характерна произведенная им внутри «Курса...» замена явно психического термина «акустический образ» на нейтральный термин «означающее».

Последующий переход к структурной лингвистике был связан с решительным отходом от психологизма, провозглашением автономии лингвистики от других наук о человеке, включая психологию, и выработкой собственно лингвистической методики, не опиравшейся на психические ассоциации и интуицию. Это было связано с общей тенденцией структурной лингвистики к рассмотрению своего объекта извне, по образцу естественных наук. Наиболее четко такой подход выявился в фонологии.

Лишь немногие лингвисты 1920–1950-х годов не отказывались от психологизма, в их числе Э.Сепир и К.Бюлер (последний был одновременно психологом). Сепир подчеркивал необходимость союза лингвистов с психологами и изучал вопрос о психологической реальности фонем. С психологизмом связана и гипотеза лингвистической относительности Б.Уорфа.

На рубеже 1950–1960-х годов вопрос о связи между лингвистикой и психологией вновь поставил Н.Хомский, заявивший о том, что главная

задача науки о языке – это моделирование деятельности носителя языка. В книге «Язык и мышление» (1968) он прямо определил лингвистику как «особую ветвь психологии познания». Согласно Хомскому, лингвистика может много дать для выяснения процессов, связанных с умственной деятельностью человека. Однако Хомский в большей степени декларировал, нежели разрабатывал подобные идеи, сосредоточившись на построении формальной моделей синтаксиса; более того, реально его деятельность как раз во многом способствовала укреплению автономии лингвистики, а некоторые новейшие формы бытования психологизма в языкознании родились в прямой полемике с его взглядами.

Тем не менее для разных направлений лингвистики второй половины 20 в. характерно возвращение к психологизму и к обращению для объяснения устройства и функционирования языка к сведениям об устройстве человеческой психики. Характерно изменение точки зрения такого лингвиста, как Р.Якобсон, в 1960–1970-е годы обратившегося к проблемам, которые он ранее решительно выводил «за рамки лингвистики». Такое возвращение к психологизму многообразно и не составляет какого-то единства, скорее можно говорить, как и в отношении второй половины 19 – начала 20 вв., о некоторых общих чертах современного этапа развития науки о языке. Предпринимаются попытки непосредственного изучения речевых механизмов мозга, начатые еще в 1940-е годы школой А.Р.Лурия; с другой стороны, в современных исследованиях по семантике, прагматике, изучению языковых картин мира активно учитывается языковая интуиция, строятся некоторые гипотезы о закономерностях человеческой психики и о специфике их отражения в различных языках; такой подход отражается и в современных типологических исследованиях. Разумеется, все это происходит на новом уровне развития науки, и, в частности, вряд ли кто-нибудь из лингвистов в настоящее время готов считать науку о языке своего рода «заложницей» психологии.

Харьковская лингвистическая школа

Харьковская лингвистическая школа - одно из направлений русской лингвистики второй половины 19 – начала 20 вв. Сложилась в 1860–1880-е годы в Харьковском университете. Основатель и основной представитель – А.А.Потебня. Среди учеников А.А.Потебни – Д.Н.Овсянико-Куликовский (1853–1920), М.А.Колосов (1839–1891), В.И.Харциев (1865–1937) и др., близок к Харьковской школе был А.С.Будилович (1846–1908).

Взгляды А.А.Потебни формировались под влиянием В. фон Гумбольдта и Х.Штейнталя, он совмещал в себе философа языка и специалиста по истории славянских языков и русской грамматике. Вслед за В. фон Гумбольдтом А.А.Потебня подчеркивал, что язык – не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность, связывал язык с «духом народа». Потебня изучал проблемы соотношения языка и мышления, их исторической взаимосвязи, разрабатывал вопросы исторической семантики и этимологии. Важное значение имела разработанная им концепция грамматической формы, основанная как на формальных, так и на семантических критериях. В отечественной традиции закрепилось также сформулированное им понятие внутренней формы слова.

В целом для Харьковской школы был характерен психологический подход к языку, последовательный учет семантики, интерес к разработке вопросов, пограничных между лингвистикой, этнографией, литературоведением и фольклористикой. В рамках школы активно изучались славянские, прежде всего восточнославянские языки. Ученые школы сформировали восточнославянскую диалектологию как самостоятельную дисциплину, заложили основы отечественной украинистики. Разрабатывались оригинальные синтаксические концепции; в частности, А.А.Дмитревский (1856–1929) выдвинул идею о сказуемом как вершине предложения, предвосхищавшую концепции 20 в.

Харьковская лингвистическая школа перестала существовать еще до 1917, но ее наследие, прежде всего идеи Потебни, было весьма влиятельным и в советское время.

Александр Афанасьевич Потебня (1835--1891) был крупным и оригинальным учёным синтетического склада, совместившим в себе философа, языковеда, историка литературы, исследователя фольклора и мифологии, принадлежащим в равной степени украинской и русской науке.

Его характеризовал широкий круг лингвистических интересов (философия языка, синтаксис, морфология, фонетика, семасиология русского и славянских языков, диалектология, сравнительно-историческая грамматика, проблема языка художественных произведений, эстетическая функция языка). Он занимался теорией словесности, поэтикой, историей литературы, этнографией, фольклором. А.А. Потебня знал, кроме родных украинского и русского, ряд древних и новых языков (старославянский, латинский, санскрит, немецкий, польский, литовский, латышский, чешский, словенский, сербскохорватский).

Его основные работы: "Мысль и язык" (1862), "Два исследования о звуках русского языка" (1864--1865), "Заметки о малорусском наречии" (1870), "Из записок по русской грамматике" (1874 -- части 1 и 2; посмертно, 1899 -- часть 3; 1941 -- часть 4), "К истории звуков русского языка" (1874--1883), "Объяснения малорусских и сродных народных песен" (2 тома -- 1883 и 1887), "Значения множественного числа в русском языке" (1887--1888). "Этимологические заметки" (1891). Издавалось им со своими примечаниями "Слово о полку Игореве".

Лингвистические взгляды А.А. Потебни складывались под сильным влиянием В. фон Гумбольдта и Х. Штайнталя. Он сближает и вместе с этим разграничивает задачи языкознания и психологии. Для него сравнительный и исторический подходы неразрывно связаны.

Сравнительно-историческое языкознание представляет с его точки зрения собой форму протеста против логической грамматики. Язык понимается как деятельность, в процессе которой непрерывно происходит обновление языка, изначально заложенного в человеке в качестве творческого потенциала. А.А. Потебня утверждает тесную связь языка с мышлением и подчёркивает специфичность языка как формы мысли, но "такой, которая ни в чём, кроме языка, не встречается". Логика квалифицируется как наука гипотетическая и формальная, а психология (а тем самым и языкознание) как наука генетическая. Подчёркивается более "вещественный" (по сравнению с логикой) характер "формальности" языкознания, не большей, чем у других наук, его близость к логике. Язык трактуется как средство не выразить уже готовую мысль, а создавать её.

Различаются логические и языковые (грамматические) категории. Подчёркивается, что последних несравненно больше и что языки различаются между собой не только в звуковой форме, но и строем выразившейся в них мысли, своим влиянием на последующее развитие народов. Речь считается одной из сторон большего целого, а именно языка. А.А. Потебне принадлежат утверждения о нераздельности речи и понимания, о принадлежности понятного говорящему не только ему самому. Внимание обращается прежде всего на динамическую сторону языка - речь, в которой "совершается действительная жизнь слова", только в которой возможно значение слова и вне которой слово мертво.

По А.А. Потебне, слово имеет не более одного значения, а именно того, которое реализуется в акте речи. Он не признаёт действительного существования общих значений слов (как формальных, так и вещественных). При этом он подчёркивает, что слово выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один её признак, что в слове есть два содержания: объективное (ближайшее этимологическое содержание слова, заключающее в себе только один признак; народное

значение) и субъективное (дальнейшее значение слова, в котором может быть множество признаков; личное значение), что слово как акт познания содержит в себе, кроме значения, знак, указывающий на актуальное значение и опирающийся на прежнее значение, что звуковая форма слова тоже есть знак, но знак знака. Знак значения трактуется как признак, являющийся общим между двумя сравниваемыми сложными мысленными единицами, своего рода заместителем, представителем соответствующего образа или понятия. Под внутренней формой слова понимается отношение содержания мысли к сознанию, представление человеком его собственной мысли. Слово определяется как звуковое единство с внешней стороны и как единство представления и значения с внутренней стороны.

На грамматическую форму распространяется то же трёхэлементное строение. Грамматическая форма признаётся элементом значения слова, однородным с его вещественным значением. Рекомендуется проследивать историю употребления слов в процессе исторического развития языка с целью сделать выводы о характере изменений в мышлении данного народа и человечества в целом.

А.А. Потебня предвосхищает соссюровское противопоставление синхронии и диахронии. Он призывает к изучению явлений языка в их взаимосвязи, взаимообусловленности (т.е. в системе).

Особой заслугой А.А. Потебни является разработка "ономатопоэтической теории языка", в соответствии с которой мыслительно-речевой акт считается индивидуально-психическим творческим актом, признаваемым или отвергаемым при его восприятии и порождающим новую мысль, а не воспроизводящим уже готовую истину. Основным фактором развития языка признаётся смена поэтического мышления мышлением прозаическим.

Критике подвергаются теория "двух периодов" в развитии языка и шлайхеровский натурализм. А.А. Потебня призывает к исследованию языка

в связи с историей народа, с обращением к фольклору и художественным ценностям, составляющим достояние национальной культуры. Он постоянно обращается к понятиям народ и народность. Язык выступает как порождение "народного духа" и вместе с тем как источник национальной специфики народа ("народности"). Учёный стремится придать своим исследованиям культурно-исторический характер (эта линия продолжается в работах Е.Г.Кагарова, О.М. Фрейденберг, Вяч, В.С. Иванова, В.Н. Топорова, Н.И. Толстого и др.). В поэтическом слове выделяются три составных элемента: внешняя форма (звучание), значение и внутренняя форма, т.е. образ. Поражает всепроникающая семантическая лингвистических построений А.А. Потебни.

Грамматические категории он трактует как основные категории мышления. Значительный вклад А. А. Потебня внёс в разработку синтаксиса, в рамках которого формировались оригинальные представления о слове, грамматической форме, грамматической категории.

Историко-генетический принцип применяется им к анализу и осмыслению синтаксических явлений. Предложение предстаёт как пространство пересечения грамматических категорий. Его структура уподобляется структуре сформулированной в нём мысли. Процесс выявления эволюции типов предложения приравнивается к установлению исторической типологии мышления. А.А. Потебня говорит о росте предикативности по мере развития языка и эволюции сознания как свидетельстве усиления динамического, процессуального начала (отклик на эти идеи встречается в теориях эргативности у Н.Я. Марра, И.И. Мещанинова, Г. Шухардта). А.А. Потебня подчёркивает влияние языка на формирование мифологического сознания (на материале наложения христианства на русское язычество).

Ему принадлежит трактовка мифа как специфического слова. Выработанный им лингвистический подход прилагается к построениям в

области поэтики и эстетики, символики фольклора и художественного творчества(позднее поэт-символист Вячеслав Иванов пытался представить А.А. Потебнюпервым теоретиком символизма).

Вся деятельность А.А. Потебни была с Харьковским университетом, где при его активном участии и под его влиянием складывалась Харьковская лингвистическая школа, лингвистические основания которой разрабатывались ещё до А.А. Потебни И.И.Срезневским (1812--1880) и П.А.Лавровским (1827--1886).

Московская лингвистическая школа

Неизгладимый след в истории русского языкознания оставила Московская лингвистическая школа, основоположником которой считается выдающийся учёный-лингвист Филипп Фёдорович Фортунатов (1848—1914). МЛШ формировалась в последней трети 19 в. Эту школу иначе называют по имени ее основателя Фортунатовской или «формальной», т.к. ее сторонники при исследовании языка опирались на собственно лингвистические (формальные, реально представленные в языке) факты. Представители МЛШ выступали против смешения грамматики с психологией и логикой.

Фортунатов Ф.Ф. воспитал блестящую плеяду учеников, которые прославили русскую науку и вывели МЛШ на европейский уровень. Это известные русские лингвисты А.А.Шахматов, А.М.Пешковский, М.М.Покровский, Б.М.Ляпунов, Н.Н.Дурново, Д.Н.Ушаков, В.М.Истрин, Е.Ф.Будде и др.

Сфера деятельности Фортунатова Ф.Ф. невероятно обширна. Ученый был специалистом в области сравнительно-исторической фонетики и акцентологии, палеографии и орфографии, а также теоретической грамматики. Он владел многими индоевропейскими языками, среди которых ведийский, санскрит, пали, греческий, латинский, старославянский, готский, литовский, латышский, армянский и

бактрийский. Впервые в России он создал систематические лекционные курсы индоевропейской и славянской сравнительно-исторической грамматики. И наконец, Филипп Фёдорович основал Московскую лингвистическую школу и воспитал блестящую плеяду языковедов.

Ф.Ф.Фортунатов родился в семье директора Вологодской, затем Олонецкой губернской гимназии в Петрозаводске. Гимназический курс проходил в Олонецкой губернской гимназии, но из-за переезда отца в Москву окончил 2-ю Московскую гимназию. Затем обучался на историко-филологическом факультете Московского университета (1864—1868), где под влиянием Ф. И. Буслаева рано проявил интерес к сравнительному языкознанию. После сдачи магистерских экзаменов Ф.Ф.Фортунатов занимался диалектологической работой в Литве (1871), стажировался в Германии и Франции (1871—1873). В 1874—1876 годах преподавал греческий язык в гимназии Креймана. Магистерская диссертация (1875) посвящена анализу ведийского языка.

В 1886 г. в возрасте 28 лет Ф.Ф.Фортунатов возглавляет кафедру сравнительного языковедения в Московском университете. По ходатайству Московского и Киевского университетов ему присуждается учёная степень доктора сравнительного языковедения без защиты диссертации. В 1898 г. он избирается членом-корреспондентом Академии наук, а спустя всего 4 года становится её действительным членом. В 1907 г. он становится действительным членом Сербской Академии наук, а в 1908 – Финно-Угорского общества в Гельсингфорсе. В 1911 г. ему присуждается почётное звание доктора философии университета в Христиании в Норвегии.

Основоположник названной школы имел относительно мало печатных трудов, а в последнее десятилетие после избрания академиком и переезда в Петербург практически прекратил научно-педагогическую деятельность. Ему принадлежат всего 37 научных трудов, изданных в основном в специальных журналах или литографическим способом (для

студентов Московского университета). Б. Дельбрюком был даже высказан полусутошливый упрёк в адрес Ф.Ф.Фортунатова и его коллег в том, что «эти ленивые русские» «не любят писать» и «можно сказать, боятся печатного станка».

Судьба Ф.Ф.Фортунатова как ученого сложилась неоднозначно. С одной стороны, он наиболее полно соответствовал образу представителя сравнительно-исторического языкознания, что являлось характеристикой «современного» ученого. Но с другой стороны, методология его исследований казалась многим «вчерашним днём». И так, все, так или иначе, усмотрели в фортунатовской системе пробелы и недостатки. Ф.Ф. Фортунатов стал для них не «последним словом науки», а отправным пунктом их научного развития».

Научная деятельность Ф.Ф.Фортунатова развивалась в тот период, когда в западноевропейской лингвистике складывалась новая школа младограмматиков, проявившая себя главным образом в области сравнительно-исторического изучения родственных языков. Во многом Ф.Ф.Фортунатов был близок к их принципам, предлагая одновременно оригинальное решение многих теоретических вопросов. Существенные результаты в области сравнительной фонетики и сравнительной морфологии ставили Ф.Ф. Фортунатова впереди немецкой лингвистики периода младограмматизма.

Ф.Ф.Фортунатов вырабатывал свои общие взгляды на язык, с учетом научных направлений того времени. Его общелингвистическая система достаточно сложна и вбирает в себя различные источники философской и лингвистической мысли. В ней, с одной стороны, прослеживаются теории о языке как общественном явлении, с другой, наблюдается отражение распространенных психологических идей. Ярко выступают принципы и приемы анализа языка, составляющие суть именно фортунатовской формально-грамматической школы.

Одним из основных положений концепции Ф.Ф.Фортунатова было признание связи истории языка с историей его носителя – народа, рассмотрение языка как общественного явления. Он считал, что все изменения, которые происходят в составе общества, отражаются в языке: дроблению общества на те или другие части соответствует дробление языка на отдельные наречия, а объединению частей общественного союза соответствует и в языке объединение наречий.

Социологическая сторона во взглядах Ф.Ф.Фортунатова выступает главным образом при рассмотрении внешней истории языка и внешних факторов развития. При разработке других языковых проблем, например, проблемы языка как средства общения, некоторых общих вопросов структуры языка, Ф.Ф.Фортунатов обращается к психологии. Психологизм лежит в основе фортунатовского понимания отношений между содержанием и формой в языке.

Ядром *грамматической концепции* Ф. Ф. Фортунатова является учение о грамматической форме. Её рассмотрение ученый начинает с определения слова, которое необходимо строго отграничивать от словосочетаний, а также морфем.

В основе определения слова как отдельной самостоятельной единицы языка лежит принцип обладания самостоятельным значением. По мнению Ф.Ф.Фортунатова, всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово; например, в русском языке звук речи *а* представляет собой отдельное слово, т. к. этот звук имеет значение отдельно от других звуков, являющихся словами.

Ф.Ф.Фортунатов сосредоточивает свое внимание в первую очередь на грамматических особенностях слова. В этом отношении особо важно его классификация слов, т. е. учение о грамматических классах слов.

Все отдельные слова он делит на полные, частичные и междометия. Полные слова обозначают предметы мысли и образуют либо части предложений, либо целые предложения. К частичным словам относятся:

- соединительные слова – предлог, связка, союз;
- усилительные слова (типа «то» в сочетании «я-то»);
- частичные слова, обозначающие отрицание или вопрос (не, ли);
- слова, обозначающие известное отношение говорящего к данному предложению (да, нет; конечно, мол).

Особый класс составляют междометия, которые не выражают идей, но выражают чувствования, испытываемые говорящими.

Деление на грамматические классы основано у Ф.Ф.Фортунатова на разработанном им понятии формы слова. Создание учения о грамматической форме считается одной из важнейших заслуг Ф.Ф.Фортунатова в истории языкознания.

Грамматическую форму, по мнению Ф.Ф.Фортунатова, имеют далеко не все слова. Ученый считал, что форма - способность слова выделять формальную и основную принадлежность. Под основной принадлежностью Фортунатов понимал основу слова, под формальной – аффикс (окончание, префикс, суффикс, инфикс). Например, слово *несу* в русском языке содержит в себе определенную форму, общую со словами *веду*, *беру*, так как в нем выделяется формальная принадлежность – аффикс *у* и основа *нес*. С помощью формальной принадлежности выражается грамматическое значение слова, с помощью основной – лексическое. Присутствие в слове делимости на основу и аффикс дает слову то, что мы называем формой. Аффиксы могут быть не только положительными, т. е. выраженными формально какими-либо одним звуком или комплексом звуков, но и отрицательными, т. е. нулевыми, невыраженными, и осознаются в языке на фоне системы соотношений между словами языка.

Слово может заключать в себе более одной формы. Могут быть отдельные слова, не имеющие никаких форм.

Ф.Ф.Фортунатов делил все формы на два типа: формы словообразования и формы словоизменения. Формы словообразования делятся на две категории. В первую входят формы, обозначающие различие в признаке какого – либо предмета мысли. Например: *беленький*, но *белый*. Во вторую категорию входят формы, образованные от одной и той же основы, но находящиеся в определенных отношениях к предметам мысли, обозначаемым иными словами. Например: *белый – белье, белить*. Формы словоизменения также делятся на две категории. К первой категории относятся формы времени, наклонения и лица в системе глагола. Эти формы указывают на отношения между подлежащим и сказуемым. Ко второй в индоевропейских языках относятся формы склонения в системе имени существительного и прилагательного. Эти формы указывают на отношения данного предмета мысли к другим предметам.

В зависимости от наличия у полных слов форм словоизменения и форм словообразования Ф.Ф.Фортунатов различает грамматические и неграмматические классы слов. Под грамматическими он понимал разряды слов, которые либо имеют одну общую форму, либо соотносительны между собой по значению. Грамматическим классам слов противопоставляются неграмматические, основывающиеся на классах значений слов.

Грамматические классы Фортунатов разделил на две группы:

1. Слова с формами словоизменения:
 - слова спрягаемые (глаголы);
 - слова, склоняемые без необходимости согласования в роде (существительные и слова, называемые числа);
 - слова, склоняемые с согласованием в роде (прилагательные; причастия; притяжательные, указательные, определительные местоимения; слова, называющие порядок предметов при счете).

2. Слова без форм словоизменения:

- инфинитив;
- деепричастия;
- наречия.

Существительные Фортунатов подразделял на:

- личные (т. е. местоимения 1-го и 2-го лица);
- неличные, где различаются существительные имена (т. е. слова – названия);
- существительные-местоимения неличные (типа *кто, что*).

Следует отметить, что указанные грамматические классы выделены, как замечает Ф.Ф.Фортунатов, применительно к общеевропейскому языку, но могут быть выделены и в других языках.

В связи с учением о форме слова он освещает вопрос о морфологической классификации. Такая классификация, по его определению, основана на сходствах и различиях, существующих между языками и обнаруживаемых при образовании простых, т. е. несоставных, форм слова. По мнению Ф.Ф.Фортунатова, языки мира разделяются на пять основных типов.

1. Агглютивные языки.

Основа и аффикс остаются по своему значению отдельными, как бы склеенными частями слов. К данному типу относятся, например, урало – алтайские языки.

2. Флективно-агглютативные языки.

Основы слов сами имеют формы за счет внутренней флексии, а отношения между основой и аффиксом такое же, как у агглютативных языков. К этой группе относятся семитские языки.

3. Флективные языки.

Представляют флексию основ в сочетании основ с аффиксами. Например, индоевропейские языки.

4. Корневые языки.

Слова соответствуют корням слов в других языках, а форм слов, образуемых аффиксами, нет. К данной группе принадлежат такие языки как китайский, сиамский и др.

5. Полисинтетические языки.

По образованию форм отдельных слов относятся к языкам агглютативным, но выделяются в особый класс, потому что обладают дополнительно формами, образующими слова – предложения. Сюда относятся языки американских индейцев.

Синтаксис, вторая часть грамматики, вырастает у Ф.Ф.Фортунатова из морфологии. Если основной единицей морфологии он считал слово в его отношении к грамматической форме, то основной единицей синтаксиса он считал словосочетание также в его отношении к грамматической форме. Понятие грамматической формы словосочетания предполагает выражение формами языка отношения некоего предмета мысли к другому предмету мысли. Ф.Ф.Фортунатов рассматривает так называемые грамматические словосочетания. Словосочетание оказывается у Фортунатова основным объектом синтаксиса.

Учение о словосочетании и предложении у Ф.Ф.Фортунатова тесно связано с понятием психологического суждения и исходит из него. Под словосочетанием Ф.Ф.Фортунатов понимает то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом и является выражением целого психологического суждения или его части.

Грамматическое учение Ф.Ф.Фортунатова, в котором наиболее ярко проявилось его стремление выявить формальные, собственно языковые критерии лингвистического анализа, его склонность к четкой систематизации языкового материала, к широким обобщениям и абстрагированию, оказало значительное влияние на развитие русской

грамматической мысли, на грамматические исследования ученых Пражского лингвистического кружка.

Ученики и последователи Ф.Ф.Фортунатова продолжали разработку его идей, в частности учения о словосочетании, иногда значительно отходя от его положений, иногда лишь несколько их видоизменяя и делая попытку увязать данные положения с предыдущей и последующей русской грамматической традицией.

Огромное влияние идей Фортунатова о словосочетании как главном предмете синтаксиса находит свое отражение в работе А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении», где центральными понятиями выступают форма слова и форма словосочетания.

Идеи Фортунатова получают своеобразное преломление в трудах А. А. Шахматова. Его труд «Синтаксис русского языка» является частью задуманного автором всеобъемлющего синтаксического исследования русского языка. Основные проблемы, разработанные в данной работе, сводятся: к изучению о односоставных и двусоставных предложениях, а также к изучению о словосочетании. В отличие от Ф.Ф.Фортунатова, определявшего предмет синтаксиса как учение о словосочетании, А. А. Шахматов предметом синтаксиса считает предложение. Учение о словосочетании оказывается у лингвиста подчиненным учению о предложении. Словосочетание выступает как незаконченная часть предложения.

Круг интересов языковедов, входивших в Московскую школу, был весьма широк. Последователи Ф.Ф.Фортунатова стремились развивать его идеи в области синтаксиса и морфологии, уделяли большое влияние освещению процесса становления литературного языка, проблемам семасиологии и даже литературоведения.

Казанская лингвистическая школа

Казанская лингвистическая школа – одна из знаменитых школ русского и мирового языкознания. Она сформировалась в 70-е годы XIX столетия в Казанском университете. Ее основоположником является И.А.Бодуэн де Куртенэ. Под Казанской лингвистической школой (КЛШ) понимается научное направление, возникшее в 70-80-х годах XIX века в Казани и характеризующееся наличием определенных теоретических принципов, общей проблематикой и научной программой исследований.

К основным принципам Казанской школы относятся следующие: строгое различие звука и буквы; разграничение фонетической и морфологической членимости слова; недопущение смешивания процессов, происходящих в языке на данном этапе его существования, и процессов, совершающихся на протяжении длительного времени; первоочередное внимание к живому языку и его диалектам, а не к древним памятникам письменности; отстаивание полного равноправия всех языков как объектов научного исследования; стремление к обобщениям (особенно у И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского); психологизм с отдельными элементами социологизма.

И.А. Бодуэн Де Куртенэ - крупнейший русский и польский языковед, основоположник КЛШ.

Он совершил переворот в науке о языке: до него в лингвистике господствовало историческое направление, а языки исследовались исключительно по письменным памятникам. И.А.Бодуэн де Куртенэ доказывает, что сущность языка - в речевой деятельности, и призывает к изучению живых языков и диалектов. Только таким путём можно понять языковый механизм и проверить правильность лингвистических описаний. Важность этого нового подхода к изучению языка можно сравнить с ролью, которую в естественных науках играет принцип эксперимента: без экспериментальной проверки теория мертва.

Работая в Казани в 1874-1883 годах, учёный основал Казанскую лингвистическую школу, в рамках которой расцвёл талант выдающегося учёного Богородицкого, под его непосредственным влиянием проходило становление замечательных русских лингвистов XX века Щербы и Поливанова. Позднее он основал и Петербургскую школу языковедов.

Ученики И.А.Бодуэн де Куртенэ принимали активное участие в разработке новых алфавитов для языков народов бывшего СССР.

Сам И.А.Бодуэн де Куртенэ в течение многих лет изучал разные индоевропейские языки, которыми владел настолько, что писал свои работы не только на русском и польском, но и на немецком, французском, чешском, итальянском, литовском и других языках. Он проводил по нескольку месяцев в экспедициях, изучая славянские языки и наречия, и при этом тщательно записывает все фонетические их особенности. В то время подобная методика изучения языка многим казалась странной: ведь лингвистика была наукой кабинетной, книжной. Его открытия в области сопоставительного (типологического) анализа славянских языков предвосхитили появление идей, которые позднее нашли своё отражение в работах выдающегося типолога-слависта Якобсона. Из фонетических работ И.А.Бодуэн де Куртенэ выросла его теория фонем и фонетических чередований, которая до сих пор сохраняет свою научную ценность. Теория изложена в его "Опыте фонетических чередований" (1895). Логическим развитием теории фонем явилась созданная И.А.Бодуэн де Куртенэ теория письма. В ней были заложены многие основные идеи и понятия, фигурирующие в современных работах. Таким образом, учёный выступил основоположником фонологии и предшественником теории Трубецкого.

Принципы изучения фонетики и грамматики для И.А.Бодуэн де Куртенэ определял психологический подход к языку. Новый этап в развитии фонетики начался с рождением экспериментальной фонетики. Впервые появилась возможность с помощью приборов изучать

акустические свойства голосового аппарата человека. В связи с этим И.А.Бодуэн де Куртенэ разграничил две разные дисциплины, изучающие звуки речи. Одна из них - это акустико-физиологическая фонетика, исследующая объективные свойства звуков с помощью приборов. Другой он дал название "психофонетика", однако позже для неё установился термин фонология.

И.А.Бодуэн де Куртенэ первым начал применять в лингвистике математические модели. Доказал, что на развитие языков можно воздействовать, а не только пассивно фиксировать все происходящие в них изменения. На основе его работ возникло новое направление - экспериментальная фонетика. В XX веке в этой области учёные добились выдающихся результатов.

Лингвистику И.А.Бодуэн де Куртенэ рассматривал как психологическую и социальную науку, занимая позиции психологизма, считал единственной реальностью язык индивидуума, однако в то же время стремился к объективному подходу к языку, одним из первых поставил вопрос о точных методах в лингвистике, предлагал выделять слова на основе строгих процедур. Впервые в мировой науке разделил фонетику на две дисциплины: антропофонику, изучающую акустику и физиологию звуков, и психофонетику, изучающую представления о звуках в человеческой психике, т.е. фонемы; впоследствии эти дисциплины стали называть соответственно фонетикой и фонологией, хотя некоторые из непосредственных учеников И.А.Бодуэн де Куртенэ пытались сохранить его терминологию. Ввёл в науку о языке термины "фонема" и "морфема" в их современном понимании, объединив в общем понятии морфемы как минимальной значимой единицы языка понятия корня и аффикса. Одним из первых отказался считать лингвистику только исторической наукой и изучал современные языки. Исследовал вопрос о причинах языковых изменений, занимался социолингвистикой. Полемизировал с логическим

подходом к языку, младограмматической концепцией звуковых законов, использованием в науке о языке метафоры "организма".

И.А.Бодуэн де Куртенэ впервые выделил главную единицу фонологии - фонему. Этот термин существовал и раньше, но он придал ему новый смысл: фонема в отличие от звуков существует вполне объективно, одинаковым образом для всех. Как мельчайшая единица языка, она принадлежит сознанию человека, а не потоку звуковой речи. В фонему объединяются звуки, которые для носителя языка не различаются между собой. И.А.Бодуэн де Куртенэ при выделении фонемы прямо опирался на "языковое чутьё" носителей языка. Безусловно, психологическое восприятие фонемы отражается в буквенных письменностях.

Другой единицей языка, впервые выделенной И.А. Бодуэном де Куртене, была морфема (от греческого слова "форма"). Понятие морфемы И.А.Бодуэн де Куртенэ также связывал с человеческой психикой. Понятие морфемы, как и фонемы прочно вошло в мировую науку о языке. Одним из первых в мировой науке Бодуэн Де Куртене поставил вопрос о том, что такое слово, оказывается, что слово можно определять по-разному, а различные его свойства требуют выделения разных единиц, которые могут не совпадать друг с другом и с тем, что обычно называют словом.

Все перечисленные проблемы И.А. Бодуэн Де Куртене рассматривал на материале современных языков, не обращаясь к языковой истории. И.А.Бодуэна де Куртене интересовало не только, как конкретно изменялся тот или иной звук в каком-либо языке, но и поиск закономерностей языковых изменений. Он старался выявить причины таких изменений.

И.А.Бодуэн де Куртенэ коренным образом переработал и подготовил третью и четвёртую редакции словаря Даля, сделав его более упорядоченным, уточнив этимологии, исправив разделение на гнёзда (у Даля часто произвольное), а также пополнив его новыми словами, в том числе внеся отсутствовавшую у Даля вульгарно-бранную лексику. За свои

дополнения был подвергнут жёсткой критике, в советское время "Бодуэновский словарь Даля" не переиздавался. Переиздания советского времени опираются на оригинальный текст второго издания словаря Даля, версия И.А.Бодуэн де Куртенэ обычно считается самостоятельным словарём. При активном участии И.А.Бодуэн де Куртенэ была подготовлена реформа русской орфографии, осуществлённая в 1917-1918 году.

Первым из профессиональных лингвистов он обратил серьёзное внимание на создававшиеся в то время искусственные международные языки, неоднократно выступал сторонником эсперанто.

То, что в своих исторических исследованиях И.А. Бодуэн Де Куртене всегда стремился выявить общее направление развития языков, позволило ему понять одну из важнейших закономерностей в истории русского языка. Изучив памятники письменности, И.А.Бодуэн де Куртене обнаружил, что многие внешне различные фонологические изменения отражают одну и ту же тенденцию. Роль гласных в различении слов неуклонно ослаблялась, а роль согласных, напротив, усиливалась. И.А.Бодуэн де Куртенэ считал, что лингвистика должна уметь не только объяснять факты прошлого, но и предсказывать развитие языков в будущем. Ученый был прав: и в 20 столетии русская фонология развивается именно в указанном направлении. Прав был И.А.Бодуэн де Куртенэ и в том, что современное языкознание обращает наибольшее внимание на "живые языки, доступные для наблюдения"; возросло значение эксперимента; языкознание всё более сближается с психологией и социологией, психолингвистика и социолингвистика сложились как особые дисциплины. Наконец, как и предсказывал И.А.Бодуэн де Куртенэ , лингвистика превратилась в более точную науку, в которой теперь всё чаще применяется количественное, математическое мышление.

И.А.Бодуэн де Куртенэ называл себя "автодидактом" и не считал себя ничьим учеником. В России он по праву считается отечественным

языковедом. Иван Александрович был выдающимся лингвистом своего времени. Он прожил долгую и в целом счастливую жизнь, хотя были в ней и вынужденная разлука с родным краем, и даже тюремное заключение. Научная деятельность И.А.Бодуэна де Куртене была многообразной, она была насыщена поисками и творчеством.

И.А.Бодуэн де Куртене внёс неоценимый вклад в науку о языке, он разрабатывал разные методы и теории развития языка, способствовал разделению его на особые системы. Он обогнал своё время, и многие высказанные им идеи начали углублённо разрабатываться в лингвистике лишь десятилетия спустя.

Николай Вячеславович Крушевский - доктор сравнительного языкознания, профессор Казанского университета, род. 6 декабря 1851 г., ум. 31 октября 1887 г. Первоначальное образование Н.В.Крушевский получил в Луцком уездном дворянском училище (шляхетской трехклассной школе), оттуда он перешел в гимназию города Хелм Люблинской губернии, которую окончил в 1871 г. с серебряной медалью.

В 1875 г. Н.В.Крушевский оканчивает Варшавский университет со степенью кандидата. Назначенный по высочайшему повелению преподавателем древних языков в Троицкую классическую гимназию Оренбургской губернии, Н.В.Крушевский по пути на место назначения заехал в Казань узнать, не может ли он получить профессорскую стипендию в здешнем университете, а заодно встретиться с И.А.Бодуэном де Куртене и поговорить с ним о своей будущей научной работе. Место профессорского стипендиата Н.В.Крушевский не получил, но И.А.Бодуэн де Куртене дал ему ценные советы о дальнейших его занятиях языковедческой наукой.

Три года он работал в гимназии, одновременно активно готовился к будущей научной карьере: изучал труды выдающихся языковедов, на материале гимнов Риг-Веды занимался санскритом, изучал древнеперсидский, древнебактрийский, древнегреческий и литовский

языки, основательно проштудировал программу по сравнительной грамматике индоевропейских языков И.А.Бодуэна де Куртенэ, положенную в основу его лекционного курса в Казанском университете.

8 октября 1878 г. И.А.Бодуэн де Куртенэ направляет в историко-филологический факультет Казанского университета ходатайство о принятии Н.В.Крушевского сверхштатным профессорским стипендиатом без содержания. Здесь он активно занимается наукой: слушает университетские лекции Бодуэна де Куртенэ по русской грамматике, общему языковедению, сравнительной грамматике и санскриту; принимает активное участие в практических занятиях по начальному курсу санскрита, проводимого в университете И.А.Бодуэном де Куртенэ, в упражнениях по старославянскому языку и славянской диалектологии. Восполняя пробелы в лингвистическом образовании, он занимается изучением серьезных лингвистических работ европейских и российских ученых.

Специально для Н.В.Крушевского И.А.Бодуэн де Куртенэ устраивает у себя на дому "тройные" практические занятия. Заседания одного из них были целиком посвящены славянской диалектологии, другого - санскриту и литовскому языку, на третьем проходил разбор важнейших лингвистических трудов. Эти занятия вскоре стали посещать студенты и молодые преподаватели университета. Так возник лингвистический кружок Бодуэна де Куртенэ, который постепенно становился новой школой для участников его заседаний.

9 апреля 1879 г. Н.В.Крушевский обращается к ректору Казанского университета с просьбой о разрешении защиты диссертации *pro venia legendi*, позволяющей получить ему звание приват-доцента. В мае этого же года он защищает диссертацию "Наблюдения над некоторыми фонетическими явлениями, связанными с акцентуацией" и получает звание приват-доцента по кафедре сравнительного языковедения. Бодуэн де Куртенэ высоко отозвался о диссертации Н.В.Крушевского.

Сразу же после утверждения в звании приват-доцента Н.В.Крушевский начинает подготовку к получению степени магистра. В апреле 1880 г. он сдает магистерский экзамен, включающий в себя задания по санскриту и сравнительной грамматике ариоевропейских языков.

17 мая 1881 г. Н.В.Крушевский защищает магистерскую диссертацию "К вопросу о гуне. Исследования в области старославянского вокализма".

Уже через три дня после успешной защиты Н.Крушевским магистерской диссертации, 20 мая 1881 г., Бодуэн де Куртенэ обращается в историко-филологический факультет с прошением об избрании его ученика доцентом кафедры сравнительного языковедения. Основанием для этого избрания, по мнению Бодуэна, является и успешная защита диссертации, внесшей вклад в развитие науки, и опубликованные за время приготовления диссертации работы ученого, и удачный опыт преподавательской работы в звании приват-доцента.

9 мая 1883 г. Н.В.Крушевский защищает докторскую диссертацию "Очерк науки о языке". Это основной научный труд Н.В.Крушевского, поставивший его в ряды ученых европейского уровня. 20 мая Н.В.Крушевского утверждают в степени доктора наук, а 31 мая того же года - в звании экстраординарного профессора. Через два года, 3 октября 1885 г., он получит звание ординарного профессора.

Как профессор университета Н.В.Крушевский читал лекции и вел семинары по многим языковедческим дисциплинам: сравнительному языковедению, санскриту, физиологии звуков речи, русской грамматике, сравнительной грамматике романских языков, истории французского языка, общему языковедению, лингвистической палеонтологии.

Научное наследие Н.В.Крушевского невелико по объему, но оно насыщено идеями, которые разрабатывал ученый. В круг его научных интересов входили следующие проблемы: языковая система и теория языкового знака, взаимоотношение языка и речи, основные закономерности

в изменениях языка, славянская акцентология, иерархия морфологической системы и ее изменения, теория дистрибутивных отношений фонем, основы морфонологии и лингвистической палеонтологии и др. Н.В.Крушевский явился одним из авторов словообразовательной концепции, разработанной в Казанском университете Бодуэном де Куртенэ и его учениками и ставшей первой теоретической концепцией словообразования в российской и мировой науке.

На Западе Казанскую лингвистическую школу часто называют школой Бодуэна - Крушевского: настолько велика была роль Н.В.Крушевского в создании и развитии этой школы, настолько его научные идеи отражали наиболее значительные ее достижения. Эти идеи находят все большее число сторонников в наше время. Его научные труды переиздаются в разных странах мира.

В статье "Об аналогии и народной этимологии" Н.В.Крушевский развивает мысль о роли морфологической ассимиляции (аналогии) в систематизации морфологических элементов и отмечает, что этот фактор развития языка находится в антагонизме с фонетическими законами. По мнению Н.В.Крушевского, исторический процесс систематизации языковых элементов протекает в двух направлениях - в физиолого-акустическом и семасиологическом (психическом). Оба эти процесса систематизации протекают автономно, но нередко препятствуют друг другу.

Позднее, в 1881 году, Н.В.Крушевский, основываясь на положении о взаимосвязи между фонетическими и морфологическими элементами структуры языка, дал блестящий анализ звуковых чередований. В основу своей теории он положил мысль о взаимосвязи между различными категориями чередований в историческом плане, а различие между ними усматривает в большей или меньшей закреплённости за определенными морфологическими категориями. Он показывает, каким образом возникшее на фонетической основе чередование со временем становится достоянием

морфологии в качестве вспомогательного средства выражения грамматических значений или средством словообразования. Одновременно с этим Крушевский развивает мысль о взаимосвязи и противопоставленности фонетических законов и аналогии и их влиянии на динамические процессы системы языка. Идея о языке как динамической системе наиболее полно и последовательно реализуется Н.В.Крушевским в «Очерке науки о языке» (1883 г.).

Говоря о понимании Н.В.Крушевским языка как динамически развивающейся системы, следует иметь в виду то важное обстоятельство, что центр научных интересов Крушевского лежал в области фонетики и морфологии (включающей словообразование и морфемистику), вопросы же синтаксиса находились вне сферы его интересов. Поэтому, хотя Крушевский и выделял в качестве основных единиц языка предложение, слово, морфему и звук (фонему), реально вопросы динамической систематизации он решает преимущественно на фонетическом, морфологическом и лексическом материале. Так, проводя мысль, что язык представляет собой стройное гармоническое целое, структурные элементы которого находятся во взаимной зависимости, он ссылается на морфологическое родство между определенными группами слов.

Прогресс в языке Н.В.Крушевский связывал с познанием человеком окружающего его мира и появлением в связи с этим новых представлений и понятий, требующих языкового выражения. Наиболее развитыми ученый признает те языки, которые обладают развитым словарем, изменения же в области фонетики и морфологии рассматривает как прогресс относительный, как переинтеграцию наличного языкового материала.

Исследование закономерностей развития языка Н.В.Крушевский стремился связать с исследованием живых языков и наречий, подвергая критике то лингвистическое направление, которое видело цель языкознания исключительно в восстановлении праязыка. «Понятно, - пишет он, - что

если мы стремимся восстановить прошлое, то для нас важнее и интереснее всего то, что ближе к этому прошлому; все новое, как более отдаленное, мы можем игнорировать. Но когда наша задача не восстановление явлений прошлого, а вообще - раскрытие законов явлений, то всё новое, совершающееся на наших глазах, приобретает для нас особенную важность». Из сказанного, конечно, не следует, что Н.В.Крушевский отрицал значение исторических исследований для познания законов развития языка. Исследования Н.В.Крушевского в области санскрита, старославянского и романских языков, а также курс лекций по фонетике древнейших представителей индоевропейских языков свидетельствуют о том, что он сочетал наблюдения над живыми языками с изучением их древнейшего состояния. Повышенное внимание Н.В.Крушевского к живым языкам и наречиям находится в полном соответствии с методологическими установками Казанской лингвистической школы.

Чрезвычайно важное значение для уяснения специфики взглядов Н.В.Крушевского на язык как динамически развивающуюся систему представляет собой его интерпретация характера развития системы языка и взаимоотношения между синхронией и диахронией.

Рассматривая язык как исторически изменчивую категорию, периоды развития которой находятся в преемственной связи, Н.В.Крушевский приходит в то же время к необходимости четкого разграничения всех языковых явлений в двух планах - в статическом и динамическом. Отсюда такие понятия, как статический и динамический законы звука, звукосочетания и звуковой системы, статика и динамика языка и др.

В своих исследованиях Н.В.Крушевский стремился выделить различные исторические наслоения в языке и установить соотносительную хронологию исследуемых процессов. В этом отношении он является не только выразителем идей Казанской лингвистической школы, но в известной мере и продолжателем традиций отечественного языкознания

более раннего периода. Так, ещё Ф.И.Буслаев отмечал, что русский язык представляет собой совокупность явлений разнообразного происхождения, и объяснял это "историческим образованием языка". И.А.Бодуэн де Куртенэ, анализируя лингвистические воззрения Крушевского, отмечал в числе положительных сторон его концепции четкое разграничение исследуемых процессов.

Исходя из тезиса о языке как символическом средстве передачи мыслей, Н.В.Крушевский приходит к выводу, что основным законом развития языка является стремление к соответствию мира слов миру понятий, мыслей и тем самым акцентирует внимание на когнитивной функции языка.

В то же время Н.В.Крушевский указывает на постоянную переинтеграцию структурных элементов системы языка как на источник обновления и пополнения языка новыми выразительными средствами. Процесс переинтеграции он усматривал в самых различных языковых явлениях. Так, он говорит о переинтеграции артикуляций и акустических качеств звуков, о переинтеграции звуковой системы, о переинтеграции грамматических категорий, морфологических единиц и т.д. И.А.Бодуэн де Куртенэ по этому поводу замечал, что понятие переинтеграции у Н.В.Крушевского слишком широко - оно равнозначно вообще изменениям в языке. Однако И.А.Бодуэн де Куртенэ при этом не учитывал, что своим положением о переинтеграции структурных элементов языка Н.В.Крушевский стремился подчеркнуть объективность языковых законов, независимость их от произвола отдельных носителей. В настоящее время мало кто сомневается в том, что развитие, совершенствование системы языка происходит главным образом за счет переосмысления старого материала и специализации его в новых функциях.

Кроме закона соответствия «мира слов миру понятий, мыслей», определяющего, по Н.В.Крушевскому, развитие языка в целом, он

указывает на частные закономерности и тенденции развития языка. Наиболее общим законом в фонетике он признает звуковой закон, в морфологии - закон трансформации корневых и служебных морфем. Заслуживают внимания подмеченные Крушевским тенденция к функциональной специализации единиц языка и тенденция к возникновению абстрактных языковых категорий на базе конкретных.

В полном соответствии с установками неограмматизма Н.В.Крушевский придавал большое значение психологическим процессам ассоциации. Процессами ассоциации он объяснял производство и воспроизводство в языке: первое - ассоциацией по сходству, второе - ассоциацией по смежности. Под производством он понимал образование новых форм или слов по аналогии с уже существующими формами и словами, обладающими более высоким иерархическим статусом, воспроизводством же называет процесс воспроизведения форм и слов «по памяти». Вместе с тем Крушевский признавал, что производство и воспроизводство - это две стороны одного и того же процесса самодвижения языка, что они находятся в неразрывной связи. При этом Н.В.Крушевский отмечает противоречивый, «антагонистический» характер этой связи.

В концепции развития системы языка заслуживает особого внимания та мысль Н.В.Крушевского, что процесс систематизации структурных элементов находится в тесной связи с процессом типизации и в конечном счёте со способностью человеческого мышления классифицировать и обобщать явления окружающей действительности.

Система языка, по мысли Н.В.Крушевского, распадается на ряд подсистем низшего порядка, элементы которых находятся в более тесной связи между собой, чем с единицами других порядков. К таким системным образованиям ученый относит склонение, спряжение, изменение прилагательных по степеням сравнения, словообразовательные системные

ряды, в фонетике - подсистемы вокализма, консонантизма и под., т.е., по существу, всю парадигматику языка. С точки зрения исторической «упорядоченности» Н.В.Крушевский делит такие подсистемы на три категории:

- неупорядоченные;
- находящиеся на пути к упорядочению;
- упорядоченные парадигматические группы.

Этот свой тезис он обосновывает значительным морфологическим и словообразовательным материалом.

Н.В.Крушевский следовал основным принципам естественнонаучного подхода к языку и сочетал этот подход с индивидуально-психологическим. Он верил в непреложность фонетических законов, призывая к изучению в первую очередь современных языков, дающих больше материала для открытия разнообразных законов.

Ему принадлежит разработка бодуэновской идеи о переинтеграции составных элементов слова в результате процессов переразложения и опрощения основы.

Словообразование он квалифицирует как стройную систему одинаково организованных типов слов, соотносящихся с типами обозначаемых ими понятий, Им различались два вида структурных отношений между языковыми единицами – ассоциации по сходству и ассоциации по смежности.

Н.В.Крушевский, основываясь на положении о взаимосвязи между фонетическими и морфологическими элементами структуры языка, дал блестящий анализ звуковых чередований различными категориями чередований в историческом плане, а различие между ними усматривает в большей или меньшей закреплённости за определенными морфологическими категориями. Он показывает, каким образом возникшее на фонетической основе чередование со временем становится достоянием

морфологии в качестве вспомогательного средства выражения грамматических значений или средством словообразования.

Одновременно с этим Н.В.Крушевский развивает мысль о взаимосвязи и противопоставленности фонетических законов и аналогии и их влиянии на динамические процессы системы языка. Идея о языке как динамической системе наиболее полно и последовательно реализуется Н.В.Крушевским в «Очерке науки о языке» (1883 г.).

Вопросы динамической систематизации он решает преимущественно на фонетическом, морфологическом и лексическом материале. Так, проводя мысль, что язык представляет собой стройное гармоническое целое, структурные элементы которого находятся во взаимной зависимости, он ссылается на морфологическое родство между определенными группами слов. Исследование закономерностей развития языка Н.В.Крушевский стремился связать с исследованием живых языков и наречий.

Важное значение для выяснения специфики взглядов Н.В.Крушевского на язык как динамически развивающуюся систему представляет собой его интерпретация характера развития системы языка и взаимоотношения между синхронией и диахронией. Рассматривая язык как исторически изменчивую категорию, периоды развития которой находятся в преемственной связи, Н.В.Крушевский приходит в то же время к необходимости четкого разграничения всех языковых явлений в двух планах - в статическом и динамическом. Отсюда такие понятия, как статический и динамический законы звука, звукосочетания и звуковой системы, статика и динамика языка и др.

В своих исследованиях Н.В.Крушевский стремился выделить различные исторические наслоения в языке и установить соотносительную хронологию исследуемых процессов. Исходя из тезиса о языке как символическом средстве передачи мыслей, Н.В.Крушевский приходит в выводу, что основным законом развития языка является стремление к

соответствию мира слов миру понятий, мыслей и тем самым акцентирует внимание на когнитивной функции языка. В то же время Крушевский указывает на постоянную переинтеграцию структурных элементов системы языка как на источник обновления и пополнения языка новыми выразительными средствами.

Кроме закона соответствия «мира слов миру понятий, мыслей», определяющего, по Н.В.Крушевскому, развитие языка в целом, он указывает на частные закономерности и тенденции развития языка. Наиболее общим законом в фонетике он признает звуковой закон, в морфологии - закон трансформации корневых и служебных морфем. Заслуживают внимания подмеченные Н.В.Крушевским тенденция к функциональной специализации единиц языка и тенденция к возникновению абстрактных языковых категорий на базе конкретных.

Н.В.Крушевский придавал большое значение психологическим процессам ассоциации. Процессами ассоциации он объяснял производство и воспроизводство в языке: первое - ассоциацией по сходству, второе - ассоциацией по смежности. Процесс развития языка с известной точки зрения представляется нам как вечный антагонизм между прогрессивной силой, обусловливаемой ассоциацией по сходству, и консервативной, обусловливаемой ассоциацией по смежности».

Таким образом, короткая, но плодотворная научная деятельность Николая Вячеславовича Крушевского принесла ему мировую известность. Ему была присуща устремлённость прежде всего к глубоким теоретическим обобщениям, к открытию законов развития языка. Основным законом языка он усматривал в «соответствии мира слов миру мыслей».

Василий Алексеевич Богородицкий (1857 – 1941) окончил в Казани гимназию с золотой медалью (при этом он, после смерти родителей, с 13 лет занимался репетиторством), откуда вынес знания древних языков

(латыни, греческого, церковнославянского), а также французского и немецкого; затем учился в Казанском университете, где слушал лекции Бодуэна де Куртенэ и участвовал в его семинарах, на которых, помимо анализа санскритских и славянских текстов, рассматривались и новейшие труды европейских ученых. Еще будучи студентом, В.А. Богородицкий занимался исследованиями по русской фонетике и русской диалектологии и к окончанию университета представил опубликованную в 1880 г. работу «Гласные без ударения в русском языке», получившую высокую оценку. По окончании университета В.А.Богородицкий был оставлен при кафедре сравнительного языкознания для подготовки к профессорскому званию. Он занимался исследованием русского произношения, читал курсы по фонетике и грамматике русского языка, по сравнительной грамматике индоевропейских языков, санскриту. В 1884 г. он защитил магистерскую диссертацию, а в 1887 г. – докторскую; в 1916 г. он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. В 20-ые годы В.А.Богородицкий работал в Казанском педагогическом институте.

На протяжении всей своей научной деятельности В.А.Богородицкий (в отличие от Н.В.Крушевского) интересовался не столько общетеоретическими проблемами, сколько объективными фонетическими свойствами звучащей речи. В.А.Богородицкий занимался в основном исследованием живого русского произношения всеми доступными в то время слуховыми и инструментальными методами в организованной им в Казани лаборатории экспериментальной фонетики. В течение многих лет он публиковал «Заметки по экспериментальной фонетике», с подробным изложением результатов своих опытов.

В 1884 г. В.А. Богородицкий представил в качестве магистерской диссертации работу «Гласные без ударения в общерусском языке», первое обстоятельное специальное исследование безударных гласных не только в России, но и в мире. Автор, изложив основные сведения о строении

произносительного аппарата и об артикуляторной классификации звуков речи, рассуждает об артикуляторной разнице между гласными и согласными. Два гласных, представляющие собой аллофоны фонемы /e/, включены в общий перечень звуков русского языка (всего 44 звука), тогда как остальные гласные и все согласные соотносятся с отдельными фонемами. В дальнейшем В.А.Богородицкий добавил в список русских гласных один из аллофонов /a/. Безударные гласные описаны на основании слухового анализа большого количества примеров; В.А.Богородицкий определяет факторы, влияющие на их качество: мягкость и твердость соседних согласных, положение звука по отношению к ударению, при этом различаются две предударные и две заударные позиции. Кроме того, автор соотносит позиции безударных гласных с морфологической структурой слова, т.е. вводит в свое описание элементы морфонологического анализа задолго до возникновения этого направления в лингвистике и демонстрирует это в таблице, в 1884 г. еще без примеров, а позднее – с примерами.

В.А.Богородицкий обращает внимание на сильную редукцию безударных гласных. По наблюдениям ученого, гласные могут исчезать в соседстве с сонантами. Одновременно автор отмечает зарождение гласного в сочетаниях согласных (то, что позднее назвали «гласной вставкой»).

Наконец, В.А.Богородицкий выяснял мелодические характеристики отдельных слов в изолированном произнесении и мелодику фразы, пользуясь нотной записью. Эти наблюдения представляют интерес как первая попытка объективной характеристики русской интонации.

В 1887 г. вышла книга В.А.Богородицкого «Курс грамматики русского языка. Часть 1-ая. Фонетика», представленная в качестве докторской диссертации. В ней автор развивает и уточняет свои взгляды на проблемы общей фонетики и звукового строя русского языка он различает физиологию звуков речи и фонетику, но формулирует это различие по-

своему. Однако в самом тексте книги заявленное разграничение достаточно отчетливо не обнаруживается. В разделе, посвященном физиологии звуков речи, на материале русского языка рассматриваются общие принципы артикуляторного описания и классификации звуков с краткими пояснениями относительно артикуляции каждого звука. В разделе «Фонетика» есть сведения об изменении качества гласного в одной и той же морфеме в разных фонетических условиях

Связь с морфологическими отношениями яснее обозначена в главе о безударных гласных, которая содержит обобщения на основании результатов исследований, описанных в 1884 г. В.А.Богородицкий обращается и к историческим объяснениям в связи с описанием беглых гласных о, е и с появлением о вместо е в ударном слоге (мёл, нёс и т.п.).

В своей книге В.А.Богородицкий подробно рассматривает вопросы русской письменности, анализируя функции русских букв е, ё, ю, я, роль которых в сочетаниях согласный + гласный. В.А.Богородицкий обращает внимание на слоговой характер русского письма в том смысле, что твердость или мягкость начальнослогового согласного обозначается буквой для следующего гласного.

Взгляды В.А.Богородицкого на проблемы общей фонетики и результаты его исследований русского произношения отражены в завершённом виде в 4-м издании «Общего курса русской грамматики» 1913 года. Ученый повторяет мысль о необходимости различать физиологию звуков речи и фонетику с дополнительным пояснением. Он вводит раздел «Звуковая система языка», подчеркивает необходимость изучать живое произношение русских говоров, рекомендует обращать внимание на изменение звучания иностранных слов по системе родного языка и возможность «выговора на иностранный лад», если этот выговор известен, он отмечает, что есть не только артикуляторные привычки, но и «привычка к слышимым звукам».

Согласно заявленному пониманию предмета фонетики в соответствующем разделе рассматриваются в основном чередования звуков речи, указаны два вида чередований. Один представлен чередованиями, обусловленными физиологически, т.е. фактически зависящие от фонетических условий. Другой вид включает чередования, не имеющие непосредственной фонетической причины, но связанные с морфологическими отношениями.

Как и в предыдущих работах, подробно описывается качество русских безударных гласных и закономерности их качественной редукции в зависимости от позиции по отношению к ударению.

Уделяя много внимания живым чередованиям гласных, В.А.Богородицкий (как и его предшественники) включает в синхронное описание рассмотрение фактов, относящихся к истории языка: анализируются с точки зрения их возникновения замена е на о в ударном слоге (ель – ёлка), беглые гласные (сон – сна, день – дня), русское полногласие (голова – глава, берег – брег).

Еще теснее переплетаются рассуждения В.А.Богородицкого, связанные с историей русского языка, и анализ современных живых фонетических закономерностей в главе, посвященной согласным. При описании сочетаний согласных с гласными речь идет почти об одних только исторических изменениях – палатализациях согласных, приведших к заменам к, г, х на ч, ж, щ или на ц, з, с и т.д.; когда же рассматриваются сочетания согласных друг с другом, то указываются характерные для существующего произношения факты ассимиляции по голосу (бабка, лавка), замена свистящего на шипящий (с шапкой), глухие вместо звонких в абсолютном исходе (дуб, сад), отмечены ассимиляции, характерные для говоров (ладно – ланно).

В 1909 г. В.А.Богородицкий снял палатограммы всех русских гласных и согласных и описал их. Он обратил внимание на то, что, вопреки

общераспространенному традиционному взгляду, уклад языка при [а] не является индифферентным и сделал важный вывод о сущности артикуляторных различий между гласными и согласными.

Занимался В.А.Богородицкий и акустическими исследованиями; он приводит характерные тоны (т.е. форманты) гласных, используя, как это обычно делалось в то время, нотные обозначения, и сравнивает свои данные с полученными ранее А.И. Томсоном.

Специальная глава в «Грамматике» посвящена принципам русского правописания. В.А.Богородицкий систематизирует их и называет шесть типов написаний. Первые – фонетические; в связи с этим принципом автор рассматривает и обозначения твердых и мягких согласных перед гласными. Вторые – этимологические, в современной терминологии – написания по словопроизводственному принципу); в качестве примеров приводятся написания конечных согласных и безударных гласных. Историческими названы написания слогов ши, жи. Как особый тип указаны церковнославянские формы, не соответствующие, по мнению В.А.Богородицкого, произношению: житіе, Марія вместо житье, Марья. В наши дни эти разные начертания соответствуют и различиям в произношении. Пятый, особый тип составляют написания заимствованных слов, в которых отражается графическая форма языка-источника: принцип, цифра. В настоящее время такие написания характеризуются как исторические. Последним назван принцип дифференциации – разные написания для различения одинаковых по звучанию слов, например, *что* – союз и *что* – местоимение.

У В.А.Богородицкого есть и некоторые сведения об интонации русского языка. Он предложил – очень общие – описания мелодики повествования, вопроса и восклицания, не содержащие новых сведений, но при этом дал интонационную транскрипцию (в нотных обозначениях, как это делалось в то время) стихотворения в прозе Тургенева «Русский язык».

Основная ценность трудов Богородицкого конца XIX в. – начала XX в. состоит в тщательном, разностороннем описании звуковой стороны русского языка и анализе проблем общей фонетики, при опоре не только на слуховые впечатления автора, но и в ряде случаев на инструментальный анализ. Все последующие описания русского звукового строя создавались с учетом сведений, содержащихся в трудах Богородицкого. Позднее в своей монографии «Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных» он опубликовал результаты инструментального анализа артикуляций у нескольких носителей русского языка, что представляет интерес и сегодня, потому что позволяет в известной мере судить об устойчивости или изменчивости русской артикуляции. Отсутствие фонологического подхода не уменьшает значения сделанных В.А. Богородицким собственно фонетических наблюдений, а некоторые его замечания получили в дальнейшем развитие и подтверждение.

Сопоставительные изыскания В.А.Богородицкого в виде метода изучения русского языка татарами, в виде научного сопоставления грамматики русского и татарского языков, в виде определения русских заимствований в татарском языке и т.д., - все они и сейчас обладают неувядаемой ценностью, хотя все-таки уже принадлежат истории, поскольку сопоставительная наука ушла далеко вперед. Наблюдения В.А.Богородицкого в современной науке получили дальнейшее развитие в виде исследования интерференции на всех языковых уровнях, а далее - в объеме дифференциации, недифференциации и реинтерпретации. В настоящее время от сопоставительного языкознания отпочковалась новая наука - контрастивная лингвистика с ориентацией на изучение явлений дивергенции и конвергенции, типологических уникалий на фоне универсалий. В Казанской татарской учительской школе Богородицкий работал до 1884 г. Однако тюркологические изыскания он продолжал и во все последующие годы своей жизни. В 1903 г. появилась статья

В.А.Богородицкого «О крымско-татарском наречии», в которой автор проанализировал консонантизм и вокализм крымско-татарского наречия, отмечая характерную черту последнего — гармонию гласных. Ученый постоянно проводил сопоставление морфологических и синтаксических категорий крымско-татарского наречия с соответствующими категориями в индоевропейских языках и отмечал как общее в них, так специфическое. Последняя часть этой работы была посвящена лексическим заимствованиям в крымско-татарском наречии, среди которых В.А.Богородицкий выделяет три основные группы: 1) арабские заимствования (мектеп — школа, ахыл — ум, сабах — утро и др.); 2) персидские заимствования (эрвахът — всегда и др.) 3) заимствования из русского языка (халач — калач, ацгурье-огурец, капуста,— капуста и др.)

В.А.Богородицкий начинает развлекать экспериментально-фонетическую работу по тюркологии. Его кабинет экспериментальной фонетики привлекает к себе внимание широкого круга людей. С этой экспериментальной работой, проведенной им в 1913 г., В.А.Богородицкий ознакомил читателей в 1923 г. когда из печати под его редакцией вышла книга тогда уже покойной М.И.Берг «8 татарско-башкирских песен».

Наиболее плодотворно тюркологическая деятельность проф. В.А.Богородицкого развернулась после Великой Октябрьской социалистической революции.

В январе 1919 г. в Казани состоялась Всетатарская орфографическая научная конференция, на которой с докладом выступил и В.А.Богородицкий. Значение его доклада «Характеристика звукового состава в Казанском говоре поволжско-татарского языка в соотношении с звуковой системой общерусского языка» трудно переоценить. В 1922 г. выходит в свет книга В.А.Богородицкого «Введение в тюрко-татарское языкознание» (1-ая часть). Эта работа — результат многолетнего труда тюрколога Богородицкого. Исследование включает в себя несколько

разделов, которые публиковались ранее в виде отдельных работ, но в данном издании были дополнены тюркологическим материалом: I. Общие понятия о природе языка и языкознания, II. Краткий очерк физиологии звуков речи, III. Психофизиологические основы морфологии, IV. Семейства и типы языков, V. Ученические ошибки на уроке русской диктовки в татарской школе.

В 1923 г. в Казани было организовано Научное общество татароведения. Целью этого общества было объединение лиц, работающих в области всестороннего научного изучения татар и татарской культуры, а также научная разработка относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к задачам общества в общественной среде.

На публичных общих собраниях члены общества делали научные доклады и сообщения; общество имело свой орган печати — «Вестник научного общества татароведения». В мае 1927 г. Богородицкий был избран почетным членом Общества татароведения. В этом обществе В. А. Богородицкий сделал доклады: «Фонетики турецко-татарских наречий» (13 дек. 1925. г.), «Законы сингармонизма в тюркских языках» (17 февр. 1927 г.)

В 1930 г. была издана книга Богородицкого «Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных (со многими рисунками и экскурсами о татарской орфографии и произношении)». Особое внимание тюркологов привлекли два экскурса в этой книге: «Орфография яналифа в соотношении с орфографией западноевропейских народов» и «Экспериментально-графическое исследование двусложных и трехсложных слов в татарском языке».

В 1935 г. была издана последняя тюркологическая работа В. А. Богородицкого «О научных задачах татарского языкознания» — работа, посвященная XV-летию ТАСССР, в которой он определил задачи

методического и методологического характера лингвистики. Эта работа была высоко оценена востоковедами. В исследовании В.А.Богородицкий подчеркивал важность изучения в языке природных и заимствованных слов. Он выделил три следующие большие задачи, стоящие перед научным языкознанием по отношению к татарскому языку:

1) исследование татарского языка в сравнении с другими тюркскими языками, включая монгольский и чувашский, что приведет в результате к характеристике этих языков в их сходствах и различиях, указывающих место, занимаемое среди этих родственных языков татарским языком, а также прольет свет на историю этих языков — на их сближения и расхождения в связи с передвижениями говоривших на них;

2) составление научных словарей татарского языка (словаря литературного языка; диалектологического словаря; этимологического словаря; словаря иностранных слов; словаря реального с описанием и рисунками соответствующих предметов культуры в их видоизменениях; терминологического словаря);

3) необходимость сбора диалектологического материала по говорам районов и их селений, содержащего разговорные фразы, пословицы, фольклор, словарный материал.

В последующие годы и в настоящее время в области татарского языкознания достигнуты большие успехи и именно в выполнении тех задач, о которых писал В.А.Богородицкий. Широта и разносторонность лингвистической деятельности В.А.Богородицкого сочетались с присущим ему энциклопедизмом. Помимо языкознания, он живо интересуется другими науками и пишет ряд работ по психологии, литературе, математике, таких как: «Психология поэтического творчества» (1900), «Об изучении художественно-литературных произведений» (1899), «Основы арифметического счета» (1908) и др. Энциклопедические знания ученого позволили ему подготовить книгу «Введение в элементы наук» (для

народного образования и самообразования), оставшуюся незавершенной: 23 декабря 1941 г его не стало.

Глоссарий по теме 4

Акцентология – раздел языкознания, изучающий природу, особенности и функции ударения.

Акцентуация - 1) выделение посредством ударения отдельных элементов в слове или фразе; 2) система ударений в том или ином языке либо в группе родственных языков; 3) обозначение ударений в письменном тексте.

Аффикс – морфема, которая присоединяется к корню и служит для образования слов.

Внутренняя форма слова — семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка, способная возникать в представлении говорящих при анализе структуры этого слова, а также признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова.

Вокализм (от лат. *vocalis* - гласный) система гласных звуков в языке.

Гуна - термин инд. грамматистов, обозначающий отношение между чередующимися гласными одного и того же корня.

Диахрония (от греч. *δια* «через, сквозь» и греч. *χρονος* «время») — рассмотрение исторического развития тех или иных языковых явлений и языковой системы в целом как предмет лингвистического изучения.

Дивергенты - звуки речи, различные по произношению в зависимости от положения в слове, например, л – ль в словах стол - столик.

Конвергенты – фонемы, в процессе исторического развития данного языка совпавшие в одной фонеме, например, в русском языке фонемы, обозначавшиеся буквами «ъ» («ять») и «е», совпали в «е».

Консонантизм – система согласных какого-либо языка.

Морфонология — раздел языкознания, изучающий закономерности строения, фонемного состава и варьирования морфем того или иного языка, не выводимые полностью из особенностей его фонологии, а также совокупность явлений морфонологической природы, присущих данному языку.

Неограмматизм, младограмматизм - несколько школ или направлений в европейском языкознании 19 в., объединённых общим пониманием природы и функций языка и задач языкознания. Основное теоретическое содержание: язык есть индивидуальная психофизиологическая деятельность — изменения возникают и распространяются в нём в силу более или менее случайных причин, связанных с особенностями употребления языка («узусом»), поэтому лингвист должен обращаться в первую очередь к исследованию живых языков и, лишь установив закономерности их развития, он имеет право обращаться к мёртвым языкам.

Палатограмма - Изображение точек прикосновения языка с небом, дающее представление об артикуляционных движениях, осуществляемых в процессе произнесения звука. Это изображение получается на искусственном вставном нёбе, поверхность которого припудрена.

Палеография – вспомогательная историческая дисциплина, изучающая историю письма, закономерности развития его графических форм, а также памятники древней письменности в целях их прочтения, определения автора, времени и места создания.

Палеонтология лингвистическая - лингвистическая и вспомогательная историческая дисциплина, использующая языковые данные для получения информации об истории носителей языков (географическая и временная локализация этносов, этногенез) и их материальной и духовной культуры в дописьменный период.

Парадигматика - 1) Один из двух аспектов исследования языка: изучение элементов языка и классов этих элементов, находящихся в отношениях противопоставления путем выбора одного из взаимоисключающих элементов; парадигматика противопоставляется синтагматике; 2) в грамматике учение о строении и структуре парадигм разных типов, их классификации и объединении в более сложные единства; 3) система парадигм или их совокупность в данном языке; совокупность парадигматических отношений в том или ином языке.

Психологизм — тенденция в философии и гуманитарном знании к объяснению духовных явлений и идеальных сущностей работой индивидуального или коллективного сознания.

Санскрит — древний литературный язык Индии со сложной синтетической грамматикой. Само слово «санскрит» означает «обработанный, совершенный». Возраст ранних памятников доходит до 3,5 тыс. лет (середина II тыс. до н. э.).

Сравнительно-историческое языкознание – область лингвистики, посвящённая прежде всего родству языков, которое понимается историко-генетически (как факт происхождения от общего праязыка).

Синхрония (от греч. *συν* «совместно» и греч. *χρονος* «время») — рассмотрение состояния языка как установившейся системы в определенный момент времени.

Экскурия – это первая фаза артикуляции звука, когда органы речи переходят от предшествующего положения к положению, необходимому для артикуляции данного звука; ср.: выдержка, отступ.

Вопросы для изучения

1. Общелингвистические проблемы, разрабатываемые представителями ХЛШ.

2. Взгляд на проблему взаимоотношения языка и мышления. Вопросы невербального мышления.
3. Языковая номинация в освещении А. А. Потебни. Понятие внутренней формы в трудах ученого.
4. Грамматические исследования А.А.Потебни. Соотношение между логическими и грамматическими категориями.
5. Грамматическая структура слова. Теория грамматической формы.
6. Сущность синтаксического учения А. А. Потебни.
7. Учение А. А. Потебни о слове и его значении. Определение слова. Соотношение лексического и грамматического значений в слове.
8. Взгляды ученого на проблемы полисемии и омонимии. Принципы определения границ слова. Ближайшее и дальнейшее значения слова.
9. Отношение А. А. Потебни к двуязычию. Проблема знаковости языка.
10. Вопросы системности языка в трудах А.А.Потебни.
11. Лингвистический подход А.А.Потебни к построениям в области поэтики и эстетики.
12. Общая характеристика лингвистической концепции Ф.Ф.Фортунатова.
13. Кто оказал значительное влияние на взгляды Фортунатова?
14. Взгляд Ф.Ф.Фортунатова на проблему соотношения языка и мышления.
15. Фортунатовское учение о грамматической форме. Грамматическая классификация слов по Ф.Ф.Фортунатову.
16. Синтаксическая концепция Ф.Ф.Фортунатова. Учение о словосочетании и предложении.

17. Преподавательская деятельность Ф. Ф. Fortunatova. Сближение школьной и научной грамматик. Задачи школьного преподавания языка.
18. Оформление семасиологии как особой научной дисциплины (М. М. Покровский и его ученики).
19. Вклад в развитие отечественного языкознания А. М. Пешковского.
20. Вклад в развитие отечественного языкознания А. А. Шахматова.
21. Главные направления работы КЛШ в области общего языкознания. Вклад основоположника КЛШ И. А. Бодуэна де Куртенэ в науку о языке. Основные методологические взгляды И.А.Бодуэна де Куртенэ на язык.
22. Учение И.А.Бодуэна де Куртенэ о фонеме и фонетических альтернативах.
23. Понятие о морфологической структуре слова и ее эволюции в трудах И.А.Бодуэна де Куртенэ.
24. Вопросы системности языка в освещении И.А.Бодуэна де Куртенэ. Влияние идей И.А.Бодуэна де Куртенэ о системности языка на становление и развитие структурализма в языкознании.
25. Различение языка и речи, синхронии и диахронии, статики и динамики.
26. Оценка И.А.Бодуэном де Куртенэ открытия синтагматических и парадигматических связей в языке, сделанного Н.В.Крушевым.
27. Проблема знаковости в работах И.А.Бодуэна де Куртенэ.
28. Трактат о сущности языка в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ. Принципы и методы лингвистического исследования языков.
29. Место психологических факторов при описании языковых явлений.

30. Вопросы соотношения языка и общества. Подход к языку с точки зрения социального психологизма.

31. Проблема происхождения и исторического развития языка в интерпретации ученого. Внешние и внутренние причины развития языка.

32. Этимологические, грамматические, сравнительно-исторические исследования И. А. Бодуэна де Куртенэ.

33. Проблема языкового родства и лингвистической типологии. Классификация языков ученого.

34. Преподавательская деятельность И. А. Бодуэна де Куртенэ в сфере общего языкознания и русского языка. Программа курса общего языковедения. Выделение основных разделов языкознания. Роль и задачи языковедения.

35. Акустические исследования Богородицкого В. А.

36. Виды чередований по Богородицкому В.А.

37. Принципы русского правописания в трудах ученого.

38. Вклад Богородицкого В. А. в развитие тюркологии.

39. Сопоставительные изыскания В.А.Богородицкого.

40. Какова была цель создания Научного общества татароведения в Казани?

41. Назовите три задачи, выдвинутые Богородицким В.А, которые, по мнению ученого стоят перед научным языкознанием по отношению к татарскому языку.

42. В какой области лежал центр научных интересов Крушевского?

43. Какими процессами ассоциации он объяснял производство и воспроизводство в языке?

44.Что говорит Крушевский о связи процесса систематизации с процессом типизации?

45.С чем ученый связывал прогресс в языке?

46.Вопросы системности языка в трудах Крушевского?

47.Размышления Н.В. Крушевского по поводу аналогии и народной этимологии.

48.О каких процессах переинтеграции он упоминал?

49.Сущность языка по Н.В.Крушевскому.

50.Что отмечал И.А. Бодуэн де Куртенэ в числе положительных сторон концепции исторического наложения в языке?

51.По какой причине Крушевский приходит к необходимости четкого разграничения всех языковых явлений в двух планах - в статическом и динамическом?

Рекомендуемые информационные ресурсы

Алпатов В. М. История лингвистических учений. М., 2001.

Андрамонова Н.А., Байрамова Л.К. Василий Алексеевич Богородицкий (1857-1941). Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2002.

Андреева Л. А. И. А. Б. де Куртенэ в Казани // Русский язык в школе. 1985. № 3.

Андреева Л. А. Казанская лингвистическая школа. Казань: Изд-во КГПУ, 1997.

Баранникова Л. И. Общее и русское языкознание. Ин-т рус. яз., лит. и журналистики Саратов. гос. ун-та. — М. : URSS : КомКнига, 2005. — 252 с.

Березин Ф. М. Русское языкознание конца XIX - начала XX в. Акад. наук СССР, Ин-т науч. информации по обществ. наукам, Ин-т языкознания. — Москва : Наука, 1976. — 365, [1] с.

Березин Ф. М. К вопросу о философских основах лингвистической теории А.А.Потебни // Теория и история языкознания: Методологические проблемы истории языкознания: Реферативный сборник. М., 1974.— Вып. 2.

Березин Ф. М. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX – начало XX в.), М., 1968.

Березин Ф. М. Учение А. А. Потебни о частях речи // Вопросы филологии. М., 1974.

Березин Ф.М. История лингвистических учений. М., 1975.

Виноградов В. В. А. А. Потебня // Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.

Земская Е. А. «Казанская лингвистическая школа» профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ // Русский язык в школе. 1951. № 6.

Кондрашов Н. А. Н. В. Крушевский // Русский язык в школе. 1987. № 6.

Кузнецов П. С.. Василий Адексеевич Богородицкий(1857-1941) // Труды института языкознания АН СССР,1953.

Макаров В. И. А. А. Шахматов (1864 — 1920) // Русская речь. 1984. № 3.

Маловицкий Л. Я. Московская лингвистическая школа // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1967.

Петерсон М. Н. Ф.Ф.Фортуатов и Московская лингвистическая школа. // Уч. зап. МГУ, 1956.

Смирнов С.В., Дмитриев П.А.Русское и славянское языкознание в России середины XIX - начала XX вв.— Ленинград : Издательство ЛГУ, 1991 .— 232 с.

Черепанов М.В. Николай Вячеславович Крушевский. 1851 - 1887// Рус.речь. -1986. -№6. С.84-89.

<http://mari/eparhia.ru/konfer/2003/starikov/>

http://homepages.tversu.ru/~ips/Hist_06.htm

<http://www.km.ru/referats/27D4C898A9794F46A3FCCF4DBABF2A3D>

http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/HARKOVSKAYA_LINGVISTICHESKAYA_SHKOLA.html

<http://philologos.narod.ru/potebnja/poteb-main.htm>

Тема 5

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Лингвистика первой половины XX в. (вплоть до 60-х гг.) в целом характеризуется структуралистским подходом к исследованию языка. Структурализм имел следующие отличительные особенности:

- использование строгих методов лингвистического исследования, аналогичных методам логики, математики, физики и т.д., которое исключало бы обращение к внеязыковым, внесистемным (т.е. психологическим, социологическим, эстетическим, географическим и пр.) факторам, к интуиции учёного;

- признание целостности языка и характеристика каждого его элемента прежде всего через указание на его взаимосвязи с другими элементами той же языковой системы, на его место в системе, а не через перечисление его физических или иных свойств;

- различение языка как относительно замкнутой в себе знаковой системы инвариантных единиц и речи / речевой деятельности как среды его функционирования, как способа реализации языковых единиц в виде множества их вариантов;

- достаточно чёткое различение плана-содержания и плана выражения языка в целом и составляющих его единиц;

- различение языковых единиц двуплановых (знаковых) и одноплановых (незнаковых);

- описание языка как сложной системы, имеющей многоуровневое строение; различие в нём уровня (или уровней) знаковых единиц и уровня (или уровней) незнаковых единиц;

- преимущественное или исключительное внимание к синхроническому аспекту (описание языка в его состоянии в данный исторический период), а не к диахроническому аспекту (сопоставление разных временных срезов).

Эти и другие близкие к ним требования выдвигались такими классическими школами и направлениями лингвистического структурализма, как Пражская, Копенгагенская, Лондонская в Европе, дескриптивная лингвистика в США. Они во многом принимались представителями структурализма в Швейцарии (Женевская школа). По существу в духе принципов структурализма развивалась созданная в конце 50-х гг. Н. Хомским (Noam Chomsky) трансформационная порождающая грамматика. Разработке этих и им аналогичных идей существенно способствовали представители отечественного языкознания (Московская и Ленинградская / Петербургская лингвистические школы).

Структурное языкознание проявило себя, прежде всего в области изучения звуковой стороны языка. Старой классической фонетике была противопоставлена фонология, для которой наиболее существенными оказались такие моменты, как, во-первых, подчёркивание различительных функций звуковых единиц по отношению к значимым единицам языка - словам и морфемам, и, во-вторых, внимание не к материальным аспектам звуковых единиц, а к противопоставлениям этих единиц в рамках звуковых систем.

Фонология добилась значительных успехов в моделировании системы фонем как кратчайших звуковых элементов в строении плана выражения слов и морфем. В этой области были созданы весьма точные методы научного анализа (метод оппозиций, дистрибутивный метод).

Впоследствии эти методы были успешно применены при построении структурной морфологии.

В разработке фонологии чрезвычайно велик вклад отечественных учёных, принадлежащих к Ленинградской / Петербургской фонологической школе Льва Владимировича Щербы (сам Л.В. Щерба и его ученики и продолжатели Маргарита Ивановна Матусевич, Лев Рафаилович Зиндер,

Лия Васильевна Бондарко, Людмила Алексеевна Вербицкая, Мирра Вениаминовна Гордина, Вадим Борисович Касевич и др.) и к Московской фонологической школе (Рубен Иванович Аванесов, Пётр Саввич Кузнецов, Александр Александрович Реформатский, Михаил Викторович Панов, Виктор Алексеевич Виноградов и др.).

Вслед за исследованиями по фонологии (структурной фонетике) и структурной морфологии стали появляться работы по структурному синтаксису. Дескриптивисты разработали метод анализа по непосредственно составляющим позволяющий представить предложение в виде иерархической структуры с его пошаговым разбиением на всё более мелкие звенья, завершая процедуру выделением слов или морфем как конечных составляющих. Чешские и наши учёные выдвинули теорию, в соответствии с которой предложение представляет собой парадигматический набор его форм, различающихся значениями модальности, времени и т.п.

Постепенно, когда стало ясно, что дальнейшее игнорирование значения при описании языка препятствует развитию лингвистики, структуралисты стали обращаться к описанию формальными методами смысловой, или содержательной, стороны языка. В результате такого поворота возникла структурная семантика, или структурная лексикология, представленные теорией семантических полей, компонентным анализом значения слов и т.п. В русле структурализма сложились лингвистика текста

и начальные варианты анализа дискурса (первоначально как теория связного текста).

К концу 60-х гг. XX в. в недрах структурализма созрели предпосылки для перехода от статического описания языка к его динамическому описанию, к реализации идей о языке как прежде всего деятельности. Начали создаваться одна за другой такие теоретические модели, как ряд принадлежащих Н. Хомскому версий порождающей трансформационной грамматики, провозгласившей главной языковой единицей предложение и сыгравшей серьёзную роль в активизации синтаксических исследований; как разные семантические модели языка, описывающие процессы формирования смысловых структур и их воплощения в поверхностные грамматико-фонологические структуры.

60-70-е гг. XX в. ознаменовались радикальным поворотом языкознания к широкому пониманию границ своего объекта, т.е. отказом от принципа редукционизма и вытекающих из него требований. Такой поворот был обусловлен самой логикой движения лингвистической мысли по маршруту:

фонетика (фонология) >

морфология >

синтаксис (в его формальном аспекте) >

семантика (особенно семантика предложения) > в конечном итоге прагматика и когнитивные (познавательные, мыслительные) основы семантики.

Значение было объявлено объектом, изучение которого входит в число обязательных, первоочередных задач лингвистики. И попытки осмыслить его природу и сущность привели к основательной переоценке достижений языкознания на структуралистском этапе. Довольно скоро обнаружилось, что значение слова и в особенности предложения может быть познано достаточно полно лишь при следующих условиях:

во-первых, если будут учитываться условия словесного контекста (ближайшего окружения) в рамках высказывания или текста;

во-вторых, если будет принята во внимание прагматическая ситуация, складывающаяся при производстве данного высказывания, т.е. будет учтено, кто является автором высказывания, а кто его адресатом, каковы цели и намерения говорящего, каковы ожидания слушающего, в какое время и в каком месте совершается данный акт коммуникации, в какой обстановке происходит общение, и т.д.;

в-третьих, если будет обращено внимание на то, что представляет собой передаваемое смысловое содержание, как оно формируется, какие ресурсы сознания и памяти говорящего (и слушающего) при этом используются, как, в конечном итоге, язык взаимодействует с познанием мира человеком, его когнитивной деятельностью .

Лингвистика от изучения языка как замкнутой в себе системы единиц приступила к изучению того, как язык функционирует в процессах восприятия, понимания и порождения речи, как он взаимодействует с мышлением и сознанием, как он реагирует на непрерывно меняющиеся условия общения между людьми в зависимости от социального и культурного контекста.

Структурализм во многом должен был сдать свои позиции. На протяжении ряда последних десятилетий пересмотру подверглись многие каноны эпохи лингвистического структурализма.

«Новое учение о языке» Н.Я. Марра

Николай Яковлевич Марр (25 декабря 1864 (6 января 1865) — российский и советский востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик Императорской академии наук, затем академик и вице-президент АН СССР.

После революции получил громкую известность как создатель «нового учения о языке», или «яфетической теории». Отец востоковеда и поэта-футуриста Юрия Марра.

Сын престарелого шотландца Джеймса Марра, жившего на Кавказе и основавшего Кутаисский ботанический сад, и молодой грузинки (Агафия Магулария); родным языком Марра был грузинский, на практическом уровне он владел также многими другими языками Европы и Кавказа, проявив страсть к их изучению ещё в школьные годы. Окончив гимназию в Кутаисе, Н.Я.Марр переехал в Петербург, где прожил до конца жизни. В Петербургском университете он одновременно занимался на всех отделениях Восточного факультета, изучив, таким образом, все преподававшиеся на факультете восточные языки. В 1888 году он окончил университет и вскоре стал одним из самых заметных российских востоковедов рубежа веков.

Н.Я.Марр внёс большой вклад в историю, археологию и этнографию Грузии и Армении, опубликовав много древнегрузинских и древнеармянских текстов и надписей, проведя раскопки ряда древних городов и монастырей Кавказа (основные его работы проведены на протяжении нескольких десятилетий в древнем городе Ани. Значение его работ в этой области сохраняется до настоящего времени и никогда не ставилось под сомнение. В 1902 году в Иерусалиме открыл книгу Георгия Мерчули «Житие Григория Хандзтели». Создатель армянской и грузинской национальных школ востоковедения, подготовил большое число специалистов; среди его учеников были такие крупные учёные, как И. А. Джавахишвили, И. А. Орбели, А. Г. Шанидзе. Имя Марра окружено бóльшим почитанием в Армении, чем в родной Грузии. С грузинскими филологами (в том числе собственными учениками) у Марра неоднократно происходили конфликты, что было связано с культурно-политическими

взглядами. В Армении «новое учение о языке» (в отличие от ранних работ Марра по арменистике) не пользовалось популярностью.

В ноябре 1923 года Н.Я.Марр выступил с «Новым учением», отдельные идеи которого высказывал и раньше, ещё в 1900—1910-е гг.

«Революционность» и масштабность его утверждений, а также вполне реальная репутация Н.Я.Марра как выдающегося кавказоведа и полиглота сделали его теорию привлекательной для большого числа представителей интеллигенции 1920-х годов.

Яфетические языки

Существуют так называемые «яфетические языки». Содержание этого понятия менялось. Сначала они толковались как языковая семья. К такой семье Н.Я.Марр относил языки Кавказа, — прежде всего свой родной грузинский язык, который заставлял изучать своих учеников, а также другие картвельские; позже к ним добавились различного рода изоляты, вроде бурушаски, и некоторые скудно сохранившиеся языки древности. Впоследствии яфетические языки трактовались как присутствующая во всём мире стадия развития языка, связанная с классовой структурой общества. Первоначально Н.Я.Марр объяснял повсеместность яфетических элементов миграцией народов, но позже счёл её исконным явлением. Так, латинский язык в Риме якобы был языком патрициев, а языком плебеев — некий яфетический язык; язык басков, угнетённого меньшинства в Испании — яфетический. Диалекты армянского языка (согласно традиционной точке зрения, индоевропейского), обнаруживающие некоторое количество поздних грузинских заимствований, объявлялись яфетическими, в отличие от литературного армянского — языка социальной элиты.

Классовая сущность языка

Язык имеет классовую природу, являясь «надстройкой» над базисом — социально-экономическими отношениями; возможно выделить стадии

языка, связанные с марксистскими стадиями общества: доклассовым обществом, рабовладельческим строем, феодализмом, капитализмом, а следовательно — должен возникнуть новый язык коммунистического общества. Это будет «новый и единый язык, где высшая красота сольётся с высшим развитием ума». Наиболее примитивным этапом считаются изолирующие языки, высшим — флективные языки, в процессе перехода от стадии к стадии формируются части речи и грамматические категории. Марристы пытались установить относительную хронологию возникновения частей речи (имя, затем местоимение, затем глагол и т. п.)

Происхождение языка

Язык произошёл от «трудовых выкриков» в результате «звуковой революции» и связан с началом трудовой деятельности человека. Ему предшествовала кинетическая (жестовая) речь.

Все слова всех языков имеют общее происхождение (моногенез), а именно от «четырёх элементов» — изначальных трудовых выкриков *сал*, *бер*, *йон* и *рош* (первоначально «не имевших никакого значения» и использовавшихся в магических целях); так называемая «лингвистическая палеонтология» может возвести любое слово к одному (или нескольким) из четырёх элементов. Это утверждение сочеталось с теорией изначальной множественности языков — несмотря на общий характер четырёх элементов, разные социальные группы придавали им разное значение. Способы выведения слов из «четырёх элементов» не носили сколько-либо строгого характера, на практике разрешались типичные для любительских упражнений в этимологии произвольные замены и перестановки звуков, отбрасывания частей слов (отождествлялись и возводились к элементу *рош* слова к-рас-ный, эт-рус-ки, русы, рыжий, rouge, roth и мн. др.)

Изменение языка

Праязык не может делиться на несколько новых языков; языки могут только скрещиваться; соответственно, учение о генеалогической

классификации языков несостоятельно, а все языки представляют собой продукт скрещения. Традиционным семьям языков в марристской терминологии примерно соответствуют либо стадии, либо сложившиеся в результате процессов скрещения «системы» (языки «романо-германской» или «турецкой системы»), вместо одиозных для марристов слов «индоевропейский» и/или «индоарийский» иногда употреблялся предложенный В. И. Абаевым термин «прометеидские языки». При этом общность «системы» не означает максимального материального сходства — русский язык «по пластам некоторых стадий» оказывался у Н.Я.Марра ближе к грузинскому, чем к любому другому славянскому.

На некотором этапе общественного строя некоторые языковые элементы должны встречаться во всех языках («единство глоттогонического процесса»), так, *su* у всех народов когда-то значило 'вода'.

Язык может преобразовываться до неузнаваемости «социальным взрывом»; например, немецкий язык — это преображённый сванский язык (также относящийся к картвельским и тем самым к «яфетическим»).

Семантические изменения

В лингвистической палеонтологии заметную роль играют изучавшиеся традиционными лингвистами с 1880-х годов (хотя тогда ещё сравнительно мало разработанные) законы семантических изменений, абсолютизированные и подававшиеся как значительное открытие лично Н.Я.Марра. Например, из хорошо известного принципа переноса слов на предметы аналогичной функции (перо птицы → стальное перо, стрелять стрелами → стрелять пулями) Марр выводил, что в каждом языке название собаки должно переноситься на оленя, а затем на лошадь, потому что они (якобы) сменяли друг друга в качестве основных ездовых животных.

Большую роль в истории языка играет первобытная мифология и тотемные названия племён, постепенно превращаясь в нарицательные

имена; следы «тотемного мышления» Н.Я.Марр видел даже в таком явлении, как написание существительных в немецком языке с больших букв (в действительности оно появилось в XVI—XVII в.).

В публикациях марристов этого периода его всё чаще называют «великим» и «гениальным», он получает много почётных званий, вплоть до звания «почётного краснофлотца». Подчёркивалась роль Н.Я.Марра в разработке письменности для малых языков СССР (его универсальный «аналитический алфавит», разработанный ещё до революции и введённый в 1923 году для абхазского языка, через несколько лет был отменён из-за практического неудобства), однако фактически вся работа по созданию письменности происходила без участия Н.Я.Марра и его ближайшего окружения. К 45-летию научной деятельности Н.Я.Марр был награждён орденом Ленина (1933). Этот юбилей прошёл без самого Н.Я.Марра: в октябре 1933 года он перенёс инсульт, прожил после него ещё год, но к работе не возвращался. По случаю смерти и похорон Н.Я.Марра в Ленинграде были отменены занятия в школах.

При всём при этом конкретные положения, выдвигаемые Н.Я.Марром, либо не подкрепляются доказательствами, либо опираются на совершенно не выдерживающие критики утверждения; обширный материал экзотических языков, использовавшийся им и производивший большое впечатление на непрофессионала, содержит множество ошибок, натяжек и прямых вымыслов. Труды Н.Я.Марра отличаются запутанностью изложения, постоянным переходом с темы на тему, некоторые пассажи невозможно понять (не случайно наиболее последовательно его теория изложена не им самим, а И.И.Мещаниновым в книге «Введение в яфетидологию» 1929 г.)

Наряду с этим в его трудах высказаны и мысли о важности синхронного изучения языка, лингвистической типологии, социолингвистики, ряд верных конкретных наблюдений, которые очень

сложно выделить из совершенно неудовлетворительного с научной точки зрения контекста.

Вопросы языка в трудах И.И. Мещанинова

Иван Иванович Мещанинов (1883–1967) родился 24 ноября (5 декабря) 1883 в Уфе. Окончил Училище правоведения и юридический факультет Петербургского университета в 1907; два семестра провел в Гейдельбергском университете. Одновременно учился в Археологическом институте в Петербурге, который окончил в 1910. Занимался русской историей, археологией; с 1910 по 1923 заведовал историческим архивом Археологического института; описал коллекцию эламских древностей, хранившихся в этом институте. В 1925–1933 участвовал (в том числе в качестве руководителя) в археологических экспедициях в Северное Причерноморье и Закавказье. В 1932 стал академиком АН СССР.

Еще в 1917, занявшись исследованием эламского языка, сблизился с Н.Я.Марром. По совету Марра в 1919 начал изучение грузинского, хеттского и семитских языков. Археологическая работа в Закавказье обусловила интерес Мещанинова к урартскому языку, который он сохранял до конца жизни. С конца 1920-х годов ученый сосредоточился на лингвистике. Первые его лингвистические работы (Введение в яфетидологию, 1929) развивали «новое учение о языке» Н.Я.Марра. После смерти Н.Я.Марра Мещанинов – его преемник на посту руководителя Института языка и мышления АН СССР (1935–1950), он возглавлял Отделение литературы и языка АН СССР (1939–1950), в 1945 был награжден медалью Героя Социалистического Труда. После критики идей Н.Я.Марра И.В.Сталиным в 1950 был снят со всех руководящих постов, но продолжал научную деятельность. Умер И.И.Мещанинов в Ленинграде 16 января 1967.

Наиболее значительные труды И.И.Мещанинова – Общее языкознание (1940), Члены предложения и части речи (1940), Глагол (1949)

– связаны с постепенным преодолением влияния Н.Я.Марра. Воспринятая от последнего идея поиска стадий развития языков в области синтаксиса преобразовалась в идею выявления основных типов синтаксического строя языков мира без какой-либо связи со стадиями.

Эти работы заложили основы новой лингвистической дисциплины – синтаксической типологии, получившей значительное развитие в отечественной и мировой лингвистике. Идея так называемых «понятийных категорий» стала у И.И.Мещанинова одной из первых попыток выявления семантических закономерностей языка, отличных от его формальных закономерностей. В книге «Глагол» ученый сопоставил глагольные категории в языках мира.

В 1950–1960-х годах И.И.Мещанинов опубликовал двухтомное грамматическое описание урартского языка (1958–1962) и подготовил его словарь, а также продолжил исследования в области синтаксической типологии. Идеи Мещанинова получили продолжение в исследованиях С.Д.Кацнельсона (1907–1985), Г.А.Климова (1928–1997) и др.

Лингвистические взгляды В.В.Виноградова

Один из самых замечательных русских языковедов XX века, академик В.В.Виноградов (1895—1969), был ученым, продолжавшим и развивавшим традиции той русской филологической школы, последователи которой, обладая глубокой гуманитарной эрудицией, в своих исследованиях не проводили резкой грани между проблематикой, лежащей в сферах языкознания и литературоведения, стилистики и текстологии, теоретической лингвистики и практического применения ее результатов. Перу В. В. Виноградова принадлежит более 300 работ, посвященных самым разным вопросам русской филологии: это фундаментальные исследования по истории русского языка, по его грамматике, лексике, труды о языке и стиле писателей-классиков, текстологии, лексикографические и историографические работы. Во всех этих областях ученым было сказано

новое слово; им создана школа учеников, которые продолжали и продолжают развивать его идеи.

Виктор Владимирович Виноградов родился 31 декабря 1894 г. в Зарайске. В 1918 г. по рекомендации А.А. Шахматова был зачислен в Петроградский университет в качестве стипендиата для подготовки к получению профессорского звания по русскому языку и словесности. В 1919 г. написал магистерскую диссертацию «Исследования в области фонетики северно-русского наречия. Очерки из истории звука [Б] в северно-русском наречии».

В 1920-е годы Виктор Владимирович преподавал в институтах Петрограда (Ленинграда), в 1930 г. переехал в Москву, став профессором Московского городского педагогического института и других вузов. В 1934 г. он был арестован и в 1934–1936 гг. и 1941–1943 гг. находился в ссылке, где продолжал свои исследования. В дальнейшем он занимал различные руководящие должности в научных организациях филологического профиля: декан филологического факультета (1944–1948 гг.) и заведующий кафедрой русского языка (1946–1969 гг.) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, академик-секретарь Отделения литературы и языка Академии наук СССР (1950–1963 гг.), директор Института языкознания (1950–1954 гг.) и Института русского языка (1958–1968 гг.) Академии наук СССР, главный редактор журнала «Вопросы языкознания» (1952–1969 гг.) и др. С 1946 г. – академик Академии наук СССР.

В.В.Виноградова отличала исключительная эрудиция, глубокое знание истории русской общественной жизни, русской литературы и русского языка, исключительная осведомлённость в области истории лингвистической науки, и прежде всего русской лингвистической мысли. Значительное влияние оказали на него идеи А. А. Шахматова и Л. В. Щербы. От Шахматова он воспринял методичку сравнительно-

исторического анализа и углублённого, строгого системного описания языка, от Щербы — интерес к языку как живой и активно функционирующей системе, к движению языковых норм. Рассматривая язык как общественное явление, Виноградов видел в нём не только эволюцию системы, но и развитие видов и разновидностей речи и речевых форм. Разрабатывая теорию стиля, он устанавливал и прослеживал связи между языковой личностью и общенациональным языком во всех разновидностях его функционирования.

В теории В.В.Виноградова в центре изучения языка стоит, с одной стороны, слово как центральная единица языковой системы, с другой стороны, — текст во всей его сложности, рассматриваются взаимоотношения языка и речи, раскрываются динамика языковых явлений, особенности русской речи, её закономерности и формы. Эта концепция отличается от концепции Ф. де Соссюра, фактически описывающего язык вне речевых жанров, вне связи с актом речи, и от филологической концепции К. Фосслера, ориентированной прежде всего на экспрессивно-эстетическую функцию языка.

В.В.Виноградов предложил новую систематизацию разделов и подразделов русского языкознания. В соответствии с его взглядами оно включает:

а) серию историко-лингвистических дисциплин — диалектологию, историческую грамматику, историю языка, историю литературного языка, историю языка художественной литературы (была предложена, в частности, новая периодизация истории русского литературного языка);

б) стилистику в её нормативной (культура речи) и историко-сравнительной (функциональные и авторские стили) разновидностях;

в) дисциплины, содержащие системное описание современного русского литературного языка (лексика, грамматика, словообразование, фразеология, фонетика), в т. ч. история слов и теория нормы;

- г) науку о языке художественной литературы и языке писателей;
- д) историю филологических учений.

В.В.Виноградов дал образцы исследований в каждой из этих областей. Новая систематизация была во многом обращена к практике.

В.В.Виноградов создал новую систематизацию частей речи, практически применив предложенный Л.В.Щербой критерий синтаксических свойств слова – в систему частей речи были включены:

- «частицы речи»
- модальные слова
- категория состояния.

Тем самым принимались во внимание морфологические, словообразовательные и семантические свойства слова. Книга В.В.Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947; Государственная премия СССР, 1951) опиралась на научную оценку всех факторов, составляющих общенациональный литературный язык (его историю, язык образцовых писателей, язык образованного населения, системные связи всех языковых категорий, сложные взаимодействия разных функциональных сфер речи); она послужила научной основой для создания последующих грамматик русского языка и грамматик языков народов СССР. Эта книга, на широком историческом фоне отражавшая современный этап развития русского литературного языка, была принципиально новым описанием всей его системы, глубоко методологически и содержательно отличалась от всех предшествовавших описаний — от М. В. Ломоносова до Шахматова. Виноградов предложил деление грамматики на грамматическое учение о слове, показав при этом всю сложность его природы, учение о словосочетании, учение о предложении и учение о сложном синтаксическом целом. В учении о предложении им были найдены и определены основные категории предложения: предикативность, модальность, синтаксическое лицо, которые

выделяют предложение в тексте и отделяют язык от других семиотических средств.

Идеи В.В.Виноградова в теории лексикологии — разработка типов лексических значений слов, углубление понятия «лексема» и введение теории стилистической, грамматической и смысловой вариантности слова, учение о *фразеологии* как особом разделе языкознания, систематизация типов русских фразеологических единиц — стали основой для дальнейшего развития русской лексикологии, фразеологии, русской и общей лексикографии. При его участии были созданы «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, «Словарь современного русского литературного языка» (Ленинская премия, 1970). Он был одним из инициаторов создания и редактором «Словаря языка А. С. Пушкина» (1956—1961).

В.В.Виноградов положил начало новой области филологических исследований — истории русского литературного языка как истории стилей («Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.», 1934). Его идеи в этой области стимулировали изучение разных этапов в развитии русского литературного языка допетровской эпохи и нового времени, содействовали выработке новых научных концепций (Б. А. Успенский, Ю. С. Сорокин, В. П. Вомперский и другие). Первично основанное на концепции Шахматова учение Виноградова об истоках русского литературного языка и о его отношении к языку церковнославянскому наиболее адекватно отражает состояние первых этапов развития письменности на Руси и показывает истоки богатства русской стилистической системы, многообразия её функциональных разновидностей (эта концепция нашла дальнейшее развитие в работах Н. И. Толстого, И. С. Улуханова).

Выделив язык писателей в особую категорию филологических исследований, Виноградов изучал языковое творчество Н. М. Карамзина,

И. И. Дмитриева, И. А. Крылова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. А. Ахматовой, М. М. Зощенко и других. Эти работы, так же как и работы Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского, Л. П. Якубинского, Б. А. Ларина, дали текстологам новые методы исследования — анализ разновременных публикаций, вариантов художественных текстов, рукописей, сюжетных связей, текстового окружения, изучение истории критики, собственных авторских свидетельств, — заложив тем самым текстологическое обоснование литературоведения.

Рассматривая формирование и развитие художественных образов, Виноградов исследовал и описывал стилистико-смысловые связи внутри текста и на их фоне определял центральный образ произведения — образ автора. Такой метод прочтения нашел своё применение и в теории прозаической нехудожественной речи. В.В.Виноградов обращал внимание на то, что текст, имея тропы и фигуры речи, соединяется в сверхфразовые и фразовые единства путём сопоставлений и противопоставлений, сцеплений и соединений, сочетаний и разъединений, образующих единство смыслового развития текста как частей общей композиции, состоящей из явного или скрытого диалога или монолога. Объединение элементов текста в одно смысловое и грамматическое целое послужило основанием, в частности, для исследований по теории текста.

Отечественная грамматическая наука развивает и углубляет многие идеи В.В.Виноградова в этой области. Учёными виноградовской школы была создана описательно-нормативная «Грамматика русского языка» АН СССР (1952—54). Под руководством Шведовой были созданы академические грамматики нового типа — «Грамматика современного русского литературного языка» (1970), «Русская грамматика» (1980; Гос. премия СССР, 1982). В этих грамматиках научными концепциями

В.В.Виноградова определены способы описания частей речи, морфологии, синтаксиса, в особый раздел, связанный как с лексикологией, так и с грамматикой, выделяется словообразование и описывается формальное и семантическое строение словообразовательных типов. При этом непосредственно реализуются его идеи о месте словопроизводства в строе языка в целом. Русскому словообразованию как особой области языкознания посвящены работы Е. А. Земской, В. В. Лопатина, Улуханова и других. Учёные виноградовской школы плодотворно работают также в области синтаксиса русского и других славянских языков, в области структуры текста (Н. С. Поспелов, Шведова, А. В. Бондарко, М. В. Ляпон, Белошапкова и другие).

Работы В.В.Виноградова о А.А.Шахматове, Л.В.Щербе, А. М. Пешковском, М. Н. Петерсоне, его очерки по истории русской лингвистической мысли дали импульс для дальнейших исследований в этом направлении (Б. Н. Головин, Ю. В. Рождественский, А. В. Бондарко и другие).

Идеи В.В.Виноградова о грамматике современного русского литературного языка легли в основу общей и частной дидактики русского языка и многих учебных (школьных и вузовских) пособий. Были созданы серии учебников для средней и высшей школы (А. М. Земский, С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов, Н. М. Шанский, Л. А. Чешко и другие). Под непосредственным руководством Виноградова создана *Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы* (МАПРЯЛ), первым президентом которой он был. В применении к задачам обучения русскому языку иностранных студентов разрабатываются проблемы стилистики, речевой культуры и лингвострановедения (работы Костомарова, Е. М. Верещагина и других).

Для учёных виноградовской школы характерны следующие общие черты их исследовательского метода:

- анализ языковых явлений не с какой-либо одной точки зрения, а в аспекте их отношения к другим явлениям, к разным сторонам языка — рассмотрение грамматических категорий в тесной связи с лексикой, с природой, значением и окружением слова;

- рассмотрение законов словообразования в связи с правилами морфологического строения слов и с их грамматическими категориями;

- изучение синтаксиса не просто как правил синтагматики, а как такого уровня языка, единицы которого, обладая не только синтагматическими, но и парадигматическими характеристиками, в своём строении и функционировании неразрывно связаны с лексикой и лексической идиоматикой. Язык художественной литературы, язык и стиль писателя изучаются, с одной стороны, в связи с историей общенационального литературного языка, с другой стороны, — в связи с историей общественной мысли и общественной жизни; анализ образа автора — в связи с языком произведения и с его сюжетной тканью; анализ строения текста и все эвристические разыскания — в связи с историей литературного процесса в целом, и т. д.;

- внимание к функциональной и стилистической распределённости языковых явлений, к сферам их употребления;

- изучение языковых явлений в плане «диахронической синхронии»: понимание синхронии как условно остановленного момента развития языка и отсюда анализ языковых явлений в границах исторического контекста, в частности понимание языковой нормы как исторической категории, признание сосуществования функционально и семантически разграниченных языковых вариантов;

- работа только с живым и богатым материалом, всегда самостоятельно извлечённым из всех необходимых источников; построение теории опирается только на такой материал и подтверждается им.

Идеи В.В.Виноградова дали творческий импульс для разработки и развития почти всех отраслей советской филологии во 2-й половине 20 в. — в области современной и сравнительно-исторической славистики, в области литературоведения, текстологии, эвристики, стилистики, языка художественной литературы, а также в изучении строя русского языка, его истории, лексики, грамматики, словообразования, в области изучения истории лингвистической науки, а также в разных сферах преподавания русского языка и культуры речи. Его идеи оказали влияние на развитие общего и сравнительного языкознания. Учёные виноградовской школы углубляют и развивают все эти направления. Стилистике, поэтике, языку художественной литературы, художественной композиции текста, структуре авторского повествования посвящены работы В. Г. Костомарова, В. П. Григорьева, А. Д. Григорьевой, М. Н. Кожиной, Е. А. Иванчиковой, И. И. Ковтуновой, Н. А. Кожевниковой, И. К. Белододе, А. П. Чудакова и других. Исследованию семантической структуры слова и фразеологизма, текста, значения слова, метафоры, внутренней организации и назначения словарной статьи как особого лингвистического жанра и других проблем лексикологии и лексикографии посвящены работы учёных виноградовской школы, изучающих русский язык, другие славянские языки, языки народов СССР и России (С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова, А. П. Евгеньева, Д. Н. Шмелёв, Л. Л. Кутина и другие).

Глоссарий по теме 5

Дискурс - социально обусловленная организация системы речи, а также определённые принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется (представляется) в те или иные периоды времени.

Грамматика – 1) формальный строй языка, система его морфологических и синтаксических категорий и форм; 2) наука о таком строе; 3) книга или иное пособие с описанием такого строя.

Диалектология - (от греч. *dialektos* «разговор, говор, наречие» + *logos* «слово, учение»), раздел языкознания, изучающий диалекты того или иного языка в их синхронном состоянии и историческом развитии.

Культура речи – 1) владение нормами литературного языка в его устной и письменной форме; 2) область языкознания, занимающаяся проблемами нормализации речи, разрабатывающая рекомендации по умелому пользованию языком.

Лексика - (от греч. «относящийся к слову») — совокупность слов языка, его словарный состав.

Модальность – это понятийная категория, которая характеризует: а) отношение говорящего к содержанию высказывания; б) статус обозначенной в нем ситуации по отношению к реальному миру; в) коммуникативную цель говорящего. В грамматике модальность выражается, прежде всего, наклонением. Модальные значения выражаются и многими другими способами – конструкциями, вводными словами (наверно), модальными глаголами и предикативами (типа мочь, можно, нужно), частицами (все-таки) и проч.

Речевые фигуры – особые зафиксированные стилистикой обороты речи, применяемые для усиления экспрессивности (выразительности) высказывания.

Редукционизм - методологический принцип, согласно которому сложные явления могут быть полностью объяснены с помощью законов, свойственных явлениям более простым.

Семантика - (от др.-греч. «обозначающий») — раздел лингвистики (в частности, семиотики), изучающий смысловое значение единиц языка

Синтаксическое лицо – это соотнесенность высказывания с говорящим (Я рад вас видеть. Мне плохо. У меня неприятности. Радуюсь жизни), с адресатом-собеседником (Ты рад меня видеть? Тебе плохо? У тебя неприятности? Радуйся жизни), с третьим лицом (Она радуется. Ей грустно) и т. д.

Стилистика – раздел языкознания, имеющий основным предметом *стиль* во всех языковедческих значениях этого термина.

Стиль – 1) разновидность языка, закреплённая в данном обществе традицией за одной из наиболее общих сфер социальной жизни и частично отличающаяся от других разновидностей того же языка по всем основным параметрам – лексикой, грамматикой, фонетикой; 2) то же, что и функциональный стиль речи (разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере; 3) обычный способ исполнения кем-либо конкретного типа речевых актов: ораторская речь, научная лекция и т.д.; 4) индивидуальная манера, способ исполнения речевых актов или произведений.

Словообразование - образование новых слов (**дериватов**) от однокоренных слов и возникшее в результате этого формально-семантическое соотношение между дериватом и его производящим словом.

Троп - (от др.-греч. «оборот») — риторическая фигура, слово или выражение, используемое в переносном значении с целью усилить образность языка, художественную выразительность речи.

Фонетика - (от греч. «звук», «звуковой») — раздел лингвистики, изучающий звуки речи и звуковое строение языка (слоги, звукосочетания, закономерности соединения звуков в речевую цепочку).

Фразеология – (от греч. «выражение» и «понятие, учение») — раздел теоретической лингвистики, изучающий устойчивые речевые обороты и

выражения — фразеологические единицы, совокупность фразеологических единиц какого-либо языка также называется его фразеологией.

Вопросы для изучения

1. Каковы основные требования структуралистского подхода?
2. В чем прежде всего проявило себя структурное языкознание?
3. В какой области фонология добилась значительных успехов?
4. В результате чего возникла структурная семантика?
5. Принцип редуционизма.
6. При каких условиях слово и предложение может быть познано достаточно полно?
7. Какие отечественные ученые участвовали в разработке фонологии?
8. Что выражает двуплановая единица языка?
9. Что выражает одноплановая единица языка?
10. Различение языка как относительно замкнутой в себе знаковой системы.
11. Как язык функционирует в процессах восприятия?
12. «Новое учение о языке» Н.Я. Марра.
13. Яфетические языки.
14. Классовая сущность языка.
15. Происхождение языка.
16. Вопрос о языковых изменениях.
17. Какие школы создал Н.Я. Марр?
18. Наиболее значимые труды Н.Я. Марра.
19. Наиболее значимые труды И.И. Мещанинова.
20. Какие основы заложили работы И.И. Мещанинова?
21. Понятийные категории в лингвистической концепции И.И. Мещанинова.

22. Динамическое описание языка (по И.И.Мещанинову).
23. Какое влияние на формирование взглядов В.В.Виноградова оказали идеи А. А. Шахматова и Л. В. Щербы?
24. Что В.В.Виноградов подразумевал под утверждением «язык - общественное явление»?
25. Теория стиля по В.В.Виноградову.
26. Отличие концепции В.В. Виноградова от концепции Ф. де Соссюра.
27. Проблема систематизации разделов и подразделов русского языкознания по В.В.Виноградову.
28. Грамматическое учение В.В.Виноградова.
29. Вопрос о классификации частей речи в трудах В.В.Виноградова.
30. Учение о словосочетании и предложении.
31. Учение о лексике и фразеологии.
32. Совместная работа В.В. Виноградова и Д. Н. Ушакова.
33. В.В.Виноградов как основоположник истории русского литературного языка и стилистики русского литературного языка.
34. Вклад В.В.Виноградова в становление и развитие русского словообразования.
35. Учёные виноградовской школы.
36. В.В.Виноградов и «МАПРЯЛ».

Рекомендуемые информационные ресурсы

- Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М., 1999.
- Баранникова Л. И. Общее и русское языкознание. Ин-т рус. яз., лит. и журналистики Саратов. гос. ун-та .— М. : КомКнига, 2005 .— 252 с.
- Березин Ф.М. История лингвистических учений. М., 1975.
- Березин Ф.М. История русского языкознания. М.: Высшая школа, 1979.- 223с

Березин Ф.М. Очерки по истории языкознания в России (кон. XIX – нач. XX в.). М., 1968.- 310 с.

Березин Ф.М. Русское языкознание кон. 19 – нач. 20 в. - М.: Наука, 1976. - 366 с.

Березин Ф.М. Хрестоматия по истории русского языкознания. М.:Высшая школа, 1977.-440 с

Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. – М., 1978.

Даниленко В.П. История русского языкознания.- М: Флинта; Наука, 2009. - 320с.

История языкознания: XIX - 1-я половина XX в.: в 2-х ч. Часть 1 [Электронный ресурс]: хрестоматия / сост., авт. коммент. и заданий д-р филол. наук З. И. Резанова. - 2-е изд., стер. - М.: Флинта, 2012. - Ч. 1. - 264 с. [//http://znanium.com/bookread.php?book=455666](http://znanium.com/bookread.php?book=455666)

Колесов В.В. История русского языкознания. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2003. - 472с.

Сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета академику В. В. Виноградову посвящается / [Под общ. ред. проф. А.И.Ефимова]. М.: Издательство Московского университета, 1958. 372 с.

<http://www.gramota.ru>

<http://www.jazykoznanie.ru>

<http://www.znaniy.com>

<http://www.philology.ru>

<http://www.filologia.ru>

http://homepages.tversu.ru/~ips/Hist_06.htm

http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/MARR_NIK_OLA_YAKOVLEVICH.html

Тема 6

РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Антропоцентризм как ведущий принцип

в современном языкознании

В развитии любой науки, в том числе и языкознания, происходит поэтапная смена научных парадигм. Термин «парадигма научного знания» был введен Томасом Куном в его работе «Структура научных революций». Парадигма – это «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений». В истории языкознания выделяется три научные парадигмы – сравнительно-историческая, системно-структурная и антропоцентрическая.

1. Сравнительно-историческая парадигма связана с господством сравнительно-исторического метода в исследовании языка. Наука занималась вопросами происхождения языков, реконструкцией праязыка, установлением соотношения между родственными языками и описанием их эволюции, создавались сравнительно-исторические грамматики и словари.

2. Системно-структурная парадигма характеризуется познанием структуры языка, его организации. Определяющим явился тезис Ф. де Соссюра, согласно которому объектом лингвистики должен быть язык «в себе и для себя». Парадигма продолжает свое существование, в ее рамках проводятся исследования, вносящие существенный вклад в развитие лингвистики.

3. Антропоцентрическая парадигма возникает в результате осознания того, что язык не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и

пользователем. Истоки парадигмы восходят к идеям В. фон Гумбольдта и Э. Бенвениста. Именно В. фон Гумбольдт отметил, что человек становится человеком только через язык, в котором действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности; язык есть единая духовная энергия народа.

Реальное положение вещей в истории науки о языке таково: первой ведущей научной парадигмой языкознания, выделившегося в самостоятельную область знания, была компаративистская парадигма; её сменила структуральная парадигма, которая была вытеснена в 1970-е годы антропоцентрической парадигмой, знаменем которой стало возвращение к проблемам говорящего человека.

Основными принципами современного этапа языкознания как системы знаний о человеке являются: экспансионизм, функционализм (или неофункционализм) и экспланатарность (объяснительный характер) и антропоцентризм.

Экспансионизм (стремление расширить область исследований) в качестве принципа современной лингвистической науки впервые стал предметом обсуждения на XIV Международном лингвистическом конгрессе, который проходил в Берлине в 1987 г. Выступившие на конгрессе чехословацкий лингвист Франтишек Данеш и финский учёный Нильс Эрих Энквист противопоставили экспансионизм редуционизму (намеренному сужению области исследования). Правда, при этом они имели в виду прежде всего лингвистику текста. Редуцируя, сокращая область исследования, учёный рискует упустить важные признаки описываемого объекта.

Экспансия лингвистики обнаруживается в возникновении новых лингвистических школ и направлений, которые рассматривают старые проблемы с новых позиций, изобретают новые методы и приёмы анализа; в обнаружении новых граней объекта исследования языка; в интеграции

лингвистики с другими науками. В результате экспансии лингвистики сформировались междисциплинарные науки, занимающие промежуточное положение между гуманитарными и негуманитарными сферами знаний: математическая лингвистика, инженерная лингвистика, лингвофольклористика, лингвопоэтика, лингвокультурология, социолингвистика, когнитивная лингвистика, психолингвистика, этнолингвистика и др. Эти интеграционные процессы, естественно, способствуют получению таких знаний о языке, которые невозможно было бы добыть в рамках традиционного языкознания. Однако экспансионизм науки, сопровождающийся непомерным расширением предмета анализа, вплоть до размывания его границ, не всегда благотворно влияет на качество самой исследовательской работы. Он опасен кажущейся лёгкостью достижения новых знаний о языке в пограничных сферах и привлекает в наиболее «модные» интеграционные области науки дилетантов, не имеющих серьёзной лингвистической подготовки.

Вторая характерная черта современного языкознания – функционализм, или неофункционализм. Функциональные свойства языка издавна интересовали отечественных и зарубежных лингвистов. Одна из первых структуральных школ – Пражский лингвистический кружок – не случайно называлась Школой функциональной лингвистики. При традиционном функциональном подходе центральной проблемой лингвистики становится изучение каждого языкового явления по выполняемой им функции в системе языка и по цели, с которой оно используется в процессе общения.

Неофункционализм как принцип современной лингвистики, по мнению Е.С.Кубряковой, опирается на более сложное понимание функций языка и целей высказывания. Так, пражские структуралисты ставили перед собой задачу приписать выделяемым минимальным единицам языка (по преимуществу фонеме и морфеме) определённые функции и оправдать

выделение фонем и морфем функциональными критериями. В современных же функциональных школах, наоборот, вначале определяется сам набор возможных функций, а затем выявляются те языковые единицы и конструкции, которые служат для выражения установленных функций. При этом разрабатываются развёрнутые классификации функций, особенно – функций коммуникативного акта, создаются различные теории относительно возможных целей высказывания. Выделение исходного набора функций (семантических, синтаксических, прагматических и прочих) способствует фундаментальному изучению употребления языка в различных условиях общения и одновременно помогает объяснить устройство языка.

Неофункционализм проявляется наиболее активно в ряде направлений современного языкознания:

- функциональной грамматике,
- лингвистике текста,
- коммуникативном (динамическом) синтаксисе,
- нарративной лингвистике (изучающей нарративы – повествовательные тексты),
- функциональной лексикологии и фразеологии.

Третий принцип современного языкознания – экспланатарность, т.е. объяснительный характер. Уместно было бы напомнить, что установление причинно-следственных связей, стремление не только описать, но и объяснить языковые факты всегда было сильнейшей стороной русских лингвистических школ, в то время как многие зарубежные учёные (например, младограмматики XIX в. и структуралисты первой половины XX в.) считали, что дело лингвиста – констатировать то, что есть, а не объяснять. Преодоление кризиса в мировом языкознании, связанного с крайностями структурализма, как раз сопровождалось изменением соотношения между описанием и объяснением языковых явлений. Попытки

внести объяснения в анализ языка неизбежно должны были сопровождаться созданием гипотез об устройстве языка, выработкой теорий, объясняющих его глубинные, недоступные для непосредственного наблюдения структуры.

Объяснительность, или экспланатарность, современного языкознания проявляется всесторонне. Во-первых, лингвистика объясняет свой объект исследования, свои собственные цели и задачи, определяет ориентиры и конечный результат исследовательской деятельности. Для современного состояния науки о языке этот объяснительный компонент оказывается особенно актуальным.

Таким образом, условия развития современной лингвистики обусловили необходимость более строго очертить её предмет исследования, объяснить изучаемый ею объект – язык, но не только язык «в самом себе и для себя». Здесь возникает вторая сторона объяснительности, или экспланатарности, которой характеризуется современное языкознание: через связи с другими науками, а также через познание собственного объекта лингвистика объясняет самого человека-носителя языка и мир, в котором человек обитает.

Человек стал центром координат, определяющих предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики.

При антропологическом подходе к изучению языка провозглашается принцип постижения языка в тесной связи с бытием человека. Язык интерпретируется как конструктивное свойство человека, а человек определяется как человек именно через посредство языка. Такое решение было дано выдающимся немецким лингвистом XIX в. Вильгельмом фон Гумбольдтом, который рассматривал разрабатываемую им лингвофилософскую концепцию языка как ядро формирования теории человека в рамках философско-практического человековедения. Возвращение к человеку как творцу языка в лингвистике начинается спустя

целый век после публикации работ В.фон Гумбольдта, который писал о языке как о «мире, лежащем между миром внешних явлений и внутренним миром человека». В трактовке В. фон Гумбольдта язык не представляет собой прямого отражения мира. В нем осуществляются акты интерпретации мира человеком. Различные языки поэтому являются различными мировидениями. Слово - это отпечаток не предмета самого по себе, а его чувственного образа, созданного этим предметом в нашей душе в результате языкотворческого процесса. Оно эквивалентно не самому предмету, даже чувственно воспринимаемому, а его пониманию в акте языкового созидания. Всякий язык, обозначая отдельные предметы, в действительности созидает; он формирует для говорящего на нем народа картину мира. Каждый язык образует вокруг народа, которому он принадлежит, круг, выйти за пределы которого можно, только вступив в другой круг. Язык, будучи системой мировидения, оказывает регулирующее воздействие на человеческое поведение: человек обращается с предметами так, как их преподносит ему язык.

Однако эти идеи В. фон Гумбольдта в первой половине XX в. были оттеснены на второй план достижениями структурализма, ограничивавшего исследование языка «в себе и для себя». Но уже в конце XX века под влиянием смены парадигмы гуманитарного познания и на место господствующей сциентистской, системно-структурной и статической парадигме приходит парадигма антропоцентрическая, функциональная, когнитивная и динамическая, возвратившая человеку статус «меры всех вещей» и вернувшая его в центр мироздания.

В 1960-е гг. к идее В.фон Гумбольдта обращается глава французской лингвистики Эмиль Бенвенист (1902-1976). В 1966 г. он опубликовал книгу «Общая лингвистика», один из разделов которой носит символическое название «Человек в языке». Ученый рассуждает об отражении человека в языке, которое определяется языковыми формами «субъективности» и

категориями лица, местоимения и времени. Субъективность Бенвенист понимал как присутствие автора и адресата в качестве необходимых компонентов системного описания языка. Во вступительной статье к русскому переводу «Общей лингвистики» (1974) Ю. С. Степанов вполне определённо называет антропоцентризм, свойственный концепции Э.Бенвениста, главным принципом, которому лингвисты должны следовать на новом, только что начавшемся этапе мирового языкознания.

В начале 1980-х гг. известный специалист в области истории лингвистических учений Владимир Андреевич Звегинцев (1910 – 1988), оценивая состояние мирового языкознания, уже пишет о том, что человек стал главной величиной не только в социолингвистике, одном из разделов языкознания, но становится главной величиной и в лингвистике в целом. В отечественной науке принцип антропоцентризма в полную силу проявился в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда с учётом человеческого фактора стали решаться конкретные лингвистические проблемы. Именно в эти годы были опубликованы монографии Юрия Николаевича Караулова «Русский язык и языковая личность» и Леонида Петровича Крысина «Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка», исследования Бориса Александровича Серебренникова «Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление» и Елены Андреевны Земской «Словообразование как деятельность». Тогда же были изданы фундаментальные сборники научных работ, подготовленные Лабораторией теоретического языкознания Института языкознания РАН: «Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи» под редакцией Е.С.Кубряковой; «Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности» под редакцией Вероники Николаевны Телии (М., 1991) и др.

В 1990-е гг. антропоцентризм реально становится одним из ведущих принципов мирового языкознания, что дало основание ряду учёных называть современный этап лингвистики антропоцентрическим, или

антропологическим. Антропоцентризм роднит лингвистику со многими другими науками, и не только гуманитарными, потому что во всех областях знаний, включая фундаментальные естественные науки, наблюдается переориентация на человека, взгляд на него как на центр вселенной. Научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и её усовершенствования.

Рассматривая антропоцентризм как «научную метапарадигму» науки о языке, один из главных параметров современной лингвистики, исследователи расходятся во мнении о том, какие именно аспекты изучения языка объединяет антропоцентрическая лингвистика. Так, Е.С. Кубрякова, говоря о связи антропоцентризма с другим главным параметром современной лингвистики – функционализмом, или неофункционализмом, относит к антропоцентрическим направлениям в лингвистике когнитивные и коммуникативные исследования языка.

В.А. Маслова в качестве основных направлений антропоцентризма называет когнитивную лингвистику и лингвокультурологию. В целом же зачастую исследователи называют 4 взаимосвязанных, но тем не менее разных направления современной антропоцентрической парадигмы в лингвистике: 1) исследования языковой картины мира; 2) коммуникативная лингвистика; 3) когнитивная лингвистика; 4) внутрисубъектная лингвистика, или теория носителя языка, или же – лингвоперсонология, теория языковой личности.

Таким образом, диапазон исследований в рамках антропоцентрической лингвистики весьма широк: в него включены все направления, нацеленные на изучение и описание человека в языке и языка в человеке.

Основные направления современной лингвистики

Социолингвистика – это научная дисциплина, развивающаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества. Социолингвистика, вскрывая причинные связи между языком и фактами социальной жизни, исследует вопросы, связанные с языковыми контактами, языковой ситуацией, языковой политикой; занимается проблемами соотношения языка и этноса, социальной дифференциации языка, становления и развития национальных и литературных языков, их нормирования; рассматривает вопросы межнационального и международного общения и т. д. В центре социолингвистики находится не столько сам язык как таковой, сколько его носители.

Основная общетеоретическая проблема социолингвистики – исследование природы языка как социального явления, связи языка с обществом, его места и роли в общественном развитии – включает немало более частных, конкретных вопросов, которыми занимаются отдельные, специальные научные отрасли (к примеру, этнолингвистика занимается вопросами взаимоотношения языка и этноса; интерлингвистика исследует вопросы об организации эффективной коммуникации в многоязычном сообществе и перспективах будущего человеческого языка).

Проблема «Язык и общество» широка и многоаспектна. Она включает в себя множество вопросов, однако среди них как наиболее значимые и первоочередные по месту во всей проблеме и по степени научной освещенности выделяются такие, как: социальная природа человеческого языка; социальная обусловленность возникновения и развития языка; язык и формы исторической общности людей (история языка и история народа);

социальная обусловленность формирования литературных языков и языковой нормы; социальная обусловленность неравномерности развития отдельных языковых участков; социальная обусловленность дифференциации языка, его структуры и его функционирования; функциональные стили и общество; сознательное воздействие общества на язык, его развитие; зависимость общества от языка; проблемы речевой культуры как проблемы социального применения языка и многие другие.

Сложный характер взаимоотношений языка и этноса обусловил пристальное внимание исследователей к этой проблеме, что привело к возникновению особой отрасли науки – этнолингвистики, изучающей взаимодействие лингвистических и этнических факторов.

Связь языка и общества не сразу стала предметом специального научного исследования. И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и другие русские лингвисты неоднократно высказывали мысль о необходимости создания так называемой внешней лингвистики, под которой понималась вся совокупность связей языка с экстралингвистическими явлениями. Но по-настоящему отечественное языкознание приступило к решению проблемы языка и общества в 20-30-е гг. XX в., чему способствовало расширение социолингвистической проблематики, углубленное решение ряда теоретических и практических задач, которыми ознаменовался этот период – время социальных преобразований. Работы Н. Я. Марра, В. В. Жирмунского, Л. П. Якубинского, А. И. Селищева, Е. Д. Поливанова, Б. А. Ларина, Р. О. Шора, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова и других ученых заложили основы новой языковедческой дисциплины – социолингвистики.

Функциональная лингвистика – одно из направлений современного языкознания, которое характеризуется преимущественным вниманием к функционированию языка как средства общения. Она возникла на базе структурной лингвистики и представляет собой совокупность разнородных

школ, объединённых общим подходом к языку: все представители функционального направления считают, что фундаментальные свойства языка не могут быть описаны и объяснены без учёта его функций.

Психолингвистика – это раздел лингвистики, изучающий язык как феномен психики. Эта область занимается вопросами изучения взаимодействия языка, мышления и сознания. Это комплексная наука, которая относится к дисциплинам лингвистическим, поскольку изучает язык, и к дисциплинам психологическим, поскольку изучает его в определенном аспекте – как психический феномен. А поскольку язык – это знаковая система, обслуживающая социум, то психолингвистика входит и в круг дисциплин, изучающих социальные коммуникации, в том числе оформление и передачу знаний.

Психолингвистика исследует следующие проблемы: психолингвистические единицы восприятия речи, этапы порождения и понимания речевого высказывания, обучение языку (особенно иностранному), речевое воспитание дошкольников и вопросы логопедии, клиника центрально-мозговых речевых нарушений, диагностика нервных заболеваний на основе наблюдений над речью, проблемы речевого воздействия (пропаганда, деятельность средств массовой информации, реклама), лингвистические аспекты авиационной и космической психологии, а также судебной психологии и криминалистики, вопросы организации внутреннего лексикона человека, проблемы машинного перевода, проблемы диалога человека и компьютера, автоматическая обработка текста, информатика, теория и практика искусственного интеллекта.

Психолингвистика как стыковая наука близка по предмету исследования к лингвистике, а по методам к психологии (обычное наблюдение с записью его результатов на магнитофон, видеоплёнку или бумагу или с использованием принадлежащих испытуемым лицам

сочинений, дневников, писем и т.п.; эксперименты на детекцию речевого сигнала, различение, идентификацию, интерпретацию (аналогичные экспериментам в психологии и в фонетических исследованиях щербовской школы); свободный ассоциативный эксперимент, направленный на исследование отдельных слов или групп слов и позволяющий установить для слов их ассоциативные поля, внутри которых выделяются связи-ассоциации парадигматические, синтагматические и тематические; направленный ассоциативный эксперимент, вводящий ограничения либо в сам стимул, либо в экспериментальное задание; методика "семантического дифференциала" Чарлза Осгуда, предполагающая оценку стимула в каких-либо признаках на основе заданных экспериментатором шкал и находящая применение не только в исследовании отдельных слов, но и звуков одного языка, корреспондирующих звуков разных языков и даже целых текстов - радиорепортажей, научно-популярных и поэтических текстов; вероятностное прогнозирование, позволяющее оценить субъективную частотность отдельных слов и её влияние на распознаваемость в условиях помех; индексирование текста путём выделения в нём ключевых слов, установления их частот и выделения малого, среднего и большого наборов ключевых слов, отражающих соответственно основную тему текста, ситуацию взаимодействия между его "героями" и основное содержание текста).

О возникновении психолингвистики официально было объявлено в 1953-1954 гг. в США на совместном семинаре специалистов по психологии, лингвистике и теории информации. Участники семинара сделали попытку опереться в лингвистическом плане сперва на дескриптивную лингвистику, затем на трансформационную порождающую модель Н. Хомского и после этого на когнитивную лингвистику. Соответственно происходил переход от исследования отдельных слов к изучению предложений в трансформационном аспекте и в конечном итоге к тексту (дискурсу).

Первоначальной опорой американской психолингвистики были психологические необихевиористские концепции Чарлза Осгуда, Джорджа Армитеджа Миллера, Дэна Исаака Слобина и др., а затем когнитивная психология и в целом когнитология, изучающая структуры знаний (когнитивные структуры). В 80-х гг. разрабатываются модели параллельной обработки информации в связанных в единую сеть системах.

Отечественная психолингвистика (первоначально теория речевой деятельности) ориентирована на психологические и неврологические теории Льва Семёновича Выготского, Александра Романовича Лурия, Алексея Николаевича Леонтьева, Николая Ивановича Жинкина и на лингвистические идеи Льва Владимировича Щербы, Льва Петровича Якубинского, Михаила Михайловича Бахтина (В.Н. Волошинова), Соломона Давидовича Кацнельсона, Льва Рафаиловича Зиндера. Отечественные психолингвистические школы имеются в Москве (А.А. Леонтьев, Т.В. Ахутина-Рябова, И.А. Зимняя, Р.М. Фрумкина, А.М. Шахнарович, Е.Ф. Тарасов, Т.М. Дридзе, А.И. Новиков), в Петербурге (Л.Р. Зиндер, В.Б. Касевич, Л.В. Сахарный, Т.И. Зубкова, А.С. Штерн), в Саратове (И.Н. Горелов), в Твери (А.А. Залевская и её ученики), в Перми (Л.Н. Мурзин и его ученики).

Однако, к сожалению, проблема активного внедрения психолингвистических знаний в теорию и методику коррекционной логопедической работы еще далеко не разрешена. В последнее десятилетие в отечественной логопедии и коррекционной педагогике был разработан целый ряд методических систем коррекционно-логопедической работы с детьми дошкольного и младшего школьного возраста, построенных с учетом данных психолингвистики (Т.Б. Филичева, Г.В. Чиркина, Р.И. Лалаева, С.Н. Шаховская, О.С. Орлова, Т.Г. Визель, Т.В. Туманова, С.Ю. Горбунова и др.).

Нейролингвистика – наука, изучающая мозговые механизмы речевой деятельности в норме и при локальных поражениях мозга. Становление нейролингвистики как научной дисциплины связано с развитием нейропсихологии, с одной стороны, лингвистики и психолингвистики – с другой. Нейролингвистика занимается изучением и восстановлением системных нарушений языковых навыков и умений.

Когнитивная лингвистика – направление в языкознании, которое исследует проблемы соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия. В данной области лингвистики язык представляется как средство доступа к мыслительным процессам. Именно в языке фиксируется опыт человечества, его мышление; отсюда предметом изучения когнитивной лингвистики является язык как познавательный механизм, система знаков, специфически кодифицирующая и трансформирующая информацию.

На русском языке впервые в 1985 г. когнитивная грамматика была представлена читателю в обзоре В.И. Герасимова. Он отметил важную роль в становлении науки таких направлений и программ исследования, как психосемантика.

Эти исследования дали толчок развитию отечественной когнитивной лингвистики. Для ее формирования важную роль сыграли также следующие работы по моделированию понимания естественного языка: русские переводы книг Т. Винограда «Программа, понимающая естественный язык» (1976, оригинал 1972) и Р. Шенка «Обработка концептуальной информации» (1980, оригинал 1975), а также XXIII том «Нового в зарубежной лингвистике», посвященный когнитивным аспектам языка. Внимание когнитивной лингвистики к семантической проблематике и методологическая близость ее к лингвистической семантике объясняет

стремление ряда авторов, особенно в России, говорить именно о когнитивной семантике, а не о когнитивной лингвистике или грамматике.

Весомый вклад в развитие отечественной когнитивистики внесли работы таких ученых, как Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др., которые постоянно подчеркивали значение «человеческого фактора» в языке, а также тесную связь лингвистики с философией и психологией.

Базовым понятием когнитивной лингвистики считают концепт. Всю познавательную деятельность человека (когницию) можно рассматривать как развивающую умение ориентироваться в мире, а эта деятельность сопряжена с необходимостью отождествлять и различать объекты: концепты возникают для обеспечения операций этого рода. Следовательно, формирование концептов связано с познанием мира, с формированием представлений о нем.

К концу XX века лингвисты поняли, что носитель языка - это носитель определенных концептуальных систем. Концепты - ментальные сущности. В каждом концепте сведены воедино принципиально важные для человека знания о мире и вместе с тем отброшены несущественные представления. Система концептов образует картину мира (мировидение, мировосприятие), в которой отражается понимание человеком реальности, ее особый концептуальный «рисунок», на основе которого человек мыслит мир.

Термин концепт в лингвистике и старый и новый одновременно. С.А. Аскольдов-Алексеев еще в 1928 г. опубликовал статью «Концепт и слово», но до середины XX века понятие «концепт» не воспринималось как термин в научной литературе.

Сейчас в лингвистической науке можно обозначить три основных подхода к пониманию концепта, базирующихся на общем положении: концепт - это то, что называет содержание понятия, синоним смысла.

Первый подход, представителем которого является Ю.С. Степанов, при рассмотрении концепта большее внимание уделяет культурологическому аспекту, когда вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Следовательно, концепт - это основная ячейка культуры в ментальном мире человека. Они занимают ядерное положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование становится чрезвычайно актуальным.

Второй подход (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев и др.) привлечение в когнитивную лингвистику семантики языкового знака представляет единственным средством формирования содержания концепта.

Сторонниками третьего подхода являются Д.С. Лихачев, Е.С. Кубрякова и др., которые считают, что концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека, т.е. концепт является посредником между словами и действительностью.

Прагмалингвистика – это область лингвистики, центральным объектом которой выступает речевой акт, а также отношения между языковыми единицами и условия их употребления в конкретной коммуникативно-прагматической ситуации. Предметом прагмалингвистики является выбор отправителем текста оптимальных языковых единиц из набора равнозначных для наилучшего воздействия на получателя текста. Критерий оценки сделанного выбора – успешность и эффективность речевого общения.

Лингвистика текста – это лингвистическая дисциплина о правилах построения текста и его смысловых категориях, выражаемых по этим правилам. Лингвистика текста как наука формирует новые онтологические основания для анализа взаимоотношения языка и речи, позволяет наблюдать данную связь опосредованно, через текст.

Лингвокультурология – комплексная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь и взаимовлияние культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания. Данный раздел лингвистики изучает национально-культурные специфические правила организации речевого общения, раскрывает ментальность, характер нации, отражённые в языке, её предметом выступают взаимоотношения языка и культуры.

Всеобъемлющее и общепринятое определение лингвокультурологии содержится в работах В.В. Воробьева. В его концепции, это – комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка (Воробьев В.В., 1997: 36). С.А. Кошарная конкретизирует данное понимание лингвокультурологии, определяя ее как научную дисциплину, изучающую процесс осмысления и отражения в национальном языке элементов материальной и духовной культуры народа (Кошарная, 2002: 24).

Ценностно-смысловое пространство языка как раз и является предметом лингвокультурологии. Если адаптировать высказывание А.А. Леонтьева о этнопсихолингвистике, то можно достаточно точно охарактеризовать лингвокультурологию, которая до недавнего времени «как отдельная научная область скорее декларирована, чем действительно оформилась». Однако к концу XX века это направление обрело статус полноценной научной дисциплины: определены ее объект и предмет, постулированы основные теоретические положения и заложены теоретические основы, которые получают воплощение в практических результатах.

Характерные особенности лингвокультурологии:

- лингвокультурология тесно связана с лингвистикой и культурологией и имеет синтезирующий характер;

- лингвокультурология акцентирует главное внимание на культурных фактах, эксплицирующихся в языке;
- лингвокультурология принадлежит к лингвистическим наукам, поэтому результаты ее теоретических обобщений могут найти практическое использование в процессе обучения родному и иностранному языку;
- главными направлениями в исследовании лингвокультурологии являются: а) языковая личность; б) язык как система семиотической репрезентации культурных ценностей.

Активное и конструктивное свойство языка и его способность воздействовать на формирование народной культуры, психологии и творчества обнаруживали и вскрывали еще в XVIII веке и в начале XIX века И.Г. Гердер и В. фон Гумбольдт. Их идеи нашли свой живой отклик во многих славянских странах, в том числе и в России.

Первые упоминания о лингвокультурологии как научной дисциплине содержатся в работах отечественных ученых М.М. Покровского, Г.В. Степанова, Д.С. Лихачева и Ю.М. Лотмана.

Н.И. Толстой, например, исходит из того, что отношения между культурой и языком могут рассматриваться как отношения целого и его части. Язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры (что не одно и то же), в особенности, когда речь идет о литературном языке или языке фольклора. В то же время язык по отношению к культуре в целом автономен. Его можно рассматривать отдельно от культуры (что и делает «чистое», системно-структурное, языкознание) или в сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом.

Такое раздельное и в то же время сравнительное рассмотрение двух объектов позволяет применить в отношении культуры ряд терминов и понятий, выработанных и устоявшихся в языкознании. При этом подобная экспансия «лингвистического» подхода к явлениям культуры отнюдь не

является неким «переводом» культуроведческой терминологии на терминологию лингвистическую, а скорее иным, структурально более четким подходом к культуре как некоему систематическому целому.

В эпицентре лингвокультурологии конца XX века оказывается не только язык, но и дискурс, в которых разными языковыми и дискурсивными единицами представлен соответствующий образ мира. Особенно рельефно эта точка зрения обосновывается в работах В.Н. Телия. В ее концепции, лингвокультурология, в отличие от других культурологических дисциплин, призвана изучать живые коммуникативные процессы в их синхронной связи с этническим менталитетом, действующим в данную культурную эпоху. При таком понимании задач лингвокультурологии предметом ее исследования становится «археология культуры». Лингвистические «раскопки» культурно-исторических слоев здесь осуществляются с помощью таких категорий, как национальная картина (образ, модель) мира, языковое (этнокультурное) сознание и ментальность (менталитет) народа. Названные категории, надо отметить, не являются синонимами: каждая из них имеет свое содержательное лицо. Однако все эти категории объединяет так называемый национальный (этнический) компонент.

На важность национальных (этнических, в нашей терминологии) корней в жизни человека указывали многие русские философы начала XX века (см., например, работы Бердяева, Ильина, Трубецкого). По мнению Н.А. Бердяева (1990), вне национальности, понимаемой как индивидуальное бытие, невозможно существование человечества. И именно через национальную индивидуальность каждый отдельный человек входит в человечество, он входит в него как национальный человек (Ильин, 1993: 232–233).

Законом человеческой природы и культуры И.А. Ильин признает то, что «все великое может быть сказано человеком или народом только по-

своему и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, духа и уклада». Утрачивая связь с этнолингвокультурой, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни, которые всегда национальны: «в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли» (Ильин, 1993: 236).

Для лингвокультурологии крайне важен акцент И.А. Ильина на том, что национальность человека создается не сознательно, а «укладом его инстинкта и его творческого акта, укладом его бессознательного...» (Ильин, 1993: 237). Эти суждения ученого справедливы не только в отношении культуры вообще: они особенно существенны и органичны для лингвокультуры. Присмотревшись к тому, как верует человек, какую молитву и как читает, как и в каких речевых образах проявляются его доброта, геройство, чувство чести и долга; как он поет, читает стихи, можно определить, сыном какой нации он является. Все это, заметим, зависит не столько от сознательного поведения человека, сколько от его духовного уклада, проявляющегося бессознательно.

Начиная с конца XX века, лингвокультурология постепенно вытесняет страноведение и в дидактическом плане. Об этом свидетельствуют работы по методике преподавания русского языка как иностранного В.В. Воробьева, Ю.Е. Прохорова, В.М. Шаклеина, И.Б. Игнатовой, Д.И. Башуриной и публикации по методике преподавания русского языка как родного Т.Ф. Новикова, Л.П. Сычуговой и др.

В связи с этим становится важным использование лингвокультурологического подхода в иностранной аудитории при обучении русскому языку, поскольку лингвокультурологические сведения являются необходимой составляющей коммуникативной компетенции иностранного студента, особым образом воплощенными в семантике языковых единиц. Лингвокультурологические знания вызывают

необходимость формирования лингвокультурологической компетенции как части коммуникативной.

Поскольку в дидактической интерпретации лингвокультурология представляет собой теоретическое обоснование формирования вторичной языковой личности, тех коммуникативных умений, которые необходимы для обучения носителей разных национальных картин мира и предупреждения межкультурной интерференции, то лингвокультурологический подход в обучении русскому языку как иностранному является одним из условий овладения лексикой, обеспечивающей межкультурную коммуникацию. Изучение иноязычной лексики и овладение ею в лингвокультурологическом аспекте способствует переходу на другую знаковую систему, необходимую для формирования вторичной языковой личности. Владение языком в современной методике понимается как способность на нем общаться – свободно, корректно и адекватно (В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова).

Лингвоэкология – наука, занимающаяся исследованием общественно-политических, социально-экономических, лингводидактических условий созрания, возрождения и развития языков. Лингвоэкология тесно связана с историей, этнографией, юриспруденцией, контактологией, конфликтологией и собственно лингвистикой. Основными понятиями лингвоэкологии являются: комфортные/дискомфортные условия жизни языка; сохранение, возрождение, развитие языка; гармоническое/негармоническое двуязычие; языковой нигилизм и т.д.

Квантитативная лингвистика – это раздел общей лингвистики и, в частности, математической лингвистики. Квантитативная лингвистика исследует язык при помощи статистических методов; её конечная цель – сформулировать законы, по которым функционирует язык и, в конечном счете, построить общую теорию языка в виде совокупности взаимосвязанных законов функционирования языков.

С теоретической точки зрения использование статистических методов в языкознании позволяет дополнить структурную модель языка вероятностным компонентом, то есть создать структурно-вероятностную модель, обладающую значительным объяснительным потенциалом. Эту сторону использования количественных методов следует считать приложением статистики в языкознании. К моделям такого рода относится, например, «модель жизненного цикла слова», предложенная А. А. Поликарповым. Проведенный им квантитативный анализ показал, что в достаточно значительной временной перспективе имеется явная тенденция к увеличению степени абстрактности значений у многозначного слова — чем позже возникает значение, тем оно более абстрактно. Разработанная количественная модель позволяет делать интересные предположения об относительном «возрасте» различных частей речи, тенденций развития лексической системы языка и т.д.

Из приведенного примера видно, что задача построения структурно-вероятностной модели функционирования языка относится к теоретическим проблемам лингвистики и входит в компетенцию теории языка. В прикладной же области квантитативная лингвистика представлена прежде всего использованием фрагментов этой модели.

Изучение поэтического и непоэтического стилей может основываться на статистических методах; более того, возможно проводить соответствующие исследования на основе особых форм (параметров) которые языковые законы принимают в текстах различных стилей. В таких случаях квантитативная лингвистика проводит исследование в стилистике: одна из итоговых целей — доказать настолько объективно, насколько это возможно, по крайней мере в одной области действий существование стилистического феномена, ссылаясь на действие языкового закона. Одно из главных предположений КЛ состоит в том, что некоторые законы (например, закон

распределения длин слов) требуют различных моделей, по крайней мере различных значений параметров закона (распределений или функций), в зависимости от типа текста, к которому принадлежит этот текст. Если изучаются поэтические тексты, то методы КЛ образуют поддисциплину, которая называется «Квантитативное изучение литературы».

Другая важная область прикладного использования знаний о частоте использования тех или иных языковых структур — компьютерная лингвистика. Многие компьютерные программы, связанные с функционированием языка, используют алгоритмы, основывающиеся на данных о частоте употребления фонем, морфем, лексических единиц и синтаксических конструкций. Например, программы автоматической коррекции орфографии содержат словари, как правило, только наиболее частотных лексем. Редкие слова пользователь может вводить в свой индивидуальный словарь. Аналогичные словари используются в программах автоматического распознавания письменного текста и речи (типа Fine Reader). Абсолютная частота появления лексем (особенно терминологической лексики) используется в системах автоматического аннотирования и реферирования. Так, согласно статистико-дистрибутивному методу автоматического индексирования информативными для данного текста считаются скопления слов, расположенных достаточно близко друг от друга, частота которых превосходит некоторую пороговую величину, например, среднюю частоту слов в документе (метод ACSI-Matic).

В процессе дешифровки также могут использоваться данные о частоте употребления графем, морфем и слов, а также их взаимном расположении. К настоящему времени разработаны продуктивные алгоритмы дешифровки, основанные на частоте и дистрибуции элементов кодированного текста; ср. дешифровочные алгоритмы Б. В. Сухотина, статистико-комбинаторный метод Н.Д.Андреева.

Проблема авторизации текста относится к числу классических проблем филологического исследования. Часто она рассматривается в рамках «количественной стилистики» — стилеметрии. Авторизация включает как литературную, так и лингвистическую составляющую.

Однако чисто филологическое направление авторизации не позволяет построить объективные операциональные критерии анализа и атрибуции текста. Перспектива объективизации экспертного знания была обнаружена в использовании количественных, статистических методов анализа текста. Пионером в этой области стал Н. А. Морозов, перу которого принадлежит опубликованная в 1915 г. работа «Лингвистические спектры. Средство для отличия плагиатов от истинных произведений того или другого известного автора. Стилеметрический этюд». Существенно, что в квантитативном анализе Морозов предлагал опираться не на тематически связанную лексику слова, определяемые спецификой описываемого материала, его предметной и проблемной ориентацией, — а на служебные слова и слова тематически нейтральные. Дело в том, что именно особенности употребления служебных слов, лексем с общей семантикой, не привязанной к тематике художественного произведения, формируют авторский стиль и практически не поддаются имитации.

В настоящее время развитие методик авторизации текста наиболее продуктивно проходит в рамках стилеметрии. Лингвистические основания авторизации могут быть различны, но использование количественных методов анализа оказывается неизбежным. Одно из перспективных направлений в этой области — привлечение к авторизации текста теории распознавания образов. При таком подходе стиль описывается как пространство количественно выразимых параметров — средняя длина предложения, количество вложенных синтаксических структур, количество слов в предложении, количество предложений в абзаце и т.д. Далее каждый анализируемый текст выражается через вектор, координаты которого

задаются значениями выбранных параметров. Сходство векторов определяет и сходство стилей.

Разрабатываются подходы, основанные на изучении количественных особенностей реализации синтаксических структур, а также на выявлении некоторых особенностей формальной структуры текста, связанных с выражением типов чужой и авторской речи. Соотношение чужой речи (прямой, смешанной, вложенной) с авторской также оказывается стилеобразующим фактором. Эта характеристика стиля отражена в «формально-пунктуационном» методе структуризации текста, который реализован в компьютерной системе DISSKOTE [Гринбаум 1996]. Ниже разбирается пример авторской экспертизы текста, основанный на методике анализа квазисинонимичных лексем.

Глоссарий по теме 6

Антропоцентризм – один из ведущих принципов современного языкознания, лежащий в основе многих направлений современной лингвистики, нацеленных на изучение и описание человека в языке и языка в человеке.

Дискурс – это единство непосредственно речи и внешних факторов, влияющих на особенности этой речи.

Иллокутивная цель речевого акта – это ментальный акт, совершения которого добивается от слушающего говорящий, или ментальное состояние, в которое говорящий намерен привести слушающего.

Квантитативная лингвистика – это раздел общей лингвистики и, в частности, математической лингвистики, исследующий язык при помощи статистических методов.

Когниция – процесс, с помощью которого происходит обработка информации нашим сознанием.

Когнитивная лингвистика – направление в языкознании, которое исследует проблемы соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия.

Концептосфера – это упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления.

Лингвистика текста – это лингвистическая дисциплина о правилах построения текста и его смысловых категориях, выражаемых по этим правилам.

Лингвистическая аксиология – это раздел языкознания, который изучает различные аспекты системы ценностей этноса и способов их репрезентации (представления) в языке и духовной культуре.

Лингвогносеология – это одно из направлений современного языкознания, которое занимается изучением познавательных функций языка.

Лингвокультурология – комплексная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь и взаимовлияние культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру в единстве их языкового и внеязыкового содержания.

Лингвопалеонтология – это лингвистическая дисциплина, в предметом исследования которой является связь истории языка с историей народа, его материальной и духовной культурой, географической локализацией, архаическим сознанием.

Лингвопраксеология – это лингвистическая дисциплина, которая изучает прагматическую (практическую, праксеологическую) функцию языка.

Нейролингвистика – раздел психологии, посвященный изучению мозговых механизмов речевой деятельности в норме и при локальных поражениях мозга.

Парадигма – это признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений.

Психоллингвистика – это раздел лингвистики, изучающий язык как феномен психики.

Психосемантика – область психологии, изучающая генезис, строение и функционирование индивидуальной системы значений, опосредствующей процессы восприятия, мышления, памяти, принятия решений и т. д.

Референт – объект внеязыковой действительности, подразумеваемый автором конкретного речевого отрезка; предмет референции.

Семиотика (греч. semeiotikón, от seméion — знак, признак), семиология, наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем (естественных и искусственных языков).

Скрытая прагмалингвистика - одно из направлений современной лингвистики, которое исследует интуитивный привычный выбор речевых сигналов актуализации речевого поведения отправителя текста.

Социоллингвистика (социологическая лингвистика) – раздел языкознания, изучающий связь между языком и социальными условиями его бытования.

Фрейм – понятие, означающее в общем виде смысловую рамку, используемую человеком для понимания чего-либо и действий в рамках этого понимания; другими словами, фрейм — устойчивая структура, когнитивное образование (знания и ожидания), а также схема репрезентации.

Функционализм (неофункционализм) – принцип современной лингвистической науки, характеризующийся стремлением к изучению

каждого языкового явления по выполняемой им функции в системе языка и по цели, с которой оно используется в процессе общения.

Функциональная лингвистика – одно из направлений современного языкознания, которое характеризуется преимущественным вниманием к функционированию языка как средства общения.

Функциональная прагмалингвистика – одно из направлений в современной лингвистике, которое изучает речевую деятельность отправителя текста с продуманным намеренным выбором иллюкций.

Экспансионизм – принцип современной лингвистической науки, характеризующийся стремлением к расширению области научных знаний.

Экспланаторность – принцип современной лингвистической науки, характеризующийся стремлением к объяснению языковедами объекта исследования лингвистики, её цели и задачи, к определению ориентиров и конечного результата исследовательской деятельности.

Вопросы для изучения

1. Основные принципы современного языкознания.
2. Антропоцентрическая научная парадигма, её место и роль в современном языкознании.
3. Экспансионизм как принцип современного языкознания.
4. Функционализм как принцип современного языкознания.
5. Экспланаторность как принцип современного языкознания.
6. Антропоцентризм как ведущий принцип современного языкознания.
7. Основные направления современного языкознания.
8. Психолингвистика, её задачи, предмет и объект изучения.
9. Проблематика психолингвистики.
10. Социолингвистика, её цели и задачи.
11. Проблематика социолингвистики.

12. Методы психолингвистики.
13. Социальная дифференциация языка.
14. Отечественные психолингвистические школы.
15. Какие ученые заложили основы отечественной социолингвистики?
16. Квантитативная лингвистика, ее задачи, область применения.
17. Что изучает лингвоэкология?
18. Назовите основные понятия лингвоэкологии.
19. История возникновения и формирования лингвистики текста.
20. Понятие дискурса.
21. Вклад Л. В. Щербы в понимании речевой деятельности.
22. Понятие речевого стереотипа.
23. Понятие социального стереотипа.
24. Речевое поведение по Н. И. Формановской.
25. Проблема речевого воздействия коммуникантов друг на друга.
26. Два направления современной прагмалингвистики.
27. История возникновения теории речевых актов.
28. Понятие «речевой акт».
29. Скрытая прагмалингвистика.
30. Основные методы прагмалингвистики.
31. Основные проблемы когнитивной лингвистики.
32. Разделы когнитивной лингвистики.
33. Когнитивная семантика.
34. Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики.
35. Типы понятийных структур и их языковых соответствий.
36. Взаимодействие когнитивной лингвистики с другими науками.
37. Сущность, основные задачи, объект и предмет лингвокультурологии как науки.
38. Методы лингвокультурологических исследований.
39. Основоположники отечественной лингвокультурологии.

40. Достижения в области лингвокультурологических исследований.
41. Назовите направления современной лингвокультурологии.
42. Значимость использования лингвокультурологического подхода в иностранной аудитории.

Рекомендуемые информационные ресурсы

Анисимов А. В. Компьютерная лингвистика для всех: Мифы. Алгоритмы. Язык. Киев, 1991.

Арапов М. В. Квантитативная лингвистика. М., 1988.

Алифанова О.Г. Перспективные научные исследования в языкознании [Электронный ресурс]: колл. монография / О. Г. Алифанова, Д. В. Исаев, А. В. Павлова, О. С. Рыхлова, Е. В. Турлова, О. А. Хрущева, М. В. Щербакова. - М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. - 200 с. [//http://znanium.com/bookread.php?book=456326](http://znanium.com/bookread.php?book=456326).

Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. - М.: Флинта: Наука, 2005, с.174-199.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М., 2001.

Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика. Рязань, 1984.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1983.

Введение в языкознание: Курс лекций / В.П. Даниленко. - М.: Флинта: Наука, 2010. - 288 с. // <http://znanium.com/bookread.php?book=319807>

Габуниа З.М. История российского языкознания XX века. – Нальчик: Каб-Балк.ун-т, 2007. – 211 с.

Горелов И. Н., Седов К. В. Основы психолингвистики. М., 1997.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. № 4. С.17-33.

Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. М., 1977.

Залевская А. А. Проблемы психолингвистики. Калинин, 1983.

- Кибернетическая лингвистика. М., 1983.
- Компьютерная лингвография / Галиуллин К. Р., Валиахметова Д. Р., Обносова Н. А. и др. Казань: КГУ, 1995.
- Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. М., 2002.
- Кубрякова Е.С. Язык и знания. - М.: 2001,
- Леонтьев А. А. Психоллингвистика. М., 1967.
- Леонтьев А. А. Языкознание и психология. М., 1966.
- Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.
- Крысин Л. П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Марчук Ю. Н. Проблемы машинного перевода. М., 1983.
- Математическая лингвистика. М., 1964.
- Маслов Ю.С. Введение в языкознание. Изд. 2-е. — М., 1987.
- Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. - М., 2004.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2011.
- Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. – М., 2001.
- Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М., 2006.
- Общее языкознание и история языкознания: Курс лекций / В.П. Даниленко. - М.: Флинта: Наука, 2009. - 272 с.
[//http://znanium.com/bookread.php?book=320759](http://znanium.com/bookread.php?book=320759)
- Сахарный Л. В. Введение в психоллингвистику. Л., 1989.
- Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988.
- Теория языка. Вводный курс: Учебное пособие / А. А. Горбачевский. - М.: Флинта: Наука, 2011. - 280 с.

//<http://znanium.com/bookread.php?book=447873>

Хроленко, А. Т. Теория языка [Электронный ресурс]: учеб. пособие / А. Т. Хроленко, В. Д. Бондалетов; под ред. В. Д. Бондалетова. - 3-е изд., стер. - М.: Флинта, 2012. - 512 с.

//<http://znanium.com/bookread.php?book=490449>

Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2006.

Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М., 1978.

Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. М., 1977.

Шулежкова С.В. История лингвистических учений. М.:Флинта:Наука, 2006. – 404 с.

Этнопсихолингвистика / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина, А. Н. Крюков и др. М., 1988.

<http://booksshare.net/index.php?id1=4&category=linguistics&author=kuznecov-ps&book=1958>

<https://ru.wikipedia.org/wiki/Грамматика#>

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Sysov_Jazukoznzn/_06.ph

р

<http://www.infolex.ru/DOMINAT.html>

<http://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentricheskiy-printsip-sovremennogo-yazykoznanija-i-ponyatie-kartiny-mira>

<http://journal-aael.intelbi.ru/main/wp-content/uploads/2011/06/%D0%95.%D0%9D.-pdf>

<http://www.vspu.ru/~axiology/vik/vikart11.htm>

<http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/dialog-argumentativnogo-tipa.html>

http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/KOGNITIVNAYA_LINGVISTIKA.html